Дневник и письма из тюрьмы

1941–1942

Борис Вильде

ДНЕВНИК И ПИСЬМА ИЗ ТЮРЬМЫ

БОРИС ВИЛЬДЕ

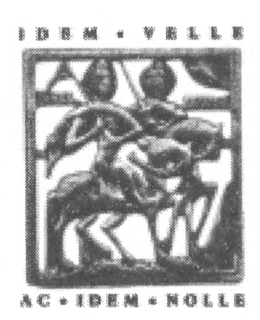

Произведение осуществлено
в рамках программы помощи издательскому делу «Пушкин»
при поддержке Министерства Иностранных дел Франции
и Посольства Иностранных дел Франции в России
в соответствии с логотипом программы «Пушкин»

BORIS VILDÉ

JOURNAL ET LETTRES DE PRISON
1941–1942

Précédé de
De Saint-Pétersbourg
au Mont Valérien
par DOMINIQUE VEILLON
et suivi de
«La Lumière qui éclaire la mort»
par FRANÇOIS BÉDARIDA

ÉDITIONS ALLIA
16, RUE CHARLEMAGNE, PARIS IVE
1997

БОРИС ВИЛЬДЕ

ДНЕВНИК И ПИСЬМА ИЗ ТЮРЬМЫ

1941–1942

Предисловие
Доминик Вейон
От Санкт-Петербурга
до Мон-Валерьен
Послесловие
Франсуа Бедарида
«Свет, просвещающий смерть»

РУССКИЙ ПУТЬ
МОСКВА
2005

ББК 63.3 (4Фра) 62
В 46

ISBN 5-85887-185-2

Тексты и документы впервые опубликованы в 1988 году
в серии «Записки Института истории новейшего времени» (IHTP),
издаваемой Французским государственным
научно-исследовательским центром (CNRS)

Перевод сделан по изданию:
Vildé B. Journal et lettres de prison /
Préc. par D.Veillon; suivi par F. Bédarida. Paris: Editions Allia, 1997

Перевод с французского М.А. Иорданской

Вильде Б.
В 46 Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942/ Пер. с фр. М.А. Иорданской. – М.: Русский путь, 2005. – 160 с.

ISBN 5-85887-185-2

Борис Вильде (1908, Санкт-Петербург – 1942, Мон-Валерьен), этнолог, один из основателей движения Сопротивления во Франции, был арестован гестапо за подпольную деятельность и расстрелян в числе других обвиняемых по «делу Музея человека». Впервые на русском языке представлены дневник, который Борис Вильде вел в тюрьме, ожидая приговора (с июня 1941 по январь 1942 г.), а также несколько писем из тюрьмы к жене и написанная Вильде передовица первого номера подпольной газеты «Резистанс».

Комментарии и послесловие – французского историка Ф. Бедарида, основателя Института истории новейшего времени в Париже.

ББК 63.3 (4 Фра) 62

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Дневник, который Борис Вильде вел с июня 1941 до начала 1942 года, начинается с пяти страниц, представляющих собой собрание разнородных, иногда не датированных размышлений и заметок.

Начиная с 18 июля записи становятся регулярными, с указанием даты.

Дневник публикуется полностью, за исключением нескольких отрывков интимного характера. Места сокращений отмечены знаком [...].

Мы выражаем признательность госпоже Марианн Ман-Лот, свояченице Бориса Вильде, любезно согласившейся передать Институту истории новейшего времени письма из тюрьмы и дневник ее зятя, а также госпоже Жермен Тийон, способствовавшей публикации этого текста.

Мы также благодарим Институт истории новейшего времени (IHTP) и Государственный научно-исследовательский центр (CNRS) за содействие в подготовке этой книги.

Издатель

ОТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ДО МОН-ВАЛЕРЬЕН

26 марта 1941 года капитан СС Дюринг и его подчиненные задерживают Бориса Вильде, направлявшегося в кафе на площади Пигаль на встречу с Симоной Мартен-Шоффье, которая должна была передать ему фальшивые документы. Так началось «дело Вильде», тесно переплетенное с «делом Музея человека».

К моменту ареста Вильде, молодому этнологу, было тридцать два года. Жизнь его «была сплошным необыкновенным приключением», – пишет в своих воспоминаниях Аньес Гюмбер, одна из товарищей по Сопротивлению. Русский по рождению – родился в Санкт-Петербурге 25 июня 1908 года, – после революции 1917 года он с семьей был вынужден бежать в Эстонию, где прошли его детство и учеба. Вместе с другими детьми он получает среднее образование в Тартуском лицее. Юноша очень рано раскрывается, проявив явное литературное дарование, пишет поэмы. Поступив в университет, он продолжает самостоятельно зарабатывать на жизнь, трудясь на заводе, однако его, мягко говоря, антиконформистская деятельность привлекает к себе излишнее внимание и его высылают в Латвию, откуда он в 1930 году перебирается в Германию. Ему двадцать два. После трудных лет в Берлине в сентябре 1932 он переезжает в Париж. Насколько значимым для принятия этого решения было общение с Андре Жидом, приезжавшим в Берлин с лекцией? Мы не знаем. Известно только, что последний предложил Вильде свое содействие во французской столице. Решающей оказалась его встреча с Полем Ривэ, директором Музея человека, поскольку она развернула карьеру Вильде в сторону этнологии, что не мешало молодому ученому продолжать изучение немецкого и японского языков. Желая усовершенствовать свой французский, он откликается на

предложение брать уроки в обмен на уроки русского. Предложение исходило от Ирен Лот, одной из трех дочерей историка Фердинана Лота, работавшей в то время библиотекарем в Сорбонне. В июле 1934 года они поженились. В своей новой семье Вильде обретает любовь и понимание. Получив в 1936 году французское гражданство, он работает в отделе северных культур Музея человека и в 1937 году едет в научную экспедицию в Эстонию, а годом позже – в Финляндию (для изучения финского языка). Его жажда освоения языков неутолима: продолжая занятия японским, он принимается за китайский.

Во время войны его мобилизуют в артиллерийские войска, сперва бригадиром, а затем квартирмейстером. Попав в июне 1940 года в плен в районе гор Юра, он совершает побег и, несмотря на ранение колена, пройдя 300 километров пешком, в начале июля 1940 года возвращается в Париж. Сразу по возвращении Борис Вильде, не желая оставаться в бездействии перед лицом оккупантов, вырабатывает, при содействии Поля Ривэ, план дальнейших действий: разумеется, антифашистская пропаганда, но также и связь с британскими спецслужбами для передачи военно-политических сведений, облегчения пересылки добровольцев и освобожденных военнопленных. Первое упоминание о листовке датируется августом 1940 года. Вильде помогают коллеги из Музея человека – антрополог Анатолий Левицкий и библиотекарь Ивонн Оддон. Позже к ним присоединяются и другие: Аньес Гюмбер, Клод Авелин, Жан Кассу, Марсель Абраам, а также Пьер Броссолет и этнолог Жермен Тийон.

Борис Вильде быстро становится «руководителем этой антифашистской деятельности», главой небольшой группы. Он поддерживает связь с группой Андре Вейль-Кюриэля, с профессурой Сорбонны, адвокатами. В это время во Франции существуют очаги борьбы, еще не называемые «сопротивлением» и выполняющие самые разные функции: распространение листовок, сбор информации и т.д. В конце сентября 1940 года борцам из Музея человека удается выпустить несколько сотен экземпляров листовки, озаглавленной «Виши ведет войну». Но они видят цель в том, чтобы идти дальше и создать газету, редактором которой избран Жан Кассу. Найдено и название – «Резистанс», а первый номер выходит 15 декабря 1940 года (см. Приложение на с. 156 наст. изд.). Начиная с декабря Борис Вильде и Анатолий Левицкий стараются

расширить свою деятельность в провинции, налаживают контакты в свободной зоне (Тулузе, Марселе, Лионе, Лазурном Береге) и на западе Франции, по-прежнему продолжая попытки объединения маленьких группок, возникающих в интеллектуальных и университетских кругах в самом Париже. По словам Жермен Тийон, работа подпольной группы Музея человека в этот период была прекрасно организована. Однако туда удалось внедриться «паршивой овце»: Альбер Гаво служил осведомителем у капитана Дюринга. 30 декабря в Обервилье на ул. де Пантен, 13, в помещении, принадлежащем авиаклубу, был произведен обыск и обнаружен ротапринт, на котором работали девятнадцатилетний типографский рабочий Альбер Комба и восемнадцатилетний Р. Фортье. Дома у Комба найдены тринадцать больших конвертов, содержащих значительное количество листовок «Резистанс № I». Кроме того, у молодого человека хранился список из двадцати двух имен, где выделялись имена Леон-Мориса Нордмана и Вейль-Кюриэля. Немцы задерживают Нордмана на Версальском вокзале в тот момент, когда он, в сопровождении Гаво, предложившего показать дорогу, должен был выйти на связь с тайным каналом для побегов в Бретани. Остальные, адвокаты Рене-Жорж Этьенн, Альбер Но и сенатор Одэн, были также задержаны.

Тем временем Борис Вильде покинул Париж, чтобы перебраться в свободную зону с центром в Тулузе. В начале февраля 1941 года в ходе проведенной СС операции уничтожена парижская группа; Анатолий Левицкий, Ивонн Оддон и другие ее члены арестованы. Все же, ценой тяжелых усилий, сопротивление продолжается и на смену павшим приходят новые добровольцы. Так, Пьер Вальтер принимает дело Левицкого. В марте 1941 года, несмотря на предостережения Поля Ривэ и Клода Авелина, одного из последних, кто видел его живым, Борис Вильде возвращается в Париж. Он сразу же возобновляет связи, отыскивает товарищей. Поскольку у него нет фальшивых документов, Симона Мартен-Шоффье берется их достать. Встреча назначается на 15 часов 26 марта на площади Пигаль — остальное известно. Когда он переходил площадь, его схватили четверо и сперва отвезли на улицу Соссэ, а затем в Санте*. К апрелю 1941 года бóльшая часть членов подпольной группы Музея человека находится в заключении либо в тюрьме Санте, либо в

* Тюрьма в Париже. — *Здесь и далее под знаком «звездочки» (*) примеч. пер.*

Шерш-Миди. Спустя некоторое время, 16 июня 1941 года (точная дата указана в дневнике, запись от 20 сентября 1941), Бориса Вильде переводят в тюрьму Френ*.

Во Френ политзаключенные занимают 6-е отделение, находящееся в ведении нацистов. Условия их содержания особенно тяжелы. Узники содержатся в одиночных камерах, они засекречены и лишены права выходить на прогулки в тюремный двор (находясь в тюрьме с 16 июня, Борис Вильде получает право на первую прогулку только 20 сентября). Все страдают от голода, сырости, а с наступлением осени – и от холода. Передачи первое время также запрещены, поэтому заключенные вынуждены довольствоваться предоставляемым скудным пайком. Затем Вильде отмечает некоторое улучшение: разрешены передачи, выдают писчую бумагу, 15-м сентября помечено его первое из Френ письмо жене; он может читать и обменивать получаемые с воли книги, что изменяет его жизнь в заключении. Уже в Санте он начинает размышлять «о самом важном» и о самом себе, но именно во Френ, как он поясняет в письме жене от 16 января 1942 года, начинает записывать свои мысли: «Постепенно я привык и стал находить в этом некоторое удовольствие. Вот каково происхождение этого дневника».

На этих страницах (всего их шестьдесят) записаны краткие замечания о тюремной жизни: о средах и пятницах, которые особенно важны для заключенных, поскольку это дни посещений; о навязчивых мыслях о еде; о холоде, от которого пальцы коченеют так, что невозможно держать карандаш; о солидарности товарищей по несчастью (они делятся друг с другом тем немногим, что имеют); о редком общении с немцами. Наконец, Вильде со всей ясностью анализирует воздействие заключения: он отмечает место, занимаемое снами – о горах, о деревне, о детстве – все это просто синонимы бегства.

Процесс над девятнадцатью обвиняемыми начался 8 января 1942 года под председательством капитана Эрнста Роскотена. Было предъявлено обвинение в шпионаже. В случае предоставления обвинением необходимых доказательств их ожидал смертный приговор. С самого начала Борис Вильде, Анатолий Левицкий и Пьер Вальтер были выделены как главные виновные, как

* Место неподалеку от Парижа.

организаторы заговора. На протяжении всего судебного разбирательства Роскотен пытался спасти самого юного из обвиняемых, Рене Сенешаля по прозвищу «Мальчуган», восемнадцати лет. Приговор был вынесен 17 февраля: шестеро помилованы, трое приговорены к тяжелым работам (среди них Аньес Гюмбер, пять лет в Германии) и десятеро — семеро мужчин и три женщины — к смертной казни. Несмотря на многочисленные выступления в их защиту, семеро мужчин были казнены 23 февраля на Мон-Валерьен. Так завершилось «дело Музея человека», связанное с «делом Вильде».

Доминик Вейон

Напрасных жертв не бывает.

Борис Вильде
27 октября 1941

ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК

Френ, июнь 1941 – январь 1942

9 июня. – Прогулка по Парижу в роскошном автомобиле, очереди за сигаретами, Елисейские Поля[1].

30 июня. – Шерш-Миди. Видел мадам С.[2]

Опасность – это приправа, придающая вкус самой *пресной* жизни. Чтобы долго переносить страдания и не быть сломленным, верующий имеет веру, человек исключительной жизненной силы – надежду, а равнодушному необходимо иметь под рукой средство к самоубийству, тогда он способен ждать...

В детстве мы знаем о своем бессмертии, взрослыми мы ищем тому подтверждения, к старости у нас остается только страх смерти.

Жизнь представляется нам такой же естественной, как воздух вокруг. Поэтому смерть кажется нам ненормальной и мы склонны относиться к ней как к несчастному случаю (отсюда всеобщий миф о первородном грехе, первородной случайности). В действительности же именно жизнь, быть может, есть такая чудесная случайность, удивительное происшествие... Но каким образом при жизни взглянуть на нее с точки зрения смерти? Это чертовски тяжело.

В одиночной камере — вот где человек проявляется в полной мере. Мудрость в сравнении с умом то же, что доброта в сравнении с вежливостью. Счастье приобретается только страданием. Не счастье, так ясность.

Беда не в том, что на свете слишком много страдания, а в том, что слишком много бесплодного страдания. Педантичность — наш эрзац чувства независимости, когда ход событий изменить мы не властны.

В моей жизни был период, когда я был готов совершить самоубийство единственно из любопытства (узнать смерть и то, что после нее). Теперь я уже не так спешу, я знаю, что смерть ждет меня. Когда-то я был влюблен в смерть и пребывал в нетерпении, сегодня я повенчан с ней, я по-прежнему люблю ее, но я так привык к ней, что о ней почти не думаю.

А что жизнь? Я люблю ее все же сильнее и все более и более всю «целиком» (вот откуда это растущее безразличие к деталям). Как любовницу, от которой подчас устаешь, но которую никогда не бросишь.

Христианство очеловечивает Бога, буддизм обожествляет человека (и природу)[3].

Освободиться: человек дважды пленник: этого мира из трех (четырех?) измерений и своего «я». Откуда его одиночество? Каковы пути освобождения и единения? В Боге (Бердяев[4]). Искусство, любовь, смерть («Спаркенброк»[5]). Только смерть освобождает нас (если зерно не умрет*) полностью.

* Ср.: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24).

Любовь (акт любви) есть про-образ смерти. Ее опыт дает предведение смерти. Отсюда – ужас пробуждения (страшное одиночество на двоих). «Post coitum...» И все же это стоит того. Несколько мгновений бессмертия дорогого стоят. Опиум, музыка, даже спорт (опасный)... Но существуют также *чистые* экстазы, приходящие изнутри, без внешней провокации. Мгновенья, когда я чувствую, знаю, что имею часть в жизни вечной. Такое случается крайне редко и приходит безо всякой видимой причины, разом прорывая кокон одиночества, проницая стенки «я». Это не уход в *забытье* (как с опиумом), не экстаз соединения с другим узником (любовь) и еще не окончательное освобождение (смерть), это отпуск, краткий побег ко благу. Правда, вас снова ловят, но вы хотя бы мельком видели свободу.

Глядя на свою жизнь, я вижу в ней столько низости, малодушия, хамства, мною проявленных, и (в особенности) вранья, и все же я знаю, что это не имеет значения. Есть во мне что-то (или его возможность), что превыше этого. Быть может, так во всяком человеке? У женщин на это интуиция. Понять – значит простить, вот нонсенс: если мы кого-то понимаем, то знаем, что прощения уже не нужно, мы становимся сообщниками. Но мы редко понимаем кого-нибудь до конца. Принимать, не понимая, – вот начало любви.

Наши попытки войти в общение с другим – жалость, доброта, любовь – подобны перестукиванию через стены тюрьмы не видящих друг друга заключенных, их разговору. Все-таки какое-то утешение[6].

Поэтому сейчас нам так необходима *человечность*. Быть *человеком* прежде, чем быть немцем, солдатом, судьей, самцом, отцом, католиком, художником. Это представляется таким недостижимым в наши дни (да и всегда). Давно стремлюсь к этому, но не достигаю и наполовину. Во всяком случае, я на-

учился простоте, это много. Если бы у меня был талант... Но и это вещь второстепенной важности.

Порой мне удается совершенно отрешиться, освободиться от всего, что составляет мою жизнь, всего, кроме Ирен[7]. От нее мне не удается отстраниться. В этом проявляется истинная мера моей любви – того единственного, что (временами) еще связывает меня с бытием. И это чудо. Почему и как я люблю ее? [...] Она мне необходима. Я заставляю ее страдать, но не испытываю перед ней ни вины, ни признательности за то, что она для меня делает. Сострадание – да, и огромную нежность. Дружбу, доверие. Но все это вторично. Сущность моих чувств к Ирен – в безотчетном предчувствии (предведении) другой Ирен, которой она сама не ведает и которая может открыться мне одному. Более того – только при соприкосновении с ней я открываюсь самому себе до конца. Друг для друга мы единственные. Но она словно не желает этого замечать [...] Ирен постоянно в моих мыслях, чтении, она внемлет мне [...].

Отчаяние как наркотик.

Раздвоение личности на фоне бурных всплесков юмора висельника [...].

(Воображение и память.)

25 июня. – Мой день рождения: 33 года! Очень печальное утро. Ирен пришла только после полудня. Александр Македонский[8].

Ночью видел сон: Руан (в действительности <...>[9]). Восемь девушек; лицейские друзья; художник в фартуке из кусочков разных картин.

Результат моих вчерашних размышлений о воображении и памяти (карикатура?). Памяти творческой, воссоздающей

переживания. Сродство двух этих реальностей. Их независимость друг от друга. Их слияние порождает сны (существуют также творческие сны). Сексу нет места в моих снах. А причина вот какая – я слишком ослаб от недостатка пищи. Изучение эффекта недоедания на себе самом.

Мои сны часто бывают вещими (с тех пор, как я во Френ). Я жду их с интересом. Но мне уже не удается управлять ими как раньше [...].

В конечном итоге, мне остается одна Ирен. Право, какое же чудо – любовь [...]. И как сильно я ощущаю ее бессмертие. Но мне потребовалось попасть в тюрьму, чтобы понять это.

Тюрьма ничего не дает, но она действует на меня как проявитель на пленку. Это как темная комната.

Тайна крови и инстинкта, с одной стороны; духа и души – с другой; и между этими темными безднами – маленький светлый и чистый островок: разум. Искать равновесия? Стоит ли? Да, но равновесия не в неподвижности, застое, а в вибрации жизни (ср. Алексис Каррель о человеке[10]), вибрации со всевозрастающей амплитудой – вот единственный способ достичь бесконечности – через секс, через Бога. Попадаем в ту же точку («высшую мертвую точку»). Не здесь ли смерть?

До тех пор, пока жизнь противопоставляют смерти, мы ничего не достигнем. В них нет противоречия. Одна дополняет другую, продолжает, завершает. Так же, как нет противоречия в двух разных полах.

[Лист оторван.] ...с человечеством, это значит, что в смерти «я» упраздняется. Но тогда и индивидуального сознания тоже больше нет. Нет индивидуального выживания, частного бессмертия. Или же смерть – не решение. Можем ли мы

достичь реальности или мы обречены знать только субъективную правду?

Метафора: синус и тангенс. В то время как синус изменяется от 0 до 1 (от −1 до +1), тангенс изменяет свое значение от 0 до ∞ (от −∞ до +∞). Но мы можем видеть шире тригонометрического круга. Искусство и любовь. Творчество и экстаз. Разные вещи: *создать* произведение искусства и *испытать* его воздействие. Как М. и Ж. в любви[11]. Двое могут синхронно пребывать в этой «поэме», а могут быть разлучены во времени: картина, книга. Ликование художника (его вдохновение) есть раскрытие его *божественной* природы, он творит (ср. рождает). Но он творит не из ничего, а из глубины самого себя, собственного «я», он дарит его миру, сам же отказывается от него, вот откуда избавление, освобождение, сопричастность. Это одновременно и высшее утверждение своего «я», и его полная потеря.

[Лист оторван.] ...муки рождения слишком ужасны. О, если бы немцы могли быть немного психологичней, а французы немного достойней!

Человека от животного отличает вовсе не сознание, а *сознание того, что он есть* (существуют, быть может, люди, которые с этой точки зрения не превосходят животных). Разновидность этого сознания позволяет существовать, например, иронии по отношению к себе самому. Это в равной степени и открытие «я», и начало вечного внутреннего вопрошания, первый слог в проблеме смерти. Вопросами метафизики можно заниматься и не касаясь «я» (сотворением мира, например, или даже существованием Бога), но нам не удастся разобраться в проблеме смерти без проблемы «я». Поскольку смерть существует лишь в той мере, в какой она разрушает индивидуальное сознание. Если «я» сохраняется — смерти нет, даже если тело уничтожено. Но тогда освобождения тоже нет.

Однако смерть существует. Наше «я», обусловленное плотью, умирает вместе с ней и освобождает наконец ту божественную частицу, которую можно назвать «душой» или «духом» (не столь важно). Смерть не есть отсутствие жизни, она сама *есть*. Но мы не можем иметь никакого понятия о состоянии смерти, поскольку все наши понятия принадлежат этому трех- (четырех-?) мерному миру. Так слепорожденному никогда не представить себе света и красок.

Может, в любви...

«Я» служит душе посредником (и препятствием) в мире объектов.

Наше восприятие мира обусловлено развитием пяти чувств, иначе говоря, состоянием органов и нервной системы, то есть плотью. Интеллект тотчас приступает к сбору пережитых ощущений, чтобы сформировать из них представления и суждения (при помощи хранящегося в памяти запаса информации). Все это служит построению «я»...

Но как узнать правду, когда наши средства столь ограниченны, столь ущербны? Очевидно, что интеллект бессилен разрешить такую проблему (и его высшее достижение состоит в признании собственного бессилия). Разочарованный, человек поворачивается к нему спиной и... уступает вере.

Величайший соблазн христианства заключается в том, что оно обещает бессмертие индивидуального сознания, личное воскресение, и человек, дрожащий над своим «я», хватается за этот спасительный якорь. Плоть трепещет и, повинуясь инстинкту самосохранения, стремится стать душой (в конечном счете, это не лишено смысла: возможно, что материя и энергия, плоть и дух, жизнь и смерть способны трансформироваться друг в друга).

Но те, кто воспринял подлинную трагедию человеческого существа — одиночество, — кто узнал, что «я» — это тюрьма, кто имеет предведение (или воспоминание?) свободы, те не желают и не имеют нужды верить в индивидуальное бессмертие.

Христианская религия (в том виде, в каком преподает ее церковь) есть религия рабов — не в обычном смысле этого слова (как, например, у Ленина), а рабов собственного «я», пленников, влюбленных в свои стены, страшащихся неизвестности и забывших о свежем воздухе.

Несмотря на свою заурядность, люди *transis** одиночеством. Ирен не могла понять моего отношения к русским эмигрантам с Монпарнаса. Сплоченным отчаянием. И общим языком *аппроксимаций***. Существуют области мысли, где всякое слово служит собственно аппроксимацией для посвященных (как в математике при операциях с логарифмами, где погрешность — величина бесконечно малая).

18 июля. — Сегодня заметил Ирен с галереи пятого этажа[12]. Она ожидала среди других женщин, принесших передачи. Сперва я обратил внимание на соломенную шляпку, линию покатых плеч, затем она на миг подняла голову и стал виден овал лица. Она меня не заметила. Я испытал шок от боли и радости.

Как возвращается в меня человеческое. История моей жизни — это история моего очеловечивания. Теперь же оно

* Так в оригинале. Возможно, искаженное причастие, образованное от transeo — перехожу, переезжаю (*лат.*). Правильно: transiti — букв. «перееханные», также «пронзенные». — *Ред.*

** Аппроксимация — в математике замена одних математических объектов другими, более простыми и в том или ином смысле близкими к исходным.

завершается. Я созрел для жизни или для смерти, ни та ни другая меня не страшит. Не так, как раньше, иначе – не от безразличия, а в принятии и согласии. Я наслаждаюсь новым покоем, как человек с окаменевшим сердцем, к которому вдруг вернулся «слезный дар». Только я открываю в себе не слезы, а, скорее, благодать улыбки.

Нирвана. Думаю, теперь она мне понятна: это не ничто, это уничтожение «я», освобождение, сопричастность. Буддизм исходит из человеческого одиночества (христианство тоже: Иисус познал одиночество, так же как и Гаутама[13], но христианство ищет разрешения проблемы на земле: общение людей в Боге через молитву; в буддизме же – общность в смерти через природу). Только теперь я начинаю более или менее отчетливо формулировать эти мысли, но они у меня уже давно. Отсюда эта постоянная и таинственная тяга к буддизму.

Определение «я». Познание «я» это осознание собственного сознания. Обладают ли сознанием животные? Есть ли у них «я»? Несомненно, но у них, вероятно, отсутствует осознание своего «я». Человек и животное. Возможно ли провести границу между разумными способностями человека и животного? Кажется, что животное обладает сознанием, но сознанием сознания (смутно). Общество? Следует отметить (для Бергсона): наряду с пчелами и муравьями существуют *временные группировки волков*, имеющие ограниченную и определенную цель – охоту. Происхождение общества? Социальный инстинкт? Начало следует искать, несомненно, в семье, другими словами – в половом инстинкте.

Существование общества подразумевает наличие языка общения (семейного, племенного). Религия – явление преимущественно социальное и, возможно, вторичное по отношению к семье.

Социальный «прогресс» своим существованием всегда обязан людям антисоциальным или асоциальным (в определенной, разумеется, но весьма значительной степени). Строить философию, исходя не из индивидуального, а из коллективного — очень в духе XX века. Но начинать следует с «*я*», и сомневаюсь, что оно и впрямь социально.

Социум развивает интеллект. Но имеет тенденцию подавлять индивидуальность, которая, в свою очередь, нередко восстает против социума.

23 июля. — Вчера (22 июля) получил Библию[14]. Ветхий Завет очень *актуален* (о Лютере подумать еще), настоящее сокровище для этнолога. Необходим для понимания Нового Завета, но не полезен для укрепления веры.

25 июля. — Читал Бергсона: «Два источника»[15]. Мне понятно влияние, оказанное Бергсоном на поколение отца. И шире (Петя)[16]. Его манера постановки вопроса совершенно нова (?). Во всяком случае, не замечать ее невозможно. Однако он меня вовсе не покорил: я с такой легкостью замечаю его слабые места, что даже странно (может, я понял его как-то превратно?). В Бергсоне есть что-то ветхозаветное — например, эта привязанность к *жизни* и к обществу[17].

Мысль и язык. Взаимное влияние. Одно (мыслителя на язык) чересчур очевидно, другое остается скрытым. Но возьмем, к примеру, различие между немецкой и французской философиями. Первая абстрактна (что еще, кроме гения немецкого языка, столь же пригодно для создания отвлеченных понятий из чего угодно — как, например, *Zum-Boden-Sein**

* Zum-Boden-Sein — бытие-к-почве (основе) (*нем.*).

Хайдеггера?), сложна, развернута; вторая четкая, более конкретная, более ясная (но не менее богатая). И склонная к морализму (возможно из-за того, что имеет только одно «сознание» там, где у немца есть *Gewissen* и *Bewußtsein*, а у русского — *совесть* и *сознание*.

Это еще более верно для поэзии, где сочетание понятий нередко проистекает из созвучия. Кто знает, сколь велика в русской поэзии роль звучной рифмы *кровь – любовь* или в немецкой *Macht – Nacht* и т.д.

Китайская (и японская) мысль несомненно испытала сильнейшее влияние письменности (заметим между прочим, что именно *письменность*, а не устная речь обеспечивала целостность китайской империи). Любопытно было бы подробно изучить мелкие недочеты каждого языка: например, в немецком есть слово *gemütlich*, в русском — *удобно*, а во французском...? Отсутствие в русском языке глагола или, скорее, понятия «иметь»*. Отсутствие уменьшительных форм во французском. Отсутствие артиклей в русском (между прочим, чтобы перевести «un chien aboyait», нельзя сказать «собака лаяла», но «где-то лаяла собака», в крайнем случае: «лаяла собака» — есть над чем подумать).

В итоге язык — это не только некий способ *выражения*, но также и *формирования* мысли. Другими словами: *мысль есть способ выражения духа языка*[18].

26 июля. — Приступы физической слабости на грани обморока. Тем не менее голова сохраняет прозрачную ясность. Читал Бергсона. Вторая часть очень сильная[19]. Нашел у него несколько своих собственных мыслей.

* Имеется в виду вспомогательный глагол, как «avoir» во французском или «to have» в английском.

Нынешний новорожденный младенец — так ли уж он отличается от новорожденного первобытных людей? Вопрос большой важности. Если размышлять о животных, то разницы не видно: действительно, домашние животные с самых давних времен сохраняют неповрежденными все инстинкты и при случае возвращаются в дикое состояние (утки, собаки, лошади, кошки...). На это можно возразить, что только человек способен на прогресс. Только человеческое общество проходит через трансформации (а одомашненные им животные? а достаточно ли у нас сведений о сообществах перепончатокрылых?). В любом случае мы, кажется, не слишком отдалились от наших самых дальних предков. И если сегодня я, человек средний, способен, направляемый образованием и рассудком, пройти через различные фазы эволюции человеческого общества: примитивные верования (детство), греческий интеллектуализм, материализм (юность), чтобы достичь (как знать) порога мистического опыта, то нет ничего вероятнее того, что другие, ведóмые вдохновением, уже проделали тот же путь три или четыре тысячи лет назад, что они пошли даже дальше. Быть может, это доступно не науке, а метафизике?

Вполне возможно, что любовь к себе и любовь к другому — одного рода, что в другом человеке, даже в животных, мы любим все ту же общую для всего сущего божественную сущность. Если так, то эволюция человечества есть развитие этой любви, любви вообще. У нецивилизованного человека понятие «я» рудиментарно, почти отсутствует, он не обладает сознанием собственной индивидуальности, разве что в отношении плоти. Эволюция интеллекта приводит к сознанию и к осознанию своего сознания, другими словами — к полноте «я». Но одновременно и прямо пропорционально с этим возрастает и потребность, стремление к освобождению из темницы «я». По мере того как преграды, воздвигнутые сознанием, становятся обширнее, наша тоска по об-

щению становится больше, сильнее, активнее. Это претворяется в любовь. Вот еще один *источник морали*. Христианская же любовь (за неимением другого названия) противоположна общему направлению жизни. Это своего рода смертельный порыв.

27 июля. – Годовщина свадьбы [...][20]. Нам не о чем сожалеть в нашем прошлом (даже если я буду *расстрелян* или умру в тюрьме). Процесс самообнажения остановлен, и должно начаться обратное действие. Чувство обновленности. Но попрежнему периодически возникают эти приступы честолюбия. Думал, что уж разделался с этим, и тут – бац! (но в определенной мере это просто признак жизненной силы).

Происхождение религии. Нет никаких сведений о существовании обществ без религии (или верований)[21]. Возможно, именно в этой фразе скрыт ответ на наш вопрос. Ни общество не может существовать без религии, ни религия без общества. Либо религия возникает для поддержания жизни общества, либо общество формируется для существования религии. Второе представляется более вероятным (особенно если под религиозной понимать всякую творческую деятельность, что безусловно справедливо для первобытных людей). Позиция несколько бергсонианская, хоть и буквально противоречит теории самого Бергсона.

А что мораль? Не уверен, что возможно отделить ее от религии. Есть над чем задуматься[22].

Параллелизм двух опытов: мистического и сексуального. Один сублимирует духовное, другой плотское. Самый возвышенный половой акт характеризуется двумя моментами: 1) исчезновением сознания в момент его совершения: единство (мнимое или подлинное, не столь важно в этот миг) двух

человеческих существ; 2) чувством глубокой печали, приходящим сразу вслед за ним: это печаль возвращения в тюрьму, сожаление о покидаемом свете. Разумеется, не всякий половой акт приводит к таким последствиям, напротив, подобные удачи относительно редки; после коитуса может наступать чувство облегчения или отвращения, потребность поспать, наконец. Но я говорю об акте, который есть исполнение любви (даже чисто плотской = желание), то есть связанном с выбором определенного и единственного лица и совершенном при наилучших физических (физиологических) условиях. Я совсем не хочу отрицать, что в действительности все намного сложнее, чем составленная мною схема, и рядом с печалью может соседствовать радость, но просто таков вкратце *лучший* сексуальный опыт каждого (или почти каждого) мужчины (в отношении женщин оставляю вопрос открытым).

Все это полностью соответствует описанию мистического опыта. Какой из этого можно сделать вывод? Мы уже видели, в чем сходны оба феномена: в освобождении (мнимом или подлинном) от «я», но это ведет нас еще дальше. Ограничимся пока признанием некоторого сродства между духом и материей, хотя бы в отражении нашего сознания.

Другие феномены для анализа: активное и пассивное вдохновение (писатель и музыка), страдание и мучение (физическое и нравственное), довольство, счастье, радость (между прочим, насколько легко во французском языке слово *моралъ* поддается превратному толкованию!).

28 июля. — Читал Бурже, «Преступление любви»[23]. Я ожидал худшего. Это чудовищно устарело, однако, если сделать скидку на время, становится понятен его успех и даже влияние (как было в России, например, а в Эстонии еще в 1940 году Поль Бур-

же считался авторитетом). Хорошая популяризация хорошей литературы. Несколько страниц психологии вовсе недурны.

Развитием психоанализа мы обязаны материализму.

Истоки морали: в опыте *угрызений совести*, но разве в конечном счете это не *любовь*? Подумать.

Возникновение языка. Мать и дитя. Возможно.

Возникновение религии. Элемент, которым пренебрегали до сих пор и который несомненно сыграл значимую роль в возникновении веры в колдовство, во всяком случае создал для этого благоприятную почву, – это *сновидение*. Сны, будучи реальностью иной по отношению к обыденной жизни, способны дать смутное предвидение двойственного бытия вещей. Опыт сновидения был, несомненно, из числа тех, что руководили разумом первобытного человека. Самая элементарная логика, вероятно, присуща всякому человеческому существу (еще бы!), но не имеет точки приложения, и т.д.

Когда сегодня занимаются изучением так называемых «примитивных» обществ, часто забывают, что они по меньшей мере *такие же древние*, как наши*. Случается, что то, что мы принимаем за пережитки первобытного состояния, есть не что иное, как результат *упадка*, или, к примеру, материальное общество могло оставаться примитивным, а духовное (внутри того же общества) находиться в агонии вырождения. Хорошо бы вблизи познакомиться с такими примерами, как остров Пасхи, эскимосы, тасманцы и др.[24]

* Ср. у Бергсона: «Мы знакомы только с уже развитым человечеством, так как “первобытные” люди, наблюдаемые нами сегодня, такие же древние, как и мы» (*Бергсон А.* Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. С. 117).

29 июля. – Читал «Заратустру»[25]. Вернулся к этой книге не без опасения: но нет, она не потускнела, у меня возникли те же чувства, может быть, благодаря лучшему пониманию, даже более сильные. *Творческое возбуждение* в наивысшей своей точке (соответствующая вопросу форма) есть, несомненно, результат *мистического опыта* (вдохновение здесь оказалось бы слишком слабым: ср. что говорил об этом сам Ницше). Достигнутое превзошло желаемое. Он писал собственной кровью.

Думаю, Фридрих Ницше хотел исполнить учение Иисуса Христа, как тот исполнил* вероучение Моисея. Иногда, впрочем, он продолжает (как бы «ad absurdum, но это не так) мысль Иисуса. В любом случае *душевное состояние* похожее (когда слово Христово стало общественной моралью, когда общество «испытало» Евангелие, когда изначальные проявления творческой взволнованности утратили всякую силу).

[И подобно Иисусу Христу, он был плохо понят (Петер Гаст)[26]], подобно апостолу Петру, Заратустра также выходит из христианства, только на шаг впереди.

Несмотря на все различия, Бергсон многим обязан Ницше (или это совпадение?). *Сверхчеловек*[27] мир – это машина по изготовлению богов, и т.д. и т.п. Но взволнованность Ницше сильнее, непосредственнее; Бергсон более научен. Сложно предсказать, каким будет влияние «Заратустры», несомненно то, что эта книга окажет очень сильное влияние на национал-социалистическое движение в Германии (вопрос об аутентичности ницшеанства оставляю открытым)[28].

* Ср.: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17), – т.е. довести до полноты и через это – превзойти.

30 июля. – Страдания. Тем лучше, тем более что мне не привыкать (трудно не делать добродетели из необходимости).

Собой пожертвовать легко. Надо суметь пожертвовать другими.

31 июля. – Читал «Мои пещеры» Норбера Кастре[29]. Очень интересно, особенно часть, посвященная летучим мышам (рукокрылым). Инстинкты и т.п. Подтверждает существование *чувства ориентации* у млекопитающих (отличного от инстинкта).

1 августа. – Познание – это действие разума. Созерцание – это чистый акт, приводящий к познанию. Но, с другой стороны, реальное познание достигается только опытом (в Библии знать означает иметь, т.е. любить). Абстрактное знакомство становится личным. «Делами душа радуется» (Шелли) – глубокая истина, но нуждается в дополнении: «Отрада тела в созерцании». Душа неотделима от тела (симбиоз). Материя духовна. Вот почему... ср. половой акт. Количество и качество: накопление, умножение, возношение.

Читал «Самосознание» Лавеля[30] – учебное пособие для думающих христиан, но в нем открываются такие ракурсы мысли и такая лаконичность слога, за которыми угадываются более глубокие вещи. Для меня это оказалось хорошим стимулом. Каким свежим и новым должен казаться мир человеку, вышедшему из тюрьмы!

2 августа. – Тоска по прекрасному... и по сигаретам (мечтал искупаться и покурить). Вино; женщины (но без желания). Музыка. Не особенно сильный приступ. Рефлексия назидает человека. Эволюция сознания приводит к «я».

Прежде всего – сознание, которое от этого еще не одно. Спонтанный, *наивный эгоцентризм* (возможно, как у животных). Дети, нецивилизованные (отчасти) и умственно отсталые говорят о себе в третьем лице (в целом в этом следует видеть безошибочность языка). Даже брак не индивидуален.

Однако разум с помощью таинственной силы превосходит сам себя и видит собственные границы. Он приходит к осознанию собственного сознания, он творит (или, скорее, открывает) «*я*», которое, выходя из первичного, наивного сознания, будучи неотделимо от него, в то же время независимо от него и его превосходит. С биологической точки зрения такое раздвоение сознания бессмысленно и порою даже пагубно. Это расплата за разум, вдруг начинающий осознавать собственную тюрьму, в которую он заключен (в «я»). Его любимое оружие – ирония (действующая разрушающе).

Однако именно в нем (разуме) рождается тоска по освобождению, стремление к общению с другими, со всем миром, с реальностью. Именно благодаря ему душа осуществляет себя[31].

Бывший прежде источником удовольствия, наивный эгоцентризм становится *проклятьем*, источником бед. Но в то же время (обратная реакция), растет наша *способность любить.*

Два пути: упразднить сознание (забытье, искусственный рай) либо расширить «я». Оба ведут лишь к половинчатому решению. Радикальное решение: смерть или любовь.

3 августа. – Закончил во второй раз читать «Два источника». *Очень мощно* (особенно глава про динамическую рели-

гию[32]). Заблуждение Бергсона в том, что он принимает нашу романо-германскую цивилизацию за модель всего человечества. Он допускает *божественную природу демократии* и т.п. Слишком много оптимизма. Лавель мне вконец надоел (после Бергсона и Ницше!).

Возобновил контакт с парижской жизнью через «Лектюр»[33] от 15 июля. Странное впечатление. В целом я (продолжаю быть) ведóм неким инстинктом самосохранения: он не дает мне слишком сильно сосредоточиваться на прошлом, которое вызывает у меня сожаления и острую ностальгию, он также удерживает меня от чрезмерного углубления в размышления о смерти-освободительнице, что может привести к самоубийству, во всяком случае — к болезненности жизни. Но другой (человеческий) порыв побуждает нас устремляться мыслью сколь возможно далеко, вопреки всякой опасности или бесполезности. Мыслительная способность не утилитарна, но становится такой оттого, что... и т.д.

4 августа. — *Любовь*. Всегда чудо. Любовь проститутки к сутенеру. Она знает, что он ни добр, ни красив, и все же... и т.д. Вывод: либо в нас существует невидимое существо вне тела и морали, либо наша этика и эстетика индивидуальны и условны, либо...

Совершенная любовь не что иное, как радость. Такая любовь сверхчеловечна, смертельна. Мы измеряем глубину любви страданием. Быть может — это боль от сознания нашего поражения, знания того, что мы ни к чему не придем?

Человеку естественно *любить*. Потребность любить и быть любимым. Возможно, не только человеку. У природы для этого существует инстинкт спаривания. В чем состоит любовь?

2—352

В освобождении от «я» — реальном или мнимом. Иногда это лишь расширение тюрьмы: как в случае материнской любви, когда любят *своего* ребенка и т.д. Такой же может быть и любовь к *своему* мужчине, *своей* женщине. Любовь не слепа; просто она смотрит дальше, сквозь.

Любовь не имеет разумного основания, она всегда чудо. Там, где знают, почему любят, любовь под вопросом. Это прежде всего *состояние души*. Но как же трудно различить настоящую любовь за всеми заглушающими ее сорняками: желанием, ревностью, самолюбием, жалостью, дружбой.

Избирательность в любви? Любовь божественная, то есть совершенная и абсолютная, охватывает собою *все*. Но и самая мелкая любовь, какой бы ничтожной она ни была, заключает в себе частицу божественности (даже любовь как плотское наслаждение). Истинный акт любви это *созерцание в радости* и это всегда *творчество*.

Насколько трудно выразить вещи, исходящие из нашего чувственного восприятия. Философский язык насыщен материальными и геометрическими представлениями, взятыми из мира. Как, например, разъяснить, что *созерцание* не есть действие смотрения, что акт не обязательно связан с *перемещением массы в пространстве* и т.д. И как трудно освободиться от привычки мыслить «в» и «с» временем и пространством!

Любовь не *добра*, *доброта* не есть любовь. Не христианство ли смешало любовь с жалостью? Если нужно непременно найти определение (сравнение), то это свет, просвещающий смерть. Всеобъемлющая любовь делает смерть ненужной, если только она сама не есть смерть[34].

Радость не может быть ни желанием, ни жалостью.

5 августа. – *Сознавание* самого себя – это *зеркало* нашего «*я*». Подобно физическому зеркалу, мы даем себе отчет в нашей внешности. Наше «я» находится в непрестанном движении, сознание действует в нем пунктиром, мгновенными вспышками; если попытаться проследить «я» в его непрерывности, «я» будет загнано в рамки, окажется подчинено некой роли и т.д.

Природа поцелуя: стремление к объединению всех чувств (осязания, обоняния, вкуса...).

Ледниковый период и человечество[35]. Возможно, именно эта перемена условий существования побудила человечество на первый большой прорыв. Продумать.

Опыт *смерти*: воспоминания (или, скорее, отсутствие воспоминаний после усыпления хлороформом... и т.д., летаргия). Примеры потери индивидуального сознания, потери памяти (память основывается на воспоминаниях), расстройств ума...

И вообще: наше личное «я» *возникает* в определенном возрасте (около 3–4 лет); существует ли оно раньше? Сложно сказать. Может, оно вырастает вместе с материей? Мы не помним себя до рождения. Что нас обманывает, так это ощущение *присутствия* в нас некой неразрушимой, вечной составляющей. Но это не «я», это дух. Но что такое этот дух?

7 августа. – Вчера читал Юбера и Мосса про жертвоприношение[36]. Много тонкого смысла в деталях, но в целом расплывчато. Типичный пример: если религиозное чувство отсутствует, не стоит рассуждать о религии. Насколько Бергсон выше.

Бессмысленная боль унижает, а страдание оплодотворяет, преображает. Возможно ли превращать одно в другое?

Только разум мешает нам принять за реальность мир, созданный воображением. У детей и нецивилизованных народов разум развит мало и оказывает лишь слабое сопротивление чувственной власти *воображения...*

Следует изучать «мистический» опыт шаманов и магов. A priori он представляется подобным мистическому опыту христиан. Внешние формы совпадают. Представление же (этого опыта. — *Пер.*) в сознании — дань традиции.

Вернулся к «Спаркенброку»... Читаю уже в третий раз. Сначала в 1939-м или 1938-м. Тогда я был слишком ленив или рассеян, чтобы понять все до конца. Второй раз... 5 недель назад. Это первая книга, которую Ирен, вероятно повинуясь интуиции, принесла мне, и она в высшей степени созвучна тем размышлениям, которые я начал в Санте. Она стала для меня источником глубоких и чистых переживаний. Она столь близка мне, и все же отлична от того, что я думаю. Сегодня я приступаю к ее «критическому» прочтению, но не так-то просто не утонуть в эмоциях[37].

Видел во сне мать[38].

9 августа. — Погрузился в «Греческую мысль»[39]. Душа, расточающая себя, способна рассеять мрак. Материя, Энергия, Пространство, Время.

Разложение плоти не есть ли освобождение от ее составляющих? Если бытие души находится в зависимости от материи и энергии, чем же оно становится? Если зерно не умрет?..

Теория реинкарнаций обладает неопровержимой логикой. Она *материалистична.*

Сила-справедливость-любовь? (сила?)

10 августа. — Душевное равновесие (атараксия?). Ощущение *моего* величайшего приключения.

Видел во сне Ирен, она подарила мне часы (отцовские). Искупление и т.д. Еще видел маму, теперь я говорю с ней *по-французски*, а считаю все равно по-русски[40].

Леон Робэн тенденциозный писатель, а жаль. Он обходит молчанием все иррациональное.

Творческая любовь? Морган влюблен в Мэри так же, как Толстой в Наташу[41].

11 августа. — Довольно долго общался с аджюданом*, он очень приятный. Как и новый этажный унтер-офицер (первый из Восточной Пруссии, второй из Рейнской области). Их исполненный идеализма национал-социализм и впрямь заразителен. Сам по себе (попробуем абстрагироваться от собственной участи) Гитлер — гений со знаком плюс, он старается для будущего, хотя процесс болезненный[42].

12 августа. — Здравствуй, Друг, спасибо что разбудил. Я видел долгий и странный сон: снилось мне, что я умер, ушел в ночь, которая все черней и черней, и все сильнее наваливается одиночество. Ты склонился надо мной, и я уже не мог тебя видеть, только едва ощутил прикосновенье твоих пальцев, прикрывших мне веки, и услыхал, как ты произнес: он умер... Я оцепенел от боли и проснулся. И вот, открыв глаза, я увидал над собой улыбающееся лицо очень дорогого мне человека и сказал ему: «Здравствуй, Друг, спасибо, что разбудил. Я видел долгий и странный сон: снилось мне, что я жив».

* Аджюдан — унтер-офицерский чин во французской армии.

Во что превращается высвобождаемая после смерти психическая энергия? *Природа* человека? Этот термин – настоящий нонсенс. Существуют индивидуальное и социальное.

Получил передачу – фрукты (!) и Хёффдинга[43].

13 августа. – Постоянно снится один и тот же сон (по меньшей мере *один раз* за ночь): я свободен (сбежал), но знаю, что буду пойман снова, что и происходит. Только детали без конца меняются (разве что всегда большое значение имеют пища и вино)...

Существуют два «я»: одно самоутверждается, противостоя внешнему миру, это индивидуальное «я», включающее и тело; другое же стремится освободиться от первого и так же сильно противостоит телесному «я», как и «я» первого сознания (в действительности оба составляют одно)[44]. Его можно было бы назвать (в той мере, в какой оно зависит от «я» первого сознания) *«я» отраженного сознания*, или же *личным «я»*. Оно ощущает себя полностью отделенным от тела. Оно не умаляется в немощи и болезни. Но оно ощущает себя в той же мере отделенным, в некотором смысле, от сознания № 1: «Я не мог этого сделать, это был не я». Там, где оно очень развито, оно оказывается выше (ниже) понятий добра и зла, удовольствия и страдания. Именно оно в действительности и *претендует на бессмертие*. И ему знакомо одиночество.

14 августа. – Читал Альбера Маршона, «Бессовестный бакалавр»[45]. Как соль на рану.

15 августа. – «Разлука убивает слабое чувство и разжигает сильную страсть, подобно тому как ветер тушит свечи и раз-

дувает костер» (Ларошфуко). Правило, приложимое и к моим чувствам к Ирен: получил фрукты! и Шестова, «Власть ключей», которого читаю с большим удовольствием (автор был бы, конечно, оскорблен таким выражением, и напрасно). Особенно люблю его хлесткую иронию (ницшеанского происхождения, но у этого последнего за иронией чувствуешь любовь)[46]. В нем есть что-то от ветхозаветного пророка, и вообще иудейский отпечаток. Это еще один из тех, кто, подобно Мережковскому, хотел войти в царство небесное с зонтом[47]. Его критика рационализма полностью верна, хотя местами он недоговаривает. Однако эта критика несколько отстает от философской мысли. Лев Шестов продолжает жить в эпоху Ницше. И бодро продолжает читать Хёффдинга. Он сильно устарел (1900)[48], но даже если «сделать скидку на время» (перенестись в его эпоху), книга остается тяжелой, полной компромиссов (вызванных заботой о чужом мнении и совершенно бессмысленных, он все-таки жил после Ницше, он современник Бергсона). Он совершенно ничего не говорит нам о психической жизни. Тем не менее я извлекаю для себя пользу: 1) в терминологии; 2) в том, что могу увидеть ошибки и пробелы классической психологии. В действительности для психологии она* то же, что логика для метафизики (да и то едва ли!).

Я присоединяюсь к свидетельствам существования психической энергии, и думаю, что следует сделать из этого выводы.

«Я» (сознание № 2) это движущая сила развитой психической жизни. *Эгоцентризм* – один из основополагающих принципов механизма познания, и т.д. (ср. язык). *Никакого* наследственного эволюционизма. В основании: материализм или, скорее, *иррациональный монизм.*

* Текст не ясен.

16 августа. — Человечество делится на две части: те, кто не ведает о своем неведении, и те, кто не остается в неведении о нем. Может, и есть (были, будут) время от времени люди, которые *знают*, но такой человек (*sic*) не умещается в рамки человечества, и каждый из них составляет отдельную категорию (Жюльен Ру), или же те, кто мается сам, и те, кто донимает других (Пао Деви).

Иногда судьба ведет себя как ленивый автор журнального романа: сперва так запутывает интригу вокруг своего героя, что уже не способна подобрать логичное продолжение истории, а потом разрубает гордиев узел, заставляя персонаж гибнуть в какой-нибудь дурацкой катастрофе (кстати о Б. Поплавском) или отправляя его в тюрьму[49].

Вполне естественно, что я все время возвращаюсь к тюрьме (этой ночью, однако, мне приснился вполне «гражданский» и очень забавный сон: станция метро «Барбевиль»* и т.д.). Какое же в итоге чувство преобладает сейчас в моей жизни? Трудно сказать, это не всегда одинаково. Сейчас, наверное, такое: не то чтобы *неотвратимость*, но *внутренняя необходимость* ее. Думаю, что я переживаю, наконец, величайшее приключение в своей жизни, *мое* приключение, таков экзамен, в перспективе которого вся предыдущая жизнь — только подготовка. Экзамен сложный, и я горжусь этим. А если завалю — что ж, буду хотя бы *допущенным*!

Чувство это не присутствует в моем сознании постоянно, но проходит как бы красной нитью.

Не перестаю пристально всматриваться в себя, чтобы фиксировать *отпечаток*, наложенный тюрьмой. Но до сих

* «Barbeuville» — такой станции в парижском метро не существует, но есть станция с отдаленно схожим названием «Belleville» («Бельвиль»).

пор не увидел ничего, кроме нескольких ничтожных черт: физической ослабленности (хотя к голоду я привык и почти не ощущаю его), изменения чувства времени: дни больше не кажутся мне нескончаемыми (может быть, потому, что сейчас август?), чувствительности к холоду... Физическое состояние *косвенно обусловлено* изоляцией, но не *определяется* ею.

Странный факт: появилось множество новых линий на *левой* руке (т.е. это не только от худобы!). Я точно знаю, что пять месяцев назад, когда я сравнивал свои ладони (практически одинаковые) с П.[50], их не было. С этим пусть хироманты разбираются. Скажу только, что у меня вообще очень мало линий — помеха для гадалок.

«Любовь — кристаллизация радости» («Спаркенброк»[51]).

17 августа. — Потерявший же душу свою сбережет ее... и т.д.* Я же скажу больше: потерявший душу другого сбережет ее в жизни вечной, и сберегший душу другого потеряет ее, и не только эту душу другого, но и свою собственную. Это открылось мне некоторое время назад в связи с размышлениями о самопожертвовании. А нынешней ночью во сне мне было откровение другого значения этой истины: это оправдание Дон Жуана: «да, я погубил ее, но без меня она погибла бы в посредственности и т.д.». Возвращаясь к истории этих размышлений, вспоминаю обстоятельства, при которых они, тогда еще полусознательно, возникли: лето 1937-го, кладбище Петсери, и богохульная надпись на надгробии восемнадцатилетней девушки: «Да будет воля Твоя». Никогда не забуду той ночи.

* Ср.: «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10, 39).

Еще одна мысль того же времени и места: «Здесь покоится такой-то, родился тогда-то... скончался тогда-то...» Ну да, похоронен в 60 лет, но умер-то когда? Есть ведь такие, кто умер в 20, а похоронен в 70! А есть такие, кто похоронен, но продолжает жить. А если обе даты совпали, то это ли не идеал?

В сущности, вся человеческая деятельность (и вся эволюция) сводится к трем основным инстинктам: самосохранения, охраны территории и, наконец, *игры.* Разум состоит на службе этих трех господ (если кто-то хочет любой ценой плутовать, то первые два можно назвать инстинктами естественного порядка, третий же — божественного). Инстинкт игры присущ прежде всего животным (как и разум), но в человеке он получает максимальное развитие. Именно он (с двумя прислужниками) управляет формированием общества, религии и т.п. «Эволюция» же заключается в том, что этот инстинкт занимает все большую часть по отношению к своим сотоварищам. Он выдумывает все новые условия (чем не новая игра), создает свою технику бокса, свою коллекцию марок и т.д., и т.п. Встречаются, разумеется, и исключения, как бывают такие буйные дети, которых приходится силой оттаскивать от их игр. Впрочем, это ничуть не умаляет достоинств рода человеческого.

Похоже, что у самцов инстинкт игры проявляется сильней, чем у самок. У тех, напротив, сильнее инстинкт охраны территории. А вот основополагающий принцип человеческой деятельности: «радость игры» или «воля к игре», *Spielfreude* или *Wille zum Spiel.*

В камере напротив трое заключенных французов, в основном, наверное, коммунисты: временами они хором поют первый куплет «Марсельезы», а за ним первый куплет «Интернационала» или кричат: «Даешь Советы («салфетки»)»* или

* По-французски здесь ассонанс: «Soviets» — «serviettes».

«Вся власть Торезу» (смерть!). Но все это у них получается как-то не слишком убедительно. Напротив, выходит громко и складно, когда они все вместе скандируют: «Еды, голодны!» или «Дайте в супе овощей!»[52].

18 августа. – Голод. Сегодня паек был еще более скудным, чем обычно[53]. Жду завтрашнего дня: вторники и пятницы это точка опоры в моей жизни. Какую книгу получу завтра? В этом непредсказуемость моего существования. Практически все события – исключительно интеллектуального плана. «Интеллектуал» поневоле!

Читал «Книгу Иова» – очень глубоко. Если я правильно понял, идея вот в чем: это истинно, потому что Бог так захотел, а не Бог так захотел, потому что это истинно. Бог *живой* и т.д.

Можно рассматривать законы природы как правила божественной игры. Очевидно, Бог всегда волен поступить против этих правил? но это уже *не будет игрой.* То же и с религиозными догмами. Мысль поистине искусительная.

Свобода воли и игра в шахматы. Наша свобода действия подобна свободе пешек и прочих фигур. Каждая ходит по-своему и в каждой позиции располагает неким определенным набором возможностей. По мере приближения финала партии число удачных ходов сокращается. К тому же есть такие позиции, в которых возможен только один вариант хода и т.д. В остальном фигуры могут легко представлять себе, что они свободны выбирать из двух или трех решений – при условии, однако, что они *забудут про игрока.*

Вспоминаю один случай из детства. Мне было самое большее семь или восемь лет, на Страстной я готовился к причас-

тию и мы с кузиной Евгенией говорили о Страстях Христовых. И так получилось, что я сказал: «И *Он* преломил хлеб», — говоря об Иисусе. От этого в мою детскую душу закралось сомнение: а могу ли я произносить *Он*, говоря о Спасителе? Меня учили никогда не говорить о присутствующих в третьем лице. Разве Бог не присутствует всегда и везде? Значит, я проявил неуважение к Иисусу, а это богохульство. Успокоило меня чтение из Евангелия. Что тут скажешь — я ощущал Иисуса как *реальное присутствие*, уж каким оно может быть в сознании мальчишки. В тот же год (или следующим летом) мне было видение св. Георгия и т.д.

Можно с уверенностью сказать, что *веру* я потерял к двенадцати годам, так, однако, никогда и не став материалистом. К семнадцати я освободился от христианской морали (скажу: почти, поскольку ее остатки существуют во мне и поныне), но только в последние несколько лет я начал освобождаться от христианской *цивилизации.* Смелое и тяжелое предприятие, но мне оно необходимо. Другим я лгу с легкостью, но себе лгать не могу. Никогда не удается.

19 августа. — Ирен появилась только после полудня. Ожидание, разочарование, почти отчаяние, потом смирение и вдруг — радость. Получил фрукты (одному Богу известно — как я проголодался!) и два тома «Кима». Почему, черт побери? Я, конечно, с большим удовольствием читаю Киплинга, но сейчас мне нужно что-нибудь посытнее. Я задаюсь вопросом: как она себе представляет мое душевное состояние?[54]

Представление *abstracta** наряду с чувственными представлениями вещей конкретных. Каким образом мы мыслим вещи абстрактные? Иногда у нас возникают представ-

* Abstracta — абстракций (*лат.*).

ления состояний души (дружбы, тоски) или сознания (идеи, «я»). (Первое отличается от второго сопутствующим ему *витальным* чувством. Можно ли из этого заключить, что в обоих случаях речь идет о сознании № 2?) А <как мы мыслим> иррациональные абстрактные понятия? Как часть от целого (пространство, бесконечность, время, вечность), что совершенно неверно в этом случае... К примеру, такое понятие, как четвертое измерение (или пятое)? Игра с языком и логикой? Или мы все же способны превзойти самих себя?

21 августа. — Усталость и отупение. Видел С. и В.[55] Дождь. Хочется спать, но мучает бессонница. Как в старости.

23 августа. — Вчера — фрукты и малина из нашего сада, а для чтения — Гете[56]. Прочитал вчера «Гёца», «Эгмонта» и «Ифигению», сегодня «Тассо», «Die natürliche Tochter» и начал «Фауста». «Гёц» полон юного задора, вообще хороших вещей много, но все бледнеет в сравнении с «Фаустом»! Чувствуется, что Гете писал его для себя, себе на радость и себе на горе, не принимая во внимание публику (принца*). Сколько ни пытайся понять, что есть Гете, всякий раз восхищаешься им снова и снова. Ах, *der alte Herr!...*

Думаю, начинается мое «увяданье»: лень ума, усталость, холод в конечностях, голод. Как хочется курить! Временами подумываю и о петле. Несколько мгновений ясного рассудка. Внешне манера держаться не изменилась: спокойствие, достоинство, любезность с долей иронии.

* Вероятно, имеется в виду наследный принц Саксен-Веймарский Карл Фридрих (1783–1853), бывший с 1828 года правителем Веймарского графства.

И все же, как подумаю о других... Что до меня, то я привык к одиночеству и чувствую в себе достаточно внутренних сил, чтобы начать с математики и, пройдя через внутренний диалог, закончить под покровом Майи[57]. В конце концов, мне всегда остается мое прошлое, и на крайний случай — атараксия. Но как подумаю, что в тюрьме сидят люди молодые, без культуры, без внутренней жизни, привычные к физическому труду, каждодневному притуплению сознания. В тюрьме Санте я видел, как плакал парень лет тридцати, электрик, отец семейства, у него и дело-то было ерундовое, — плакал, потому что оставался без *работы*.

С другой стороны, верно и то, что я теряю больше них. Я умел *наслаждаться*. Мне, к примеру, недостает *природы* и т.д. Я теряю бесконечно более других, но даже с тем, что у меня осталось, я все еще богаче них. Все же у меня всегда остается возможность почти неограниченного *обогащения*.

Вкратце: преимущества «мыслящего тростника»*.

24 августа. — Разум неизменно обнаруживает собственные границы (в чем состоит его максимум, тем самым он совершает попытку превзойти себя), а что потом? Разум неизбежно *рационален*. Там, где открывается *иррациональный опыт*, разуму делать нечего. Самое большее, можно употребить его для перевода подобного опыта в рациональные понятия, с тем чтобы передать этот опыт другим, но не для объяснения или доказательства. Таким образом, каждый останется при своем мнении. К сожалению, человеку всегда хочется найти квадратуру круга, объяснить чудо (а почему, в конце концов, «к сожалению»: ведь эта страсть не лишена величия

* Ср.: «Человек — всего лишь тростник, самый слабый в природе, но это мыслящий тростник» (*Паскаль Б.* Мысли. VI, 347).

и *красоты*). Так две прямые, принадлежащие разным плоскостям, никогда не пересекаются, не будучи при этом параллельны.

Жизнь и смерть – две неисчислимые величины.

25 августа. – Прочитал вторую часть «Фауста». Последний акт великолепен. Подумать только, он был закончен в 1832-м!

Морган описывает любовь точно и проникновенно, он не просто дает описание, но раскрывает саму суть. Поэтому несмотря на всю частность случая (Мэри и Пьер), он достигает выражения универсальных, главных свойств любви. Что же касается искусства, то это случай более индивидуальный, хотя в нем и открываются вечные вопросы писательского ремесла в целом. Наконец, смерть Пьера – это совершенно особенная смерть. Интересно было бы сопоставить Моргана с Толстым[58].

Проблемы Моргана не вполне совпадают с моими. Вот те темы, к которым я все время возвращаюсь в эти месяцы одиночества: «*я*», *любовь*, *смерть*. Не то чтобы искусство было мне безразлично, просто для меня оно не является реальностью в себе.

Порой я почти чувствую в себе призвание писателя, но это далеко не непреодолимое чувство. В ранней юности, разумеется, у меня был скромный писательский дар, дар языка прежде всего, познал я и вдохновение. Но это совершенные пустяки.

Дар без гения – все равно что дешевая игрушка. Гений без дара – нечто жалкое (как у Поплавского, например?), бесформенное, незавершенное.

26 августа. – Этой ночью видел во сне Гибо, мы должны были вместе отправиться на Тибет, «там я, может быть, остался бы в буддийском монастыре», сон в каком-то смысле пророческий, поскольку Ирен только что принесла мне «Буддизм» Ольденберга[59].

Сегодня пять месяцев, как я в тюрьме[60] (и 25 листков моего дневника). Вот, перечитал их – беглые заметки о долгих и трудных размышлениях. Есть в них очевидные ошибки, и грамматические погрешности, и даже противоречия – мне все равно, оставляю их как есть.

В тюрьме Санте я начал размышлять о «самом важном» и о самом себе. В какой-то момент я заметил, что у меня, человека думающего, нет ни единой мысли ни о душе, ни о смерти, ни о Боге и т.д. Как такое может быть? Еще в 1932 году я располагал настолько точной и красноречивой картиной мира, что даже привлекал адептов (имею в виду Рокко)! Эклектичная абстрактная картинка, занятная смесь теософии, антропософии и рационального монизма... Но с тех пор как у меня стало больше времени для философских построений (а кроме того, я очень восприимчив), внутренняя трансформация шла подспудно, и когда это вышло на поверхность, я нашел лишь смутные чувства и стремления.

Вижу ли я яснее теперь? Я всегда могу определенно утверждать следующее: 1) я не верю в индивидуальное бессмертие, но в вечную жизнь духа; 2) я не боюсь смерти, но глубоко люблю жизнь со всеми ее материальными проявлениями[61]; 3) я перестал быть мудрецом и стал (снова стал) человеком, это поражение – моя великая победа; 4) раз уж так случилось, у меня нет ни сожалений, ни угрызений совести, все, что было в прошлом, представляется мне логичным и необходимым развитием собственного бытия.

Кажется, это уже что-то! К этому следует прибавить лучшее знание самого себя и понимание тех чувств, которые я внушал окружающим. Откровенно говоря, я нахожу, что тюрьма приносит мне самое большое благо (я, как всегда, извлекаю пользу из несчастья), и я хотел бы пробыть здесь еще пять-шесть месяцев, но мои перспективы — большой срок в Германии на тяжелых работах[62]. Верно, что у меня всегда остается способ покончить с этим — *ultima ratio**, — но это претит моему чувству прекрасного. Суицид — высший акт человеческой воли, если только он не обусловлен какой-либо внешней причиной, иначе он превращается в случайность или малодушие. И потом, есть Ирен.

Самоубийство. Акт, в котором человек превосходит себя и реализует себя, уходя от *естественной* человеческой смерти. Но таким оно бывает редко (даже *Кириллов* в «Бесах» *обязан* пойти на самоубийство)[63]. Вне этой, единственно чистой, формы существуют: случайный поступок (обычно по малодушию) под действием момента, если же попытка не удается, кандидат счастлив и становится более чем когда-либо привязан к жизни (к этой категории относится бóльшая часть случаев); акт *самосохранения* – например, старик, замечающий потерю умственных способностей, пленный, боящийся заговорить под пытками, больной, не желающий страдать; наконец, самоубийство *по законам чести* (игрок, проигравший чужие деньги и т.д.), которое, по сути, входит в категорию случайных поступков, с тем только отличием, что оно всецело спровоцировано социальным «я» и является своего рода самонаказанием. Только первый тип есть настоящее самоубийство.

28 августа. — Видел во сне горы — сперва поднялся на вершину один, потом спустился за Ирен. Вчера читал «Ле Канар

* Ultima ratio — крайнее средство, последний довод (*лат.*).

аншене»* от 3.1.1940!! (В тот день я приехал в Париж в свой первый отпуск!) Странное ощущение!

29 августа. – Получил «Творческую эволюцию», большая радость для меня[64]. Читая «Будду», не мог отделаться от мысли, что мы знакомы только с экзотерическим учением буддизма. Существенное различие между буддизмом и христианством состоит прежде всего в буддийской *гордости*: человек идет к свободе самостоятельно, без божественной помощи, боги даже завидуют Будде, Будда же не необходим для спасения человека, тот сам становится Буддой.

Лаваль** стал жертвой покушения, которое совершил некто Поль Колетт[65]?

31 августа. – Видел во сне деревню, мимозы (Ирен с матерью и т.д.). Какого-то странного человека в лохмотьях, вроде нищего или бродяги – он попал в колеса прокатного вала, а я остановил механизм, тогда он пошел прочь, не жалуясь и не показывая, что ему досталось: из *гордости*.

При пробуждении от этого сна (сплю я плохо, просыпаюсь и снова засыпаю по пять-шесть раз и более) у меня были очень ясные мысли о *мыслить*, *действовать* и *искусство*: некое интуитивное понимание. Попытаюсь внятно сформулировать их:

1) Мы действуем как живые существа, но наш интеллект мыслит в категориях мертвой материи вне реального времени (это из Бергсона).

* «Le Canard enchaîné» – «Привязанная утка» (*фр.*) – французский политический сатирический еженедельник, выходящий с 1915 года (кроме периода оккупации).

** Пьер Лаваль – вице-премьер вишистского правительства.

2) Отсюда несогласованность между мыслью и действием.

3) Эта дисгармония (несовпадение) необязательна. Она держится прежде всего на привычке к некоей форме рефлексии (относящейся прежде всего к языку...).

4) Итак: наши представления в основном абстрактны, в то время как реальность знает только конкретность (единственную, временну́ю и т.д.).

5) Художник — это тот, кто, с одной стороны, мыслит конкретно, а с другой — усердно пытается высвободить поток жизни из времени. Так, на полпути между жизнью и идеей, он воплощает согласие (совпадение) мысли и действия.

Другой пример (наивысшая ступень): музыка. Это одновременно абстракция и длительность. Очень хочется сказать, что это *жизнь идей.*

Танец являет собой тождество, достигнутое через конкретизацию представлений и т.д.

Иначе говоря: искусство состоит в отождествлении того, что *мыслится*, и того, что *совершается* (в чем раскрывается его божественность).

Случай с литературой требует особого рассмотрения ввиду того, что она пользуется таким особенным инструментом, как язык...

Нечто подобное наблюдается в спорте: мысль становится реальной. И т.д.

Читал «Блестящий поток». Не так хорошо, как романы (Моргана), но очень интересно. Как и эссе о единстве Духа. Оно не философское (англичане решительно неспособны к философии), а психологическое и моралистическое и многое дает для понимания мысли Моргана[66].

1 сентября. — Припоминаю нынешний сон: «рассуждать о душе научно — все равно что мочиться на людях» (произнесено мной в завершение конференции!). На этом я проснулся от неотложной необходимости справить малую нужду. Но как сказал!

Вот уже два года...[67] Война и все такое. Слишком много воспоминаний. Воспоминаний, да, их хватит на целую жизнь, но так ли я в действительности стар, чтобы жить прошлым? Правда ли, что у меня нет никакого будущего? Тридцать три — это очень-очень мало. Столько еще можно открыть, от стольких отказаться.

4 сентября. — «Компенсаторный» сон: самые обычные вещи, обыденная жизнь: накинуть пальто, поприветствовать знакомых, перекинуться парой слов с кем-то из друзей, пропустить кружечку пива — все это только калька с банальной реальности, но ее-то здесь и не хватает. Прочел юмористический детектив (старушке Агате конец), — чушь, но как успокаивает.

5 сентября. — Пишут стихи: «В тиши одиночной камеры...»

6 сентября. — Начал учить греческий[68].

9 сентября. — Вчера закончил повторное чтение «Спаркенброка»[69]. Морган создает образы такой силы (взять, к примеру, его описания природы или Лукки), что я начинаю хандрить... даже в переводе. Он прибегает к очень действенному приему — изображает будущее: действительно, рассказ о будущем трогает подчас сильней воспоминания. Философия у

него, по сути, платоническая, хотя терминология выдает знакомство с Бергсоном. Он осуществил в литературе нечто новое, сделал шаг вперед, но для массового употребления это не годится, приблизиться к нему может одна элита. И еще. В итоге все очень глубоко, и от этого несколько узко. (Чтобы быть одновременно и *широким* и *глубоким*, Толстой, надо быть больше, чем решительным *гением*.)

Наслаждаюсь душевным покоем. Ни атараксии, ни покорности судьбе: скорее, некое приятие. И никакого нетерпения.

10 сентября. – Эволюция языка (?): более двух тысяч лет назад греки пользовались языком, ни в чем не уступавшим современному французскому. И не стоит забывать, что французский – язык привилегированный, что в ходе эволюции он неизменно сохранял, как *ultima ratio*, возможность черпать из своего первоисточника. Разумеется, с давних пор классицизм и грамматики служат ему с самолюбованием. Не стоит также забывать и того, что он обладал письменностью еще до своего возникновения... (Его преимущество объясняется политическими причинами.)

12 сентября. – Получил бумагу, карандаш, много еды и книжку Н. Лосского. Какое удовольствие – иметь в своем распоряжении писчую бумагу!

13 сентября. – Почитал немного Лосского: интуитивистскую теорию сознания[70]. Перевод, разумеется, ужасный, но и помимо него – как все это тяжело и сложно. Параграфы, рисунки, окончания – он принадлежал к школе немецких философов. Порой складывается такое впечатление, что он пытал-

ся сказать простые вещи сложным языком. Какое различие с Бергсоном, который с великолепной простотой говорит вам о самых трудных вещах.

Я пока воздерживаюсь высказывать свое мнение по существу мысли Лосского. Все же мне кажется, что познание прежде всего – человечно и, значит, истина, которую оно способно постичь, не является *реальностью абсолютной*, как и *абсолютно объективной*, с другой же стороны – не является и *исключительно субъективной*: солипсизм заключает противоречие в самом себе. Познание можно, в каком-то смысле, сравнить с языком: у каждого свой неповторимый язык, всякое слово меняет свой смысл в каждом новом обороте речи, и тем не менее язык существует: мы понимаем друг друга. Философию следовало бы начинать не с теории познания, а с рассуждения о языке, поскольку именно он поддерживает предмет всякой философской теории.

Мысль и язык неотделимы друг от друга, их влияние взаимно. Этот факт не привлекал до сих пор должного внимания мыслителей. Все же, если бы наш язык пошел по иному пути развития, мыслительный процесс (спекуляция) был бы совершенно иным. См., например, языковедческие данные из других систем (японского). Футуризм, впрочем мертворожденный, Маринетти; попытки создания «заумного языка» у Хлебникова и т.д.

14 сентября. – Занятия греческим – прекрасный способ провести время. Чтение «романов» слишком растравляет мою жажду жизни (сегодня читал в «Лизе-муа» отрывки из «Человека над своим прошлым» Константин-Вейера)[71]. Философское же чтение, напротив, наилучшим образом соответствует ситуации, оно дает пищу для ночных размышлений (света у нас нет, из-за чего мы вынуждены оставаться в посте-

ли по двенадцать часов; зимой может дойти и до шестнадцати). В целом, я не чувствую себя очень несчастным. Еще или уже?

Когда (и если...) я выберусь на свободу... что изменится для меня или, скорее, во мне? *Umsetzung aller Werte*?* Нет, скорее, интенсивность внимания, направленного на людей и вещи. Возросшая чувствительность. *Очеловеченность.* Никаких революций, разумеется; скорее, окончание эволюции, завершение очеловечивания. Здесь направление, взятое мной в 1937 году (а с 1934 по1937 год я тщетно пытался ухватиться за небо).

15 сентября. – Пишу письмо Ирен, первое из Френ[72]. Странное дело, сам факт того, что мое письмо будет читать посторонний и в принципе враждебный человек, меня очень стесняет. Письмо было бы иным не только по содержанию, но и по форме, если бы я был уверен, что оно попадет прямо к Ирен. У меня такое ощущение, будто я солгал, давая ей понять, что я тут как на облаках... Но моя цель – успокоить Ирен, так что это не обман, а замалчивание (что сводится, разумеется, все к тому же). Написал о своей любви и нежности... Я знаю, что это значит, но Ирен – знает ли она? Она попытается представить все по-своему, подставить свои понятия любви и нежности, и в один прекрасный день, когда мы встретимся, может статься, что она будет жестоко разочарована, не найдя во мне того, что мне приписывала. [...]

Этой ночью видел во сне Ирен. Сон донельзя простой, только ее лицо над моим, совсем близко, лицо улыбающееся и в то же время мечтательное. Проснулся и, поняв утрату, тут же вернулся обратно в сон и снова встретился с Ирен. Я успел выразить ей свою нежность прежде, чем она исчезла.

* Umsetzung aller Werte – перемена любой ценой (*нем.*).

16 сентября. – Книг не получил. Судя по этому, я понял, что это Эвелин[73] приходила и не принесла книг. Горе само по себе невеликое, ведь со мной всегда моя греческая грамматика.

Вчера закончил читать книжку Лосского. Встречаются интересные вещи, особенно из тех, что не принадлежат самому автору, в чем он совершенно искренне признается (Дриш, Гартман[74]), остальное представляется мне весьма заурядным, скорее, даже наивным, чтобы не сказать простецким. Неужто автор думает, что достаточно найти новый термин «интуиция» и этим можно разрешить всю проблему познания? Он разве не видит, что «интуитивизм» только усложняет вещи, вместо того чтобы упрощать их, как он полагает? К тому же слишком заметно, что это работа тенденциозная: только бы новая теория не задевала науку – ни закон инерции, ни закон сохранения энергии не должны ничего опасаться; с большим трудом, явно неохотно, автор еще соглашается изменить закон энтропии, заменив ее жизненной экстропией... Не говоря уже о стиле (писано для детей средней школы...). Грустно все это, но что больше всего меня возмущает, так это профанация самого слова «интуиция», которое еще ждет раскрытия своего значения. Уже Бергсон неоправданно занизил его значение, сделав из интуиции топкую трясину на краю интеллекта, остаточное явление инстинкта. Он, конечно, прав, утверждая, что человек не утратил полностью инстинктов, но одно дело – инстинкт, другое – интуиция. Последняя является по отношению к интеллекту не остатком, а, скорее, зачатком. Можно было бы предположить – оставаясь полностью в рамках творческой эволюции, – что развитие интеллекта возможно в двух направлениях: разума (*ratio*) и интуиции, и т.д.

Чтобы от этого вернуться к Лосскому и к теории познания, скажу, что, как мне кажется, существует два совершен-

но независимых друг от друга типа познания: аналитическое, наиболее полно применимое в так называемых точных науках, и иное (у меня нет слова для его определения: тотальное, глобальное, синтетическое, интуитивное, иррациональное? — как хотите), вершина которого достигается в любви. Таким образом, проблема познания ставится совершенно по-разному, смотря о чем идет речь — о математике или о любви.

Закончил I том «Средневековья»[75]. Главные статьи превосходны, остальное же удручающе скучно, крайне неудачный компромисс между книгой для широкой публики (популяризацией) и учебным пособием для студентов. И как всякий компромисс, он компрометирует собственный результат.

Мы усвоили привычку всегда излагать историю в хронологическом порядке событий. Не стоит ли хоть раз начать с настоящего и продвигаться ко все более и более отдаленному прошлому? Получилась бы практическая история, принимающая во внимание только то, что сохраняется несмотря на время и обстоятельства. Может, и не являясь «научной», написанная таким образом история могла бы стать продуктивной. Признаю, что это чертовски сложно осуществить.

17 сентября. — Одно из двух: если признать, что у всякого человека есть душа, логичным будет признать существование души также у всех животных, а быть может, и у растений, — или же душу следует приберечь только для редких представителей высшей породы человечества и для ангелов и т.д. В любом случае совершенно ясно, что разница между двумя людьми зачастую значительно больше, чем между человеком и каким-нибудь животным, — с духовной точки зрения, разумеется; но не является ли она (такая точка зрения) самой важной?

Что, в конечном счете, пытается доказать теория равенства всех людей? Что каждый есть творение Божие? Но животные в равной степени ими являются. Чтобы исповедовать принцип всеобщего равенства, надо быть христианином. Но его воплощения ищут именно антирелигиозные и внерелигиозные учения. Христианство превратилось в цивилизацию (так и не перестав вполне быть религией), то есть оно составляет иррациональный («инстинктивный», подсознательный) капитал нашего мышления. Для нехристианина в человеческом равенстве нет никакой логики, что делает гитлеризм более последовательным в самом себе, чем коммунизм или демократия. Но быть логичным вовсе не означает быть правым, хотя философы думают именно так.

Упадок Франции заключается в перепроизводстве ума. Никто не желает принимать всерьёз что бы то ни было, кроме самого себя и собственной жизни. Но в этом, напротив, проявляется недостаток ума. Избыток и недостаток одновременно. Если бы люди плевали на свои интересы так же, как они плюют на родину, государство и т.д., мы смогли бы чего-то добиться.

Немцы, те относятся к жизни страшно серьезно. Они, что называется, «tüchtig»*. Для них это лучший комплимент. Француз же примет такое за насмешку.

18 сентября. — Если быть честным до конца, придется признать, что я был и остаюсь прирожденным авантюристом. Моя внезапная страсть к философии — сплошной духовный авантюризм. Философские течения занимают меня как некогда путешествия, детективы, девушки и этнология. И что самое страшное — я признаюсь в этом безо всякого стыда. Как

* Tüchtig — дельный (*нем.*).

хотите, но я нахожу, что философия – это чудесная штука, но совершенно не верю ни в какие там последние истины, равно как и в первые. Ни у одной теории нет прочного основания, у философов вся аргументация сводится к: я хочу, чтобы было так-то... Подобное безразличие нисколько не мешает мне наслаждаться и высоко ценить их ум. Напротив, мне гораздо приятнее принять их образ мысли и следовать ему до конца, чтобы посмотреть, что из этого получится. (Существуют, однако, теории, которые я предпочитаю остальным, не считая их из-за этого более верными.)

Этот дух любопытства – отличительная черта авантюризма. Страсть к непредсказуемому. Когда я играл в шахматы, мне часто случалось делать необдуманный ход: не по умственной неспособности или лени, а просто из желания увидеть, какой это произведет эффект и как я смогу из этого выкрутиться. (Впрочем, держался я обычно прекрасно и особенно любил выигрывать безнадежные партии.)

Так и в жизни: я нарочно попадал в серьезные или безнадежные ситуации, чтобы увидеть, как смогу из них выпутаться или же каким образом сама жизнь возьмется за разрешение трудной задачи. Это так здорово – оказаться в опасности, от которой только чудо может тебя спасти (тем более что не всегда бываешь уверен, что это чудо произойдет).

Этим умонастроением объясняется одна парадоксальная, на первый взгляд, черта моего характера: совершать абсурдные поступки, сохраняя при этом полное самообладание. Да, я понимаю, что обрекаю себя на неприятности, и легко могу их избежать, но не хочу. Напротив, мое самое большое желание – именно потерять это самообладание. Поэтому я так охотно поддаюсь мимолетному увлечению, даже разжигаю его в надежде, что оно обратится в страсть, что сможет увлечь меня за собой к *terra incognita* приключений.

Приключения физические, интеллектуальные, духовные. Не играю ли я всем, что есть самого святого? Пусть так, но разве весь мир — это не просто игрушка богов?

19 сентября. — Получил много съестного и никаких книг. Среди прочего — пряник, кондитерский эксперимент Эвелин. Милая малышка. По правде говоря, они балуют меня и совершенно напрасно. *Væ victis**.

Этой ночью был забавный сон: в нем было полно знакомых и родных. Только проснувшись, я понял, что все это были умершие. Все, за исключением одного, В. Смакова, который тоже, может быть, умер. Никогда о нем не вспоминаю и представить себе не могу, что за череда ассоциаций побудила меня увидеть его во сне.

Самый веский аргумент в пользу свободной воли человека несомненно таков: если все предусмотрено и предрешено, Бог умер бы со скуки... Безвозмездно передаю этот аргумент Святой Церкви, хотя сомневаюсь, что она им воспользуется.

Бодрое отчаяние — прекрасный заголовок для Ницше. Если я когда-нибудь напишу книгу, то укажу в ней только главные ориентиры и озаглавлю: краткость. И так как каждый сможет по своему усмотрению заполнить пробелы между точек, то и пожнет, что посеял. Уверен, она будет пользоваться огромным успехом.

20 сентября. — Сегодня у меня была первая прогулка (а я во Френ с 16 июня). Колоссальное удовольствие, и в то же время нагоняет тоску.

* Væ victis! — Горе побежденным! (*лат.*).

Этой ночью сумел поймать за хвост один из нелогичных приемов логики сновидений: мне (как обычно) снилось освобождение; добравшись до улицы, я подумал, что надо как-то притвориться, чтобы избежать возможного преследования, и вот как я сформулировал свою мысль: па-тро-ма-то-про патра мо-та-пра... и я проснулся, повторяя, произнося по слогам эти слова, обладавшие для меня во сне не только ясным смыслом, но и магической силой заклятия... Перевести же это выражение из сна на язык яви я не смог. Даже если предположить, что эти звуки навеяны занятиями греческим, никакого объяснения все равно нет.

21 сентября. – Был на прогулке. Прекрасное осеннее солнце, прекрасный теплый день. После этого камера выглядит мрачно.

Читал «Неизвестный Голливуд» Курта Райсса[76]. Довольно посредственный репортаж, но касается действительно очень важных проблем. Голливуд, эта квинтэссенция Америки и квинтэссенция западной цивилизации, запечатлен здесь с точки зрения современных тенденций развития. Ужасающая картина. По-моему, Соединенные Штаты ужасная страна...

Беда этой цивилизации в том, что она переполнена техникой. Человек уже не хозяин собственной жизни, он отрекся от своей власти в пользу индустриализации, коллективности, анонимности. Масса. Ср. пример кино: оно воспитывает публику, но само лишь приспосабливается к ее вкусам. Так появляются люди-типажи, идеалы-типажи, стандартные жизни, одинаковые любовные истории и т.д.

Однако было бы неверным считать, что это явление свойственно только нашему времени и нашей цивилизации. Этот

феномен того же рода, что и приведший за много веков до того к торможению китайской цивилизации. Склонность к инерции, закон наименьшего усилия. Достигнув определенного уровня владения материей, человечество устремилось к материальному развитию и совершенно пренебрегает развитием духовным. Это бегство, малодушное отступление. Но случилось так, и в этом отличие нашего случая от китайского, что само средство, которое должно было обеспечить человечеству стабильность и упрочить мирный сон души, обернулось против него. Нынешняя война — только относительно невинная борьба с утратой человечеством контроля над собственными движениями. И люди пока что не отдают себе в этом отчета.

22 сентября. — «Бытие», главы 1, 2, 3. Создав человека, Бог (или Природа, или Жизнь) мог предаться покою. Человек же взял на себя продолжение акта творения. Действительно, человек — это единственный вид, способный изменить лицо земли. Прежде всего, он повсеместно распространен и способствует исчезновению одних видов животных (у нас перед глазами пример беловежских зубров) и распространению других, он создает новые растения и т.д., не говоря уже о таких примерах, как Суэцкий и Панамский каналы. И еще: на покорение природы он тратит лишь малую долю своих сил, употребляя бóльшую на внутреннюю борьбу (посчитайте, во что в переводе на жизнь и труд обходятся войны и в особенности подготовка к ним). (Здесь можно было бы развить теорию Бергсона и сказать, что целью творческой эволюции является достижение возможного максимума психической энергии, присущей человеческой мысли. Так можно было бы даже объяснить войны.) Именно поэтому я полагаю, что Бог почил от дел только после изгнания первых людей из рая. Женщина была дана мужчине потому, что он скучал (см. Быт. 2, 20).

Запретное древо есть не древо познания (Шестов недоговаривает), а древо познания *добра и зла*, другими словами *морали*. И это понятно: *совершенная любовь* не знает ни добра, ни зла; она выше их; рассуждать о морали человек начинает, только утратив духовное единство в любви и ища выход в механистическом подходе, что и есть мораль (ср. у бл. Августина: «*Ama et fac quod vis*»*). Человек обрел самосознание, но утратил, возможно навсегда, чувство реальности единственной и абсолютной. Он становится замкнутым в себе существом-одиночкой, способным создать независимый от окружающей его природы внутренний мир. Это то, о чем говорит змей: вы будете как боги, знающие добро и зло (Быт. 3, 5). Впрочем, Бог сам признается в ревности к человеку: вот, человек стал как один из *нас* (Быт. 3, 22) и именно из-за этого Он воспрещает человеку есть плоды с древа жизни (см. у Гераклита: человек это смертный бог, бог это бессмертный человек).

Другое место: совершенно неправильно представлять грехопадение как половой акт. Судя по всему, Адам и Ева любили друг друга прекрасно и совершенно еще до вкушения запретного плода: их любовь не знала стыда (Быт. 3, 7). Грехопадение, напротив, есть распад любви: каждый из двоих любящих оказывается замкнутым в собственной индивидуальности, их союз становится плотским и лишенным полноты.

А могло быть и так: Адам заскучал от безделья и Ева согрешила ради него. Если только всю историю представить как первый адюльтер...

23 сентября. – Получил «Священное» Отто и много съестного[77]. Среди прочего – кусок курицы. Господи, какая вкуснотища! Я тут же непосредственным и очевидным образом по-

* «Ama et fac quod vis» – «Люби – и делай что хочешь» (*лат.*).

стиг понятия «священного» и «возвышенного»! Как можно презирать радости плоти? Возможно, что язык был создан мышлением (я в этом не уверен). Точно то, что язык, в свою очередь, созидает мышление. Эволюция человечества без него невозможна. Природа, создавшая человека слабым и беззащитным (несомненно, умышленно), снабдила его этим восхитительным инструментом (?), служащим человечеству так же, как память служит отдельному человеку... Речь идет не о физиологическом устройстве: попугаи, например, легко учатся произносить членораздельные звуки. У животных, несомненно, имеется способ общения между собой: пение, крик, лай, знаки и т.д. и т.п. Но в противоположность человеческому языку, они указывают только на душевное состояние (если можно так выразиться) животного, а не на внешние объекты. Люди же, напротив, испытывают всевозможные затруднения, когда речь заходит о выражении состояний сознания (что в то же время намного сложнее). Этот язык обращен прежде всего к *homo faber**, он аналитичен и служит отображением материального мира (неодушевленных тел). Последствия...

Всякий язык составляет единое целое. Изучая новый язык, я начинаю с перевода: слова моего родного языка привязаны к тем, что я учу. Это невыносимо. Но затем (трудно в точности сказать, когда) происходит какой-то чудесный прорыв и слова начинают сами собой приходить на ум, причем на том языке, на котором я разговариваю. Так, я могу изъясняться (более или менее свободно) на трех или четырех различных языках. И не путаю их между собой.

С другой стороны, мне случается использовать такие выражения из другого языка, для которых я не нахожу эквивалента в родном, особенно в процессе размышлений, когда не хочется подыскивать точные слова.

* Homo faber — зд.: человек работающий (*лат.*).

Более того, вот еще один конкретный пример: сейчас я думаю по-французски, для меня это совершенно естественно, хотя считаю я по-прежнему по-русски и моя мысль (когда я обращаю на нее внимание) использует очень сложные синтаксические обороты. Когда мне хочется их сформулировать (записать, например), я испытываю серьезные затруднения в употреблении сослагательного, условного наклонений и т.п. Впрочем, меня это нисколько не стесняет, поскольку я мыслю в своей обычной манере, не заботясь о вербальной стороне мысли.

Что это означает? Что я не думаю о словах? Чересчур далеко идущий вывод. Просто в моем сознании независимо от языка сохраняется то понимание связей между элементами мысли, которое я приобрел, полюбив свой родной язык, и которое составляет форму, способную вмещать элементы другого языка. Новые слова (а французский словарный запас у меня — один из самых богатых) ложатся на совершенно готовые шаблоны, но я не даю себе труда следить за тем, как они там прилаживаются. Но стоит мне попытаться сформулировать свою мысль, как я оказываюсь вовлеченным в схватку с синтаксисом и грамматикой. С другой стороны, несомненно, что подобное происходит и с родным языком: есть люди, для которых самое сложное — это сформулировать совершенно ясную им самим мысль. То есть они не мыслят вербальными формами.

24 сентября. — Вчера лег спать с животом, полным всяких вкусностей. Я испытывал удовольствие от растущего ощущения живости, приятное тепло во всем теле. Этой ночью во сне вел себя активнее обычного, сны были как бы полны жизненной силы.

Утром — ощущение физического здоровья, крепости. Но в то же время ностальгия по свободе. Прибавлению жизненных сил сопутствует потребность в действии.

Совершенное человеческое общество? Совершенное государственное устройство? Благоденствие всех граждан? Невозможно быть счастливым и одновременно сознавать это счастье (осознание происходит от не-совпадения...). Разве счастливы муравьи? Или пчелы? Да, если взять это слово в отрицательном смысле: у них ни в чем нет недостатка. Если бы была найдена и утверждена совершенная форма Государства и правительства, общество оказалось бы просто огромным муравейником. Но сущность человеческого общества в его изменчивости. Воплощенное благоденствие для всех означало бы гибель в человеческой природе всего неживотного. Человеческая природа — это стремление, запущенное через время и пространство; реализовавшись, стремление перестает существовать.

О чем только думают «благодетели» человечества!

26 сентября. — Получил много еды, а книги нет. Сегодня исполняется шесть месяцев, как я в заключении! Я до сих пор переношу его довольно хорошо. Война продолжается, и пока она идет, мое освобождение неочевидно. А она может продлиться до 1944 года[78].

Читал книжку Отто про *Священное*. Это «популяризация», которая и не пахнет «Herr Professor», а одним «Herr Oberlehrer»*. Априорный постулат: Ветхий Завет представляет собой наивысшую форму древних религий, христианство улучшает его, а Лютер, оставаясь в лоне христианства, еще более продвигается к цели; затем Шлейермахер[79] делает еще один шаг вперед и Отто финиширует!

Для понимания своей книги он имеет полное право апеллировать к иррациональному чувству, происходящему из лич-

* Herr Professor — профессор (*нем.*), Herr Oberlehrer — старший преподаватель (*нем.*).

но пережитого религиозного опыта, но вот досада: я ощущаю этот мистический опыт, озарение и у Плотина, и у Будды, и у Шестова, но нисколько – у самого Отто. Возможно, я ошибаюсь, даже наверняка, и добросовестный профессор из Марбурга не писал толстых томов о сверхъестественном, которого не изведал сам, но только в его трудах нет от этого и следа. Даже никакого *трепета*, который, по его словам, можно назвать простейшим ощущением «нуминозного». Нет уж, расскажите кому-нибудь другому!

У меня постольку больше права говорить это, поскольку сам я никогда не был рационалистом. И мне вольнó противопоставить ученой и мудрой теории Отто свой собственный (затрудняюсь с эпитетом: религиозный? мистический? нуминозный? иррациональный?) опыт. О, я вовсе не претендую на озарение, но те несколько мгновений в жизни, когда я мог смутно различать то, чего не выразишь словами, искупают в моих глазах все остальное.

Как я уже сказал, опыт вещь невыразимая. Но если попытаться перевести в слова то душевное состояние, к которому он приводит, получится примерно так: чувство прикосновения к надмирной и надвременной реальности, причастности ей и оттого страшной ясности ума, знания и понимания всего разом. Сам я, когда об этом думаю, использую термин «участие в жизни вечной», не подразумевающий страха, приниженности или даже изумления.

Отто не желает замечать, что с формальной стороны мистический опыт не имеет ничего общего с религией. Как и с цивилизацией в целом. И та, и другая просто подсказывают ему его содержание, вот почему, например, всегда найдутся общие черты у всех христианских мистиков или у всех шаманов (но было бы абсурдным утверждать, что этот опыт является высшей формой у первых и низшей у вторых). И кто говорит «нуминозный» – говорит «мистический».

Если попытаться честно описать этот неописуемый опыт, следует начать с освобождения от всех априорных религиозных идей. Потребуется составить обширный сравнительный список, в который на равных войдут Плотин и бл. Августин, Будда и Христос, Якоб Бёме и шаманы, Лютер и Ницше, Бергсон и Федоров. Кроме того, в нем окажутся свидетельства безвестных лиц и даже (*horribile dictu**) культы, использующие сексуальный опыт... и что же отыщется общего? Не знаю. Может, вот что: присутствие иной реальности, независимость от материального мира, освобождение от себя.

29 сентября. – Видел во сне Ирен и папу[80]. Очень правдоподобный, очень реальный сон. Вообще, долгая ночь делится на несколько снов (вчера мне удалось проспать пять часов кряду, но такое случается нечасто).

Хотя Ницше и прав, обвиняя апостола Павла в искажении учения Христа, не менее верно и то, что без Павла и его миссии среди язычников христианство никогда не узнало бы такого расцвета. Есть и другие причины триумфального шествия нового вероучения: античный мир созрел для универсальной религии (в этом смысле эллинизация сыграла, возможно, даже меньшую роль, чем «романизация» с ее универсальным чувством «civis romanus»**...), философия была на уровне толпы (и еще: неоплатонизм, неостоицизм и эпикурейство (*sic*) долго сопротивлялись христианству). С другой стороны, христианство, особенно раннее, имея большую простоту, говорило о вещах конкретных, но говорило о них парадоксальным образом, как обладатель откровения. Упадок Римской империи упрочил победу христианства. Может, без

*Horribile dictu – страшно сказать (*лат.*).
**Civis romanus – римский гражданин (*лат.*).

Павла и помощи исторических обстоятельств христианство так и осталось бы (*sic*) маленькой иудейской сектой. Вместо этого оно превратилось в цивилизацию, просуществовавшую 2000 лет.

Для нас невозможно быть христианами в смысле первых общин: мы от рождения пропитаны христианской цивилизацией, евангельское слово теряет для нас свой смысл откровения, любовь к своему (*sic*) ближнему мы понимаем как нравственную максиму и т.д. Религия растворилась в морали, стала расплывчатой в Церкви и т.д. (Лучшим из нас труднее взять, чем дать, труднее обвинить, чем простить и т.д., отсюда, например, новая мораль Ницше.)

Дитя христианства, Лютер возвращается к истокам, то есть к Ветхому Завету, и этот факт накладывает отпечаток на всю духовную эволюцию в Германии; из лютеранства вышел национал-социализм. Французская революция также внучка христианства и бабушка коммунизма. Похоже, что христианская цивилизация (которая никогда не была христианской в евангельском смысле, но это уже совсем другая история...) переживает самый серьезный кризис за все время своего существования, и может статься, что она будет (*sic*) уничтожена собственными потомками. Такова неизбежная участь всякой цивилизации. Но мы не можем и никогда не сможем повернуть вспять, всякое прошлое продолжает быть дано в будущем, в этом смысл реальной длительности. Было бы несправедливо слишком строго судить христианство. Может, оно и «развратило» человечество больше, чем то его, но ставка была высока.

30 сентября. – Погожий день. Получил «Психологию языка». Спасибо, дорогая Ирен, ценю Вашу жертву.

3 октября. — Получил «Правдивую историю» Сеньобоса (с папиными пометками[81]). Писал в последние дни немного. Зато думалось неплохо: ночи долгие. Меня занимают две крупные темы («насущные» вопросы не в счет): 1) идея времени; 2) определение языка по тенденции его развития.

Спрашиваю себя прежде всего о том, существует ли идея времени в чистом виде, сама по себе. Скорее кажется, что наше сознание работает сразу с целым комплексом: пространство, материя, движение, время, и ни одно из этих основных понятий (категорий?) не может существовать, не затрагивая тотчас (эксплицитно или имплицитно) три другие. Проще говоря: с *действием.* Это не мешает нам прежде изучить каждое понятие в отдельности.

Время и пространство обладают в нашем восприятии некоторым сходством, но также и существенным различием: образно говоря, я бы представил пространство как поверхность, а время — как прямую с заданным направлением. У нас есть стойкая *иллюзия*, что в пространстве всегда можно вернуться назад, и более того, что мы в некотором смысле хозяева пространства, в то время как у времени *одностороннее движение* и мы подчиняемся ему, мы у него в рабстве.

Наше представление «настоящего» в первую очередь пространственное, а не временно́е. Идея времени составляет, несомненно, ключевую проблему всей современной философии (а менее явным образом — и всей античной), но у меня такое впечатление, словно большинство философов ходят вокруг да около, но не берутся за вопрос прямо. Бергсон с его реальной длительностью и Эйнштейн с его теорией относительности сделали большой шаг вперед, но только шаг. Я задаюсь вопросом, сможем ли мы (*sic*) когда-нибудь разгадать загадку. Здесь нужно откровение...

Ежедневный быт: накинуть пальто, поздороваться со знакомыми, перекинуться с друзьями парой слов, пропустить кружечку пива — все это лишь слепок банальной реальности, но именно этого мне так здесь не хватает[82].

5 октября. — Воскресенье, свежо, хочется есть. Кормят все хуже и хуже: кофе уже без сахара, пайку хлеба сократили, а на «гарнир» всегда одно и то же: колбаса (в количестве трех ломтиков!). Только изредка обменивают книги. К счастью, мне позволены «посещения»[83].

Этой ночью — череда снов, три из которых образуют единое целое, несмотря на довольно продолжительные перерывы (от 30 до 60 минут).

1) Красивый горный пейзаж, снежные вершины. Я взбираюсь наверх за Ирен и Эвелин: вместе мы пересекаем прекрасную местность.

2) В том же месте (только один). Меня принимают у себя дядя Саша и тетя Паша, которые живут в маленьком, очень уютном домике. Много разной еды. Но, несмотря на уговоры хозяев, я не остаюсь у них: должен вернуться в Париж (или Тарту?). Прибываю на вокзал точно к поезду.

3) В поезде. Несколько остановок вместе со мной едет мать. Встречаю знакомых. Паспортный контроль. У меня нет документов, но я как-то выкручиваюсь. Прибытие. В общем — единство времени и места.

Ближе к утру — четвертый сон: тюрьма и т.д. Беседа с какой-то молодой женщиной, неприметной и *незнакомой*, но я припоминаю, что уже встречал ее (смутное чувство, что уже видел ее во сне при сходных обстоятельствах, это чувство проникает в пространство между сном и пробуждением). Ничего сексуального.

Я начинаю припоминать, что в детстве уже видел повторяющиеся сны: Страсти Христовы, где в конце меня самого распинали. Думаю, это продолжалось несколько ночей.

В тюремной жизни сновидение является важным компенсаторным фактором. Вот где стоит исследовать подсознательное. Без снов и чтения заключенные стали бы легкой жертвой безумия. Цель сновидений – поддерживать естественное равновесие ума.

7 октября. – Получил много еды, часть которой (это уже традиция) отправляю соседу. Если существует божественное правосудие, то мне многое простится за моего соседа (но не за еду). Читаю «Истоки Европы» Кристофера Даусона[84]. Забавно сравнивать его с Сеньобосом. У каждого своя «правда». Европейская цивилизация по-прежнему остается привилегией элиты, тонкой прослойки на поверхности массы. Но может статься, что именно она, в конечном счете, и имеет значение.

Интеллектуальная цивилизация непропорциональна материальной. Последняя, кстати, так же вычурна и непостоянна, как и первая. Духовная же цивилизация остается по-прежнему в стороне от «прочих». Весь нынешний кризис (и все кризисы вообще) сводится к этому расхождению.

Этой ночью видел во сне Э. Головокружительная нежность. И ничего сексуального.

13 октября. – Болен уже несколько дней. Засорение желудка, жар и т.д. Сегодня, похоже, получше.

Читал «Нил» Морэ. Излишне эрудированно, на мой вкус[85].

Читал «Ты и я» Жеральди[86]. За исключением нескольких устаревших стихотворений, впечатление очень хорошее. Правдивая интонация. Может, это скорее по-обывательски, чем по-человечески, но обыватель тоже человек, в особенности европеец начала XX века. Через несколько десятков лет он, быть может, исчезнет и Жеральди будет совершенно забыт (полагаю, он уже утратил две трети своей известности).

У Сеньобоса хорошая книга. Но он был слишком оптимистичен. Как бы то ни было, Франция уже не та могучая держава. Наш единственный козырь – это литературная и художественная традиция. Живо представляю себе эту новую Европу, в которой Франции будет отведена роль производителя всяких штучек материальной и духовной роскоши. Восток даст хлеб, кто-то еще – машины, а немецкая армия обеспечит внутренний порядок и сохранность границ...

Вижу много снов, обнаруживаю в них множество подсознательных моментов, идущих из ранней юности, детства в Ястребино и тартуском лицее. Я вполне осознаю, какое большое влияние оказали эти воспоминания на мой характер.

Читал сегодня «Зольдат им Вестерн» за 11 октября. Они пишут, что русские в отчаянном положении. Готовность отдать жизнь (восточное количество) не так много значит против техники и организаторского духа. Во сколько миллионов жизней обойдется эта война?

16 октября. – Вчера получил «Древнюю Персию» Гюара[87], «Ла Смэн» и «Л'Ёвр». Последний читал без неприязни, сделано, как всегда, хорошо и, как всегда, неверно. «Ла Смэн» становится слабовата. С Фаррером в рубрике... «из Французской академии». Французская академия, несомненно, – часть национального позора Франции. Нам-то наплевать, мы пре-

красно понимаем, чего в литературе стоят эти фарреры и таро, но за границей и в народе заголовок «из Французской академии» производит сильное впечатление на приличных людей. И те немногие «настоящие», как Валери, как Бергсон, Дюамель (?), тяжело грешат против Истины, соглашаясь туда вступать.

Я бы предпочел достойный детектив, чем этого Фаррера, у которого ни ума, ни наблюдательности, ни искренности, ни хорошего стиля — претенциозная гадость.

Хорошая погода. Солнышко. Как же я понимаю поклонников божественного светила! Только что съел лимон, фрукт солнечный по форме или по происхождению. Я приучился нюхать виноград, груши, помидоры перед тем, как откусить. В обычной жизни мы не понимаем истинную цену «вещи в себе».

Тюрьма — это школа, обучение чувствительности.

17 октября. — [...] Получил «Мысли» Паскаля! Давно хотелось их иметь[88]. Самый великий француз, человек, превзошедший французский род: фанатизм вместо меры, отказ от рассудка вместо рационализма (гениальнейший математик, отрекшийся от научного смысла). Два века спустя жил Ницше — величайший из немцев, человек, превзошедший немецкий гений: философ, отказывающийся от «чистой» философии во имя жизни, профессор, отказывающийся от схематизма во имя поэзии... И судьбы их схожи (у Паскаля не такая тяжелая).

С необычайной силой ощутил присутствие Ирен. Реальное присутствие. Знаю, что она думает обо мне так же много. Наша любовь не связана с материальным миром, она превыше сча-

стья... Как подумаю о волшебной случайности нашей встречи...[89] У нас был ничтожно малый шанс повстречаться:

Et que c'est long le temps, et que c'est grand le monde,
Et que nous aurions pu ne pas nous rencontrer.
*(P. Géraldy)**

Эта встреча – величайшее событие моей жизни, решающий переворот. Предательство себя и своей судьбы? Скорее, я верю, что мой брак был по-настоящему «schicksalhaft»**.

Я не раскаиваюсь в том, что заставил Ирен страдать: страдания, даже отчаяние драгоценнее счастья. Самое главное, в чем я виноват перед ней, это что не привлек ее к своей деятельности, не подверг опасности. Надеюсь, она меня простит[90].

20 октября. – Бессмертие души. Как согласиться с тем, что каждый человек имеет право на бессмертие? Достаточно взглянуть на большинство людей, чтобы в этом усомниться. Я не обязательно имею в виду какие-то пороки и низости, но простое отсутствие всякого «метафизического» беспокойства (слово не точное, но за неимением лучшего...).

Следует ли предположить, что лишь некоторые избранные души принадлежат вечности? Более простое и оптимистичное решение (и более человечное в каком-то смысле) – это переселение душ. В этом случае появляется возможность охватить в единой системе и животных (которые ценятся вполо-

* И потому, что время долго, и потому, что мир велик,
И потому, что мы могли никогда не повстречаться.
(*П. Жеральди*)

** Schicksalhaft – зд.: судьбоносный (*нем.*).

вину «дешевле» людей), и святых. Вот в чем Индия ближе к истине, чем христианская Церковь.

«Не ангел и не зверь!»* А что, если *и* ангел, *и* зверь? Всю жизнь я становился то одним, то другим. «Кто хочет стать ангелом...», что же сказать о тех, кто хочет стать зверем? Истинное положение человека — непрерывное колебание между тем и этим. Люди заурядные цепляются где-то посередине, но те, кто не боится *головокружения*... Они погибают, а потом?

В сущности, Паскаль утверждает религию на морали (которая была порождена религией). Для него добродетель очевидна, это аксиома. Понимаю, почему некие бдительные монахи (?) причислили его к атеистам[91].

21 октября. — Этой ночью несколько мгновений озарения, ясности, вечности...

Получил грамматику санскрита. Милая Ирен.

Приходил прокурор, чтобы «познакомиться со мной»[92]. Пообещал, что мне не сносить головы. Никакого впечатления. Позднее, размышляя над этим, я был поражен собственным бесстрастием. Не то чтобы я сомневался в серьезности его слов, как раз напротив. Просто мне это не представляется таким уж важным. И все-таки я люблю жизнь. Господи, как я ее люблю! Но я не боюсь умереть. Быть расстрелянным — в каком-то смысле логичное завершение моей жизни. Кончить с блеском. Каждый кончает с жизнью по-своему.

* Ср. у Паскаля: «Человек не ангел и не животное, и несчастье его в том, что чем больше он стремится уподобиться ангелу, тем больше превращается в животное» (Мысли. VI, фр. 358/ Пер. Э. Линецкой. Цит по: *Паскаль Б.* Мысли. М., 1999).

Ирен наняла мне адвоката: не вижу в нем пользы. Но пусть будет как забава[93].

Справедливостъ и любовъ. Идея справедливости, тысячелетняя идея, источник всей нашей цивилизации (до христианства), настолько прочно утвердилась в нас, что мешает пониманию откровения религии любви. Паскаль ненавидит человека (ненавистное «я» и т.д.), потому что тот не кажется ему достойным любви. Это *справедливо* – его ненавидеть, а Бога одного любить и т.д. Позднее Ницше будет бояться задохнуться от нежности к человеку, недостойному этого. Он ищет сверхчеловека, который будет достоин быть любимым (Паскаль отрекается от человека ради Бога, Ницше отречется от Бога ради человека, но идея справедливости присуща обоим). Но что в любви действительно чудесно, так это отсутствие и ненужность всякого оправдания. Когда же любовь справедлива – это уже не чудо и, стало быть, речи нет о любви.

Нет заслуги в том, чтобы любить Бога, если презираешь человека и земную жизнь; становится естественным любить человека, когда больше нет богов. Любовь больше: «люби врага» не означает «люби того, кто считает тебя своим врагом», но «люби того, кого *ты* считаешь своим врагом». На первый взгляд, это парадокс или абсурд, но это единственно правильное толкование евангельского слова (думаю, Ницше подошел к пониманию этого). Можно презирать и даже убить, любя при этом (подумать над «Тюремной балладой» Оскара Уайльда...), это по преимуществу дар великих поэтов[94]. И можно любить жизнь настолько, чтобы принять смерть с улыбкой. Это улыбка Будды.

Я не умею ненавидеть (из-за гордости), но умею презирать. И я учусь любить – еще плохо, неуклюже, – у меня есть предчувствие настоящей любви, той, что, возможно, и есть смерть.

23 октября. — «Молитва о больных» Паскаля[95]. Его гордость находит удовлетворение в смирении. Паскаль выбирает своего Бога? Он практически диктует Ему отношение к больному. У него, разумеется, была вера, но недостало любви. В особенности из-за морали. Мораль — злейший враг любви.

Человеческий разум вмещает совсем немного, но только размышляя приходишь к такому выводу. Сократ *знал*, что ничего не знает и т.д. Нам не выйти из порочного круга. Однако разум — не единственный источник познания. Есть вера, которая является волевым актом. У имеющих веру нет больше сомнений... В действительности этого почти никогда не происходит, и даже те, кто верит очень просто и искренне, трепещут перед лицом смерти и т.д. (Случаются и исключения, как, например, кончина моей бабушки или как ранние христиане, первые мусульмане, нынешние японцы.) Есть некая *интуиция*, дающая обычно очень смутное и нуждающееся в подтверждении представление, и есть, наконец, *любовь*, чудеснейший источник совершенного знания. Кажется, бл. Августин сказал: *«Ama et fac quod vis»*. Не так важно, что мы любим (совершенная любовь охватывает все, но даже самая жалкая и бедная любовь несет печать божественности), это прежде всего *душевное состояние*. Любовь не может быть безнравственной, поскольку она превосходит нравственность. Понять значит простить — не вполне верно. Понять — значит стать причастным.

Любовь заставляет страдать, всякое новое познание — это новое страдание. Но муки любви драгоценнее блаженств (?) веры.

Надежда не имеет к любви никакого отношения. Скорее, отчаяние. Познавший любовь способен понять отчаяние. И наоборот.

24 октября. – Ирен не пришла. Тревога, подавленность. Плохо представляю себе, что могло помешать ей. Я так привык к этим передачам по вторникам и пятницам, и все же всякий раз говорю себе: есть столько причин, чтобы ей не прийти. Но регулярность этих чудес меня избаловала.

Я дописывал предложение, когда охранник принес мне передачу! С папиной книжкой и лакомствами. Похоже, что приходивший только что «унтер» (Великая чернота), отослал обратно часть еды. Важен не факт, а само побуждение.

Размышлял этой ночью о смерти. Это своего рода внутренний диалог, развернутый между двумя «я», каждое из которых настоящее. Затруднительно дать им точное определение, я просто назвал их «Я-1» и «Я-2».

Я-1. – Итак, милый друг, необходимо серьезно рассмотреть вероятность смертного приговора.

Я-2. – Нет, нет. Не хочу. Вся моя плоть протестует, она хочет жить. Давай как-нибудь вывернемся, защитимся, попытаемся бежать, только не смерть.

Я-1. – Полно! Ты говоришь несерьезно, неужели ты действительно так ценишь жизнь?

Я-2. – А ты? Только честно!

Я-1. – Инстинкт силен, но я умею рассуждать и заставлять повиноваться мое животное начало.

Я-2. – Животное начало? С каких это пор ты стал относиться к нему с таким пренебрежением? Скажи, тебе разве не доставляет удовольствия хороший обед, например? Ты только подумай: приступить к дюжине устриц из Маренны,

а к ним взять прохладного Пуйи, на редкость сухого и терпкого, этого «строгого» вина, если можно так сказать. А потом голубой форели с таким нежным мясом, что поневоле вспоминаешь про закон о растлении малолетних. Или хочешь золотистого мерлана, словно луч солнца в воде? Или, может быть, буйабес*, настоящий, знаешь, какой ты едал в Марселе в Старом порту, вовсю пахнущий морем, водорослями, баркой и еще раз морем, этим первоисточником жизни? А? Затем, сударь, что прикажете подать? Мяса с кровью, кусок плоти, сырой, крепкой, красной, изысканной в своей грубости? Или простого добропорядочного кролика с горчицей? А может, цыпленка деми-дёй**, лионское кушанье от матушки Фийу, помнишь?

А чтобы все это запить, попросим-ка хорошенько нам согреть старого доброго Шамбертэна 1916 года (того самого, что еще можно найти у Хутера в Каркассоне), или бутылочку Нюи-Кай, или классического Поммара 1926 года, в общем, одно из тех созданных из самой солнечной крови вин, которые вас согревают, вас возводят постепенно в солнечную область блаженного состояния безопасности, благожелательности, которые наполняют вас чувством благодарности к жизни и ко всему миру. Остальное допьем под сыр, дивно нежный и покрытый плесенью – как проза Оскара Уайльда (прости за нелепую чушь).

Не хочешь десерт? Ладно, возьмем настоящий крепкий горький кофе с экзотическим ароматом, навевающим мысли о караванах бедуинов, стихах Гумилева и о твоей юности в Берлине... единственная роскошь, доступная бедным интеллигентам, полным мечтаний, жаждущим жизни и счастливым, несмотря на нищету и *Weltschmerz*...*** И, конечно же, коньяк

* Буйабес – похлебка из различных сортов рыбы с чесноком и пряностями, блюдо юга Франции.

** Demi-deuil – «полутраур», блюдо в белом соусе с трюфелями (*фр.*).

*** Weltschmerz – мировая скорбь (*нем.*).

«Бисквит» 1870 года (или это был 1878-й?) в бокалах с широким дном и сужающихся кверху — берешь его в обе ладони, согреваешь, делаешь маленький глоток, ощущаешь легкое-легкое опьянение, разглядываешь его на просвет: сгусток жидкого солнца.

Хочешь египетскую «Абдулла» или тебе вершину сверхкультуры — «Голуаз»? Огня? Держи. Какая простая штука, спичка, и какая удивительная... Тебе ведь нравится этот обряд курения, не правда ли? И дым, который играючи свивается спиралью, развивается и бесследно исчезает, неуловимый как сама жизнь, как ты любил говорить.

25 октября

Я-1. — Мой бедный друг, ты пытаешься настроиться на поэтичный лад, впрочем в весьма посредственном вкусе, чтобы живописать радости застолья. Это умственное расстройство, вызванное шестимесячным заключением. Но вещи все хорошие, признаю. И все же тебе не стоило подавать мне целый обед, когда голоден — и тюремная похлебка в радость. Пить и есть со вкусом, конечно, нужно, но не будем преувеличивать. Да, я любил благородные вина и вкусные блюда, но не настолько, чтобы они занимали все мои мысли. Я думал о них, садясь за стол, и забывал, вставая. Нет, о них я бы не стал сожалеть. К тому же я этим вполне насладился. Если начать злоупотреблять, наживешь больной желудок и подагру. Просто ты совсем изголодался здесь, в тюрьме, и оттого думаешь об этом с такой силой. То же самое и с табаком — мне его недостает, но не будем считать это вопросом жизни или смерти.

Я-2. — Но разве от интеллектуальных удовольствий ты откажешься с такой же легкостью? Подумай о тех книгах, которые ты хотел прочесть и уже никогда не прочтешь, о путешествиях, которых никогда не совершишь, открытиях в языках,

которые ты мог бы сделать, о полотнах, которых никогда не увидишь вновь (а ты помнишь, каким откровением была для тебя живопись на выставке итальянского искусства[96]); ты больше никогда не увидишь ни Боттичеллиевой Венеры, ни солнца у Гогена, ни людей Родена.

26 октября

Я-1. – Да, прекрасные вещи, но ты позабыл самую прекрасную – музыку. О, я отлично знаю, что ничего в ней не смыслю, но это не мешает мне любить ее. Не все, но есть отрывки, которые меня словно переворачивают, заставляют дрожать от волнения, которые приоткрывают передо мной иррациональную область реальности. Я имею в виду Моцарта, Бетховена и еще вступление «Хованщины» Мусоргского – вещь бесконечной нежности и прозрачности, которая все приемлет, все оправдывает, даже смерть, и не скорбит, а торжествует, растворяясь где-то в Нирване.

Это самое нематериальное и неопределимое искусство, создающее не переживания, а душевные состояния. Собственно, в музыке я люблю посвящение в тайну смерти.

Но разве я уже не достаточно посвящен? Что же дальше?

Путешествия? Да, вот бы мне еще раз увидать перед собой бескрайний простор моря, услышать шум волн, опуститься на землю в лесу и сквозь ветви следить за облаками, взобраться на вершину горы и взглянуть перед собой с высоты этого чистого одиночества на снежные вершины и темные лощины и на зеленеющую вдалеке долину, где едва виднеются люди...

Трудно, очень трудно от всего этого отказаться. Не от путешествий, а от природы. Но и этим я насладился. Помнишь, как, стоя над Грассом, я любовался радующим глаз видом на милые тихие деревушки с черепичными крышами (а как цвели мимозы!) и на Каннский залив, такого теплого сине-сиреневого цвета в тот предвечерний час. Я говорил себе: может,

я всего этого больше никогда и не увижу, но я всегда буду помнить об этой красоте и о том, что сейчас думаю. И я не забыл. Как не забыл дюны Пилы, или розовые скалы острова Бреа, или отвесную гору де ла Дан д'Орлю, или ветер в парусах на Чудском озере...

Надеюсь, что если меня расстреляют, то не в подвале, а на свежем воздухе, в чистом поле при свете розовой зари. И я знаю, что это последнее общение с природой по силе будет стоить и долгих лет, и дальних странствий.

Книги, которые я мог бы прочесть? Будем откровенны: с возрастом круг чтения все больше смещается в сторону *случайных* книг (сюда я отношу и все научные издания). Несколько глав от Матфея, несколько мыслей Паскаля, отрывки из Ницше, немного Толстого, Жида, два-три стихотворения — таков итог моего чтения, если быть предельно откровенным. Есть, разумеется, немало вещей, которые мне хотелось бы прочитать или перечесть, но зачем непременно допивать до последней капли? Или ты и вправду рассчитываешь, что я натолкнусь там на откровение? Или полагаешь, что моя, мне одному предназначенная истина сокрыта в книге другого?

Я-2. — А как же те книги, которые ты сам мог бы написать?

Я-1. — Подумаешь! В юности был какой-то талант, но мне не хватило ни простодушия, чтобы воссоздать мир, ни глубины, чтобы объяснить его. Да и сейчас, если бы даже нашлось что сказать, — зачем? Я не честолюбив (возможно, из-за того, что слишком горд) и не жажду славы. И что ты хочешь, чтобы я сказал людям, какую новую стоящую правду? Людям не нужна моя правда.

Я-2. — Да, поговорим о людях. На них тебе тоже наплевать, а? А как же друзья, родители? А Франция? Прости, если мой

вопрос покажется тебе смешным, просто непременно найдутся люди, которые прицепят тебе ярлык «пал за Францию».

27 октября

Я-1. — Ничего смешного. Может, и не за что, но я люблю Францию. Люблю эту красивую страну, люблю ее народ. Да, я знаю, насколько он мелочен, эгоистичен, прогнил политически, что он заложник своей былой славы, но и во всех этих грехах он остается бесконечно человечным и ни за что не поступится величием и немощью человеческими. Зачем вообще пытаться искать объяснений — признаем, что моя любовь к Франции это то, что Гёте называет «die Wahlverwandtschaft»*. Я не верю в ее полный упадок, хотя и предвижу долгие годы растерянности, обмана, малодушия. И для того чтобы истинная Франция могла однажды воскреснуть, нужны жертвы. Поверь, напрасных жертв не бывает.

У меня есть родители, и я глубоко к ним привязан, есть друзья. Поэтому я еще долго останусь жив в их памяти. Или ты хочешь пережить дорогих тебе людей и наблюдать, как они один за другим уходят? Ведь всякий раз это немного и твоя смерть. Получается как в истории про хозяина, который хвост псу рубил по кусочкам — из жалости!

Нет, я не издеваюсь над людьми. Ох, долго же это тянулось, но я научился их любить! Нередко я презираю их, ничего не поделаешь, но и презирая, я все же их люблю. И я никогда не руководствовался ненавистью (а жаль, мне недостает такого жизненного опыта), я на такое совершенно не способен; может, тоже из-за презрения. Если же начистоту, то я прекрасно обхожусь без людей. Одиночество никогда меня не тяготило. И потом, ты же знаешь: мы рождаемся и умираем в одиночку.

Я-2. — А жена?

* Wahlverwandtschaft — родство душ (*нем.*).

28 октября

Я-1. – Да, вот это действительно сильный удар... Я знаю, что мне от нее не оторваться. Но не думаешь ли ты, что эта любовь улетучится вместе с жизнью? Если так, то жизнь не стоила бы того, чтобы жить. Но успокойся: любовь это единственная доступная нам в мире сем реальность, она более реальна, чем жизнь и смерть.

Я-2. – Вижу, у тебя нет недостатка в ответах и находчивых доводах. Итак, ты полагаешь, что вправе покинуть эту столь любимую тобой землю без лишних сожалений и даже рассчитываешь на какие-то преимущества? Сколько ни пытайся, ты меня ничуть не убедил. Я знаю, что теряю, но не вижу, что нахожу. Не хочу подозревать тебя в лукавстве, но не пытаешься ли ты выставить зло благом?

Я-1. – Да если бы и так? Судьба подобна венцу – надо уметь носить ее. И перестань себя обманывать. Теперь мой черед. Пора напомнить тебе тебя самого. Слушай хорошенько.

29 октября. – Становится холодно и сыро. Дни коротки, света не дают. Учусь спать по двенадцать часов и больше. Вижу много снов. Люди в них – собирательные образы. Вчера получил мемуары Мадам де Лафайет. Меня это развлекло. Вот уже четыре дня мучительно пишу свой диалог. Мучительно, потому что руки замерзают, и потому, что нужно экономить бумагу, и потому, что нет сигарет, и особенно потому, что сложно не впасть в литературность. Я вначале не удержался. Мне нельзя писать помногу сразу, нельзя этим увлекаться. И все же я отчетливо вижу то, что хочу выразить в словах, это очень просто, несмотря на противоречивые чувства.

Эти дни читал папину книжку и восхищался ее блеском и простотой[97]. Только он немного перегружает повествователь-

ную сторону деталями и именами собственными (дух школы Хартий?). Я отлично понимаю, что изучение истории может быть увлекательным, однако историку трудно быть оптимистом.

30 октября. — Холодно. Темно. На улице дует настоящий осенний ветер — один из тех ветров, которые я так любил (почему «любил»?.. люблю и сейчас. Говорю о себе, как о покойнике, это преждевременно). Время от времени где-то, кажется подо мной, кто-то рыдает — подолгу, безнадежно. Судя по голосу, кто-то очень молодой, но мне плохо слышно. Тюрьма — страшная вещь (не для меня, но я все-таки понимаю). Ей нет оправдания.

Сегодня закончил два учебника по греческому (грамматику и упражнения). Какой прекрасный язык! Мой словарный запас еще очень беден, но я надеюсь, что уловил дух языка и смогу (со словарем) добраться до конца любого текста. Я потратил на это ровно восемь недель, занимаясь, в среднем, по два с половиной — три часа в день. И испытываю от этого самолюбивое удовлетворение. Честолюбие. То самое, что толкает меня решать шахматные и бриджевые задачи в «Ла Жерб» (но чаще всего я застреваю на кроссвордах), чтобы доказать себе, что серое вещество еще работает. Геометрический склад ума.

Я-1. — Тебе тридцать три. Прекрасный возраст для смерти. Христос умер в эти годы и Александр Македонский. Пушкин был застрелен в тридцать шесть, Есенин покончил с собой в тридцать. Не то чтобы я хотел сравнивать тебя с ними, просто показать тебе, что и другие окончили жизнь в твои годы, исполнили свою миссию. У тебя не было миссии, но и тебе следовало «исполнить» свою жизнь, осуществить ее смысл. И я уверен, что ты сделал это и что тебе нечего добавить к

жизни. Известно ли тебе, в чем смысл твоей жизни? Оглянись назад, ты увидишь, что твоим становлением было твое очеловечивание.

Удивлен? Тогда напомню тебе немного твое прошлое. Ты был слишком умным, слишком бесстрашным и слишком чувствительным юношей. Такие никогда не останавливаются на полпути. Ты мог покончить с собой, как сделал твой друг Кутт или как Орлов; мог уйти в монастырь, как Иртель. Или же стать алкоголиком, как Каучус. Но ты избрал четвертый путь: ты стал чудовищем. В 17 ты замыкаешься в своем неподражаемом безразличии. Ты еще сохраняешь интерес к жизни, забавляешься, но все это поверхностно, ты никого не любишь, ни жизнь, ни себя самого, и ничто не принимаешь всерьез. И мир и жизнь ты считаешь довольно занятной игрой, пусть так, но не более. И в этом нет позы, ты искренен. Помнишь 1927-й? Как ты чуть не погиб в бурю на Чудском озере, один ночью, в прогулочной лодчонке. Ты был уверен, что обречен, и веселился по-царски, и, противясь волнам, ты хохотал от сознания своего превосходства над бурей, бросая вызов смерти. Ты поклялся сделать из жизни веселую игру, прихотливую, опасную, трудную. Да, ты стал почти совершенным чудовищем в своем безразличии, и если ты не был счастлив, то был, по крайней мере, неуязвим.

31 октября. — Этой ночью мне снилось, что я побывал на поле битвы между Мэш и Шаркемоном, там, где мы похоронили Девайи, Гастина, Коля[98]. Я разыскал только два креста, сколоченных из ящиков из-под снарядов. На одном я прочел: Микаэль Девай (почему-то, вместо Мишель Девайи); на другом же — впрочем, без особого удивления — свое собственное имя.

Мишелю было двадцать восемь. Красивый, веселый парень, полный жизни, хороший товарищ. Когда ему случалось вы-

пить, он начинал петь, и довольно неплохо, арии из опер и оперетт, особенно «Фигаро тут, Фигаро там...». Мы вместе ездили в последний отпуск. Уезжая из Парижа, я познакомился с его родителями — он был единственный сын — и с пришедшей на вокзал его молодой красивой женой. Она держала на руках их малыша. Долго она махала платком, стоя в толпе таких же покинутых на сером вокзальном перроне. Мне запомнилась фраза, которую он произнес, отрываясь от окна: «Ну вот, запаслись счастьем еще на три месяца». Оказалось, не на три месяца, мой бедный Мишель, оказалось, навсегда. Он умер счастливо, мгновенно: одна пуля в сердце, другая в голову.

Получил сегодня стихи Валери и «Das Wesen des Christentums» Гарнака[99]. Пару теплых перчаток, немного потертых, но еще хороших, прошедших со мной всю кампанию 39–40-го — сколько воспоминаний. И шарф из заброшенного домика в деревушке Соммет, что в четырех километрах от Пьерфонтена. Тоже верный спутник.

Вчера меняли книги (чего не делали уже около шести недель)[100]. Я взял канадский роман «Уайтоуки из Джалны» Мазо да Ла Рош[101]. Не шедевр, но я нахожу большое удовольствие в такого рода качественных англосаксонских романах. Поэтичный, но не бесплотный реализм. Французская литература, кроме редких счастливых исключений, слишком литературна. Искусство утонченно роскошное (таков Жироду, которым я восхищаюсь), но утратившее простоту. Элитарное.

А я видел колбасника, рыдавшего над кончиной Манон Леско, да и роман «Война и мир» доступен простому мужику. Но ни Клодель, ни Мальро, ни Монтерлан, ни даже Жионо. Это не упрек. Цивилизация всегда затрагивает только самый узкий круг; становясь же достоянием масс, она обесценивается.

Слишком темно, чтобы продолжать...

1 ноября

Я-1. – В последующие годы ты узнал две новых вещи: вечность и дружбу. Редкие и краткие мгновенья – как молния, – в которые ты познавал «вечную жизнь» (я использую твое выражение за неимением более подходящих слов), только усилили твое безразличие к жизни земной. Сама игра несколько утратила свою легкую прелесть. Дружба лишь усугубляла одиночество, твои друзья (я имею в виду Альфа, Вернера) были тебе только попутчиками, с которыми идешь до первого поворота, а там остаешься снова один. Впрочем, для друзей ты был слишком прямым, слишком непроницаемым. Ничего нет ясней и совершенней, чем безразличие. Узнаешь себя в этом чудовище?

Я-2. – Я не очень люблю слово «чудовище». Не будем преувеличивать. И почему ты не хочешь признавать значения этого безразличия? Если оно и не давало мне счастья, то по меньшей мере избавляло от страданий. Я не очень-то ценил жизнь, и потому мог легко и свободно наслаждаться всем и вся. Я порой жалею об этом состоянии.

Я-1. – А я нет. Да и что толку сожалеть. В один прекрасный день роскошное здание твоего безразличия рухнуло. Началось все со знакомства с твоей женой. Вначале ты не осознавал опасности, затем захотел дать задний ход, но было уже поздно, брешь была слишком велика. Все же ты еще несколько лет сражался, прежде чем признал свое поражение. И лишь совсем недавно ты понял, что это поражение было победой.

Я-2. – Да... У меня было такое чувство, словно, соединяя наши жизни, я предаю самого себя; я терял свое будущее дикаря-одиночки... Но это было сильней меня: отныне я ощущал в себе человеческую душу.

2 ноября

Я-1. – Именно, и в этом суть твоего превращения. Не стану вдаваться в подробности: ты и сам знаешь, как все человеческие чувства постепенно просочились к тебе в душу. Ты узнал стыд, раскаяние, любовь к самому себе... Но прежде всего – ты познал любовь. Ты сам не осознавал, как мало-помалу стал привязываться к людям, к жизни: ты их полюбил.

Я-2. – Да, не осознавал. Я и сам нередко удивлялся. Когда я впервые по возвращении в Париж увидал немецких солдат, то острая физическая боль в сердце была мне знаком того, как же я люблю Париж и Францию. Но только теперь, в тюрьме, я смог немного яснее увидеть то, что есть во мне, и открыть ту любовь, о которой ты говоришь.

Я-1. – Помнишь, как ты сказал на похоронах товарищей, погибших там, под Мэш: «Настанет день, когда мы, быть может, позавидуем их смерти»? Ну что, теперь завидуешь? Хотел бы ты умереть как они – не имея времени на страдание и страх? Скажи откровенно.

Я-2. – Нет, я ни за что не хотел бы этого лишиться. Я понял, чем может быть любовь. Правда, я страдал в тюрьме, но мне ведь всегда нравилось искать самое трудное. Зачем желать легкой смерти? Я достаточно гордый человек.

Я-1. – Вот в чем мы вполне согласны. Ты понял любовь и полюбил. О, твоя любовь еще довольно бедна и жалка, но все же она того же божественного происхождения, что и самая совершенная, та любовь, которую можно найти лишь в смерти. И ты полагаешь, что сможешь научиться чему-нибудь еще, даже если проживешь еще пятьдесят лет? Никогда тебе не стать богаче и свободней, чем теперь. Понимаешь, в чем суть? Ты не раз мог умереть, случаев было предостаточно. Но это была бы слишком легкая смерть. Что стоит безразличному

человеку расстаться с жизнью? Но ты всегда выбираешь борьбу, победу или поражение.

Итак, сейчас, по-моему, самый подходящий момент. Ты полон сил, ты любишь жизнь со всем пылом неофита, со всей алчностью и свежестью молодости. Или ты думаешь, что сможешь вечно сохранять любовь невредимой?.. Или тебе нравится присутствовать при собственном закате, медленно и незаметно угасать, ни о чем уже не жалея, и в последнюю минуту вдруг осознать, что ты давно уже умер?

Я-2. – Ты все-таки полон парадоксов. Для чего было убеждать меня примириться со смертью, если ты видишь благо именно в том, чтобы я привязался к жизни? Или ты ищешь способ, как облегчить мне смерть?

Я-1. – О, об этом я совершенно не беспокоюсь. Если ты меня слушаешь и охотно принимаешь конец, то тогда уже я не согласен. Ведь, в конечном счете, я это ты, а ты это я. И чем больше доводов в пользу смерти я нахожу, тем сильнее я привязываюсь к жизни, отчего моя гордость получает новый заряд и снова толкает меня к смерти.

Будь я христианином, имей веру... Но это было бы слишком просто. Я ничего не знаю о том, что за гробом. У меня одни сомненья. Все же вечная жизнь существует. Или это мой страх перед небытием заставляет меня верить в вечность? Но небытия же нет. Ты как думаешь?

Я-2. – Я знаю только одно: я люблю жизнь.

Я-1. – Значит, любовь существует. Остальное не так важно. Если же существует смерть, то она не что иное, как любовь.

4 ноября. – Видел сегодня Ирен. Через двойную решетку, через проход, в котором находился переводчик. Как звери в

клетке... Но я не сказал этого Ирен. Чувство покоя и глубины. Простые, лишенные пафоса слова, улыбки. Возможно, это немного игра в прятки, где каждый знает и знает, что другой тоже знает, но все равно ничего не показывает. Не помню, о чем мы говорили (четверть часа), это и не важно. Знаю, о чем промолчали (так, кажется, говорится по-французски). В камеру я вернулся по обыкновению спокойным. Но весь словно согретый чудесным солнцем любви. Как возвращение к источнику жизни.

Получил Бодлера и «Великих мыслителей Индии» Швейцера[102].

Позавчера закончил свой «диалог». Не перечитывая знаю, что получилось не вполне *то*. Слишком драматизировано. Но главное есть. Некий символ веры и духовная автобиография.

Валери. Местами *слишком* совершенен. Но есть у него одна вещь, «Дружеская роща»[103], которая загадочным образом задевает меня за самое живое. Еще люблю у него «Морское кладбище», но его — знаю за что.

В поэзии я пока остаюсь иностранцем. Шокирован принятой условностью произношения. Не могу отделаться от ощущения искусственности.

Гарнак. Обезоруживающе простодушная безвкусица. Детская книжка, написанная посредственностью по имени «Herr Professor»[104]. Однако на этом примере я понял всю «современную», т.е. начавшуюся с Возрождения, тенденцию: вместо того чтобы приспособить жизнь к религии, приспосабливают религию к жизни. Само по себе это можно оправдать, но зачем тогда рассуждать о религии, о Боге и т.д.?

Гарнак видит подтверждение учения Христа в морали. Мораль же – это злейший враг религии, в особенности религии любви. Она убивает любовь. Верно, что, начиная с апостола Павла, христианство приняло формы морали, и мы настолько пропитаны этой христианской моралью, что она кажется нам «естественной». Нередко бывает, что, одумавшись, мы возвращаемся от морали к религии. Но опыт показывает, что стоит начать искать себе оправдание в расхожей морали, как все катится к чертям.

Иисус окончил свой путь, дав откровение любви, и все же он открыл лишь часть того, что знал. Ему пришлось обратиться к иудейской вере, к пророкам (кстати, неверно превозносить религию Израиля... это значит судить о прошлом по будущему, а одно из другого не следует), более того, ему пришлось умереть на кресте, чтобы его дело не погибло окончательно. И вправду, людям удалось сохранить немного любви и передать ее из поколения в поколение – искаженной, скрытой в ритуале, связанной моралью, замаранной рассудком, но, несмотря ни на что, сохраняющей чудесным образом свою сущность, достаточно могущественную, чтобы воспламенять время от времени некоторые избранные сердца: как бл. Августин, Паскаль, Ницше.

Всеобъемлющая любовь должна любить смерть. Речь не идет о том, чтобы *победить* ее. Чего человечество никогда не смогло сделать, так это победить страх смерти, да еще... Однако тому, кто сумеет достичь такой нечеловеческой любви к жизни, охватывающей саму смерть, уже нечего побеждать и нечем быть побежденным. Но такая любовь *смертельна.*

За окном моей одиночки виднеется громадное белое пятно. Первый снег. Какой он, должно быть, красивый. Детство, лунный свет над декабрьским лесом.

7 ноября. – Сегодня не так холодно. Могу писать. Получил «От кланов к империям» (Морэ и Дави[105]) и два греческих текста: Ξενοφῶντος Οἰχονομιχός и Δημοσθένους 'Ολυνθιαχός*. Вместе с санскритом это займет утренние часы.

Открытие Бодлера. В русском прозаическом переводе он напоминает Достоевского.

Читал Швейцера. Ясная манера изложения, и самое главное дано, книгой легко пользоваться. К сожалению, Швейцер не ограничивается предоставлением фактов, а берется судить о них. Его критерий оценки (ему самому представляющийся очевидным и не нуждающимся в подтверждении!) это этика и христианская социальная этика. Отсюда его предвзятые и неверные идеи. Впрочем, он не одинок на этом ложном пути, почти никто из западных мыслителей так никогда и не смог преодолеть себя, чтобы оценить восточную мудрость (и наоборот?). Отрицание или утверждение мира – выражение, лишенное смысла (оно предполагает этику). Отречение от мира (материального) не есть его отрицание. Швейцер совершенно не признает духовного делания, духовного милосердия, которыми исполнено учение Будды и т.д. Важнейшее различие Востока и Запада заключается вот в чем: Восток видит человека внутри природы, задается всеобщими вопросами. Запад же решает преимущественно *человеческие* проблемы, противопоставляет человека природе (отсюда его социальная направленность=мораль). К тому же говорить о Востоке и Западе неверно, поскольку наша мысль происходит также с Востока.

Я бы выделил три основные религиозные учения: семитское, индийское, китайское (1. Мистическое и социальное.

*Ξενοφῶμντος Οἰχονομιχός – Ксенофонт, «Домострой» (*греч.*); Δημοσθένους 'Ολυνθιαχός – Демосфен, «Олинфская речь» (*греч.*).

2. Мистическое и индивидуальное, всеобщее. 3. Рациональное и индивидуальное).

Нет никаких сомнений в том, что Индия превосходит нас в области мысли.

Проблема спасение-религия-мудрец.

Проблема бытие-философия-философ.

9 ноября. — Снилась деревня: поля, леса, речки. И зима и лето одновременно (я бежал на лыжах по снежной лыжне посреди золотящихся с обеих сторон пшеничных полей).

Трудно писать, пальцы разбухли, суставы болят: сырость.

Скука, тревога, метафизическое беспокойство — человеческая привилегия. Животные не знают скуки; возможно, и (некоторые) люди тоже, например какие-нибудь восточные люди, умеющие загасить в себе всякую сознательную жизнь — и неравномерный расход низовой энергии (антропология).

Скука и время. Глубокий смысл скуки.

Работа и скука. Подлинная проблема еще не раскрыта. Подумать...

Думаю, суд надо мной состоится на этой неделе[106].

10 ноября. — Простуда, головная боль, жар.

Индийское учение: Бог сотворил мир *играя*; вселенная есть божественная игра. Можно выразить это иначе: Бог создал

мир *любя. Чистая* любовь (без жалости, без желания, без сострадания, и т.д.) это не что иное, как *радость* (а не счастье или блаженство). Таков же и главный принцип *чистой* игры.

Придя к познанию любви, стану ли я стремиться к познанию Бога или Богов? Очень маловероятно – в религиозном смысле слова. Впрочем, это не имеет значения.

11 ноября. – Видел во сне животных: лошадей и кошек (своих любимых). Болтал с ними. Проснулся свежим и бодрым, да еще и простуда прошла (возможно, благодаря вчерашнему героическому мытью с ног до головы ледяной водой).

Получил «Пророков Израиля» Глоца[107] и Марка Аврелия (с продолжением из Эпиктета). А еще лакомства. Милая Ирен.

12 ноября. – Еще одно письмо Ирен (третье из Френ), в котором я говорю о *всеобъемлющей* любви[108].

М.В. получил передачу из Красного Креста[109].

Как очень сильная гордость может привести к смирению (Паскаль), так и очень большое смирение может обернуться гордыней (Ницше).

Любовь Яхве к народу Израиля не есть настоящая любовь. Она морального порядка и зиждется на праведности избранного народа (пророки). Настоящая любовь (и этим она волшебна) – превыше морали и праведности. Без взаимности.

13 ноября. – К Ирен: Ваша любовь – награда и оправдание моей жизни. Будем признательны судьбе.

14 ноября. – Получил «Китайскую мысль» Гранэ[110] и «Цветы Зла». Вчера вечером хитростью добыл себе свет. Воспользовался им, чтобы почитать в постели «Мысли» Марка Аврелия. Пленительный и возвышенный стоицизм, но мне слишком хорошо известно, откуда он берется: пренебрежение земными радостями, благожелательное безразличие к людям. Строжайшие ограничения во всем, убийственная умеренность – и все ради того, чтобы справиться с сомнениями и болью. Обожествление морали. Глубоко печальная, но прекрасная в своем стремлении к тишине книга. Нетрудно догадаться, что, несмотря ни на что, Марк Аврелий все же боится смерти, он непрестанно возвращается к этой теме, чтобы убедить самого себя в том, что умереть – это естественно, неизбежно, необходимо для природы и, следовательно, хорошо и т.д. Похоже на систему Куэ*. Точно так же он пытается убедить себя в существовании богов.

Его мораль – очень чистая, социальная и совершенно не связана с его философией. Стремление к стабильности, неподвижности, и отсюда умеренность, смирение. Ср. с Екклезиастом или иудаизмом.

17 ноября. – Достоевский высоко ценил музыку, но (по словам жены) не выносил Моцарта. Этот факт позволяет понять сущность его страдающей, измученной, истерзанной натуры лучше, чем что бы то ни было написанное о нем. Они принадлежат двум противоположным полюсам человеческой

* Эмиль Куэ (1857–1926) – аптекарь из городка Турайте (Франция). Основываясь на своих практических наблюдениях, создал систему психотерапевтической помощи, которую назвал «школой самообладания путем сознательного самовнушения». В 1910 году открыл в Нанси клинику психотерапии. «Система Куэ» получила довольно широкое распространение в 20-х годах XX века.

4—352

природы. Один благодати, другой отчаянию (которое есть также некая благодать). Возможно ли воплотить в себе и то и другое? Вероятно, да (Христос, Ницше?). Но за это приходится дорого платить.

В обыденной жизни мне случалось быть очень (может быть, даже слишком) общительным. Однако одиночество не тяготит меня (а ведь большинство заключенных жестоко от него страдает). Значит ли это, что я внутренне богаче них? Скорее, что я всегда, даже в обществе, был словно один, так и появилась привычка. Стены камеры только укрепляют индивидуальность, которая замыкается на себе самой.

18 ноября. – Снова видел Ирен. Радость, нежность и волна ностальгии по жизни.

Получил «Месопотамию» Делапорта[111] и «Извещение Марии» Клоделя. Сигареты! Прочел в «О Пилори» гнусную заметку о Музее человека (где меня, среди прочих, обозвали ф.м.![112]). У меня даже не возникло возмущения; одно отвращение. Получил писчую бумагу!

21 ноября. – Получил «Исповедь» бл. Августина и номер «Синьаль»[113] с новеллой Хёрнера Клау. Сигарет нет (увы!).

Мигрень (все потому, что слишком подолгу лежу в постели: света не дают).

Вчера перечел Клоделя. У меня возникли иные чувства, чем при прошлом чтении три или четыре года назад. Разумеется, это прекрасно, но есть нечто, не знаю, как назвать – *непосредственность, простота* – чего ему недостает. Это из-за эрудиции, мистической, но все-таки эрудиции.

Сегодня пролистал «Спешащего человека» П. Морана[114]. Какая посредственность. Стиль отдает вульгарностью; здесь нужны тонкость и ум Жироду, чтобы позволить себе постоянную напряженность языка и не потерять его гибкости.

23 ноября. – Маленькие радости и горести бытия. Вчера у меня не было табака; сегодня с помощью охранника я одолжил у соседа четыре сигареты. Мой союзник дал мне еще две спички и, чтобы как-то меня развлечь, «Зеленый остров» П. Бенуа и «Твердую землю» Ж. Сармана[115].

Неплохой суп, но всего полмиски; хлебная пайка совсем маленькая. На улице идет дождь, и по стенам камеры струится вода. Переплеты книг заплесневели, как и мои ботинки. Зато не холодно. Нынешним утром с легким удовлетворением констатировал некоторые успехи в санскрите. Вот чем заполнено мое существование в надежде между жизнью и смертью!

Время от времени случаются приступы мучительной ностальгии. Честно говоря, я сам их провоцирую.

24 ноября. – Вчера не смог окончить фразы, сраженный чудовищным приступом жара (малярия?). Ночь была как «Северный полюс в Сахаре», то есть сперва я был весь ледяной и в ознобе, потом горячий, потный, задыхающийся, изнуренный жаждой (полжизни из оставшейся – а это совсем не много – за бутылку Хайдсика*, extra-dry, ледяного!). Я слышал, как у меня бьется сердце – в прямом смысле слова – ушами! Сейчас отступило, но осталась сильная слабость. Я разбит, как

* Heidsieck – марка французского шампанского.

после разгульной ночи... Занятно, что после этого жара у меня восстановилась подвижность пальцев: я снова могу их сгибать.

Все-таки люблю сильный жар.

(Продолжение вчерашнего) например, читая газеты (о кино, о театре) или романы. Особенно – воспоминания о природе. Чего мне больше всего недостает: солнца, моря, леса и ветра, особенно ветра. Мне необходимо испытывать эту ностальгию, чтобы тюрьма не возымела надо мной власти. Если бы только я поддался, то мог бы с легкостью совершенно избежать страданий – или впав в полное и непробиваемое безразличие, или уйдя от реальности в мир порождаемых воображением грез (покров Майи[116]).

26 ноября. – Получил вчера второй том бл. Августина. Сигарет нет.

Сегодня закончил читать «Исповедь». Бл. Августин – очень сильная личность, но его христианство идет от Ветхого Завета и от апостола Павла (только и считай цитаты...). А также у него сильно влияние греческой философии. Все грехи католицизма.

Вся история человеческой цивилизации помещается в двух словах: освобождение индивида. Один из самых интересных его аспектов: учение о бессмертии души. В древности бессмертие достигалось размножением (бессмертие рода, крови и т.д.) или через сохранение телесных останков (Египет).

Понятия *индивида* (независимого от семьи, племени и т.д.) представляется арийским достижением (Индия, а позже Греция). Именно этот эллинистический элемент отмечает пропасть между Ветхим и Новым Заветами.

27 ноября. – Сегодня у нас была прогулка. Погода хорошая, свежо, солнечно, ветер принес издалека запах дыма. Приступ ностальгии.

28 ноября. – Получил сигареты. Книжек нет, но у меня есть что перечитать. Перечитал Гранэ. Древний даосизм (Лао-цзы и Чжуан-цзы) подводит совсем близко к современному им буддизму и вообще к всеобъемлющей Любви. Следует заметить, что их «экстаз», их «мистический опыт» иллюстрирует мою теорию о том, что всякий мистический опыт по сути своей один и тот же: от шаманизма до христианской святости и от соития до самого возвышенного духа.

Человечество отказывается жить без мечты о золотом веке. Но полагать его можно как в прошлом, так и в будущем... Древние полагали его в прошлом, христиане – и в начале и в конце истории, Ницше – в будущем. Ницше, возможно, самый неевропейский (западный) из наших философов.

Мое уважение к Гранэ все растет. Это был великий человек. Ученый, помноженный на учителя[117].

30 ноября. – Этой ночью мне приснился сон; вернее, череда снов, разделенных пробуждениями, но сохраняющих между тем единство темы: туристическая поездка, т.е. так, как я люблю, без определенной цели, по воле прихоти или случая. Там было множество маленьких живописных деревушек, несколько старинных церквей, дивные пейзажи. Кончилось тем, что я заблудился в тесных улочках незнакомого городка, уже не зная названий ни улицы, ни гостиницы, в которой остановился (я даже не был уверен, что гостиница расположена в этом городе!). Все это меня это ужасно забавляло.

3 декабря. – Очень холодно, очень пасмурно. Получил вчера «Этику» Спинозы.

5 декабря. – Виделся с Ирен – всего несколько кратких мгновений. Хотя я и знаю заранее, когда она придет, все же всякий раз бываю взволнован этим, как чудом. Любовь по сути своей стоит выше всяких естественных законов, всяких доводов.

Получил второй том Спинозы, его «Этика» очень привлекательна; я всегда был исключительно восприимчив к элегантности геометрической мысли (в моей юношеской философии было многое от Спинозы, хотя сам я того не подозревал). В первую очередь из-за этого она неприложима к реальности, ведь в реальности нет ничего от математического строя, и живые существа это не цифры... Хотя слишком часто рассуждения Спинозы оборачиваются пустым суесловием. К тому же несложно доказать, что его понятия *полезного* или *совершенного* произвольны и т.д. Но в целом его «Этика» – произведение значительное, и если сам он находился под влиянием Декарта, то, в свою очередь, он вдохновил Канта (и Лейбница?). Если только Кант не прямо продолжает Декарта.

Мой «сосед» был только что неожиданно произведен в нестроевые*.

7 декабря. – «Мистический» опыт этой ночи. Если это и есть смерть, то она прекрасна!

10 декабря. – Вчера ничего съестного не было, зато получил «Parieserzeitung»: война между Японией и Соединенными Штатами. Вот это будет мясорубка.

* Смысл фразы непонятен.

Вчера вечером написал письмо Ирен. О любви[118].

Одиннадцать приговоренных к смертной казни по брестскому делу были расстреляны этим утром[119].

13 декабря. – Вчера получил второй том Монтеня. Где же первый?

Думаю, расстрел состоялся одиннадцатого на Мон-Валерьен; тела погребены на кладбище Иври.

Очень ценю смелый, яркий и такой малохристианский ум Монтеня. По поводу XIII главы второй части можно заметить, что в целом воля к жизни угасает вместе с ослаблением тела, вызванным болезнью или страданиями[120]. Редко когда старик в состоянии достаточно ясно мыслить, чтобы осознавать свою немощь (это, видимо, и есть самое ужасное в его положении). Из этого можно заключить, что самые тяжелые нравственные страдания испытывает человек, приговоренный к смертной казни, поскольку до последней секунды сохраняет все свои умственные способности и телесные потребности. Это справедливо в отношении многих, однако страх смерти, как, впрочем, и всякий страх, коренится в нетвердости духа; стоит хоть раз принять неизбежное и взглянуть ему прямо в лицо, как сразу обретаешь душевное равновесие и спокойную смелость встретить смерть без трепета. Я со своей стороны предпочитаю такой конец долгой и унизительной агонии. Такая смерть неизмеримо *богаче*, чем при внезапной аварии или на поле брани.

Это вызывает во мне сильнейшие переживания, но никакого страха. И уверенность в предстоящем через несколько недель расстреле отнюдь не лишает меня удовольствия от изучения санскрита (что бы там ни говорил Монтень). Скорее, наоборот.

14 декабря. – Получил сегодня письмо от Ирен от 24 октября – это первое, полученное мной (кроме короткой записки, еще в Санте). Как эта очаровательная неловкость почерка выдает все, что у нее на сердце; безыскусно, нерасчетливо, отдаваясь без остатка, вся – беззащитная чистосердечность. Ирен ездила в Бретань, снова была в Плугрескане, на море. Как будто и я побывал там.

16 декабря. – Получил «Немецких мистиков» Шузевиля[121]. Перечитываю отысканное в здешней библиотеке «Воскресение» Толстого[122].

18 декабря. – Аноним из Франкфурта: у него есть главное из учения Спинозы (Бог, субстанция, любовь...), а с другой стороны, индийское учение о *Другом* и об атмане[123]. В целом же эта мистическая мысль (насколько я могу судить по маленькому сборнику) по сути своей во многом сходна с индийской. Или это отдаленные заимствования через посредство арабов (и, возможно, Плотина)? Я так не думаю: мистический опыт остается неизменным, и т.д.

У Новалиса был тот же опыт всеобъемлющей любви. Я мог бы подписаться под многими его словами...

Поглощен поэзией...

19 декабря. – Разом «проглотил» полученный сегодня «Пир» Платона. Платон обладает совершенно особой властью облагораживать душу, возвышать ее надо всякой нечистотой. Он прежде всего поэт (а поэзия невозможна без вдохновения, без иррационального опыта). И чтобы вернуться к теме любви: да, желание нередко принимает личину люб-

ви (можно сказать, что оно ее неизбежное следствие), но чистая любовь чиста ото всякого желания, поскольку *уже обладает* всем, чего желает или желала. Так, в любви физической, когда *занимаются любовью* (очень глубокое выражение), то *уже не желают*, ибо пребывают в самом действии и т.д. Чтобы светил свет, нужно, чтобы что-то горело. Так и с душой.

20 декабря. – Письмо от Ирен, помеченное 1 декабря, – в этом оправдание всей моей жизни. На страшном суде мой ангел-хранитель положит это письмо на весы, и оно перевесит все мои грехи, пороки и невоздержание.

Я, однако, понимаю, что ничем не вдохновил такой любви, не распахнул перед Ирен дверей вечности. Любовь всегда – чудо. Но я горжусь тем, что с самого начала разгадал в Ирен способность к этому духовному возрождению. Это был долгий путь, и я не раз отчаивался. Разумеется, я никогда не недооценивал нравственных и интеллектуальных качеств своей жены, ни ее преданности [...]. Но что мне было делать со всеми ее качествами? Я плевал на все, потому что я эгоист, поверхностный и безнравственный, даже циничный, если хотите. Какое мне дело. Но пути Господни неисповедимы. Как тут не поверить в судьбу?

Какой парадокс! Я вызвал сострадательную любовь! И, однако, это правда в той мере, в какой эта любовь обращена к моему бессмертному существу. У меня нет христианского смирения. Что касается бл. Августина, то тут Ирен права.

Поэзия. В поэзии слово достигает своего настоящего бытия – в самом себе. Слово превосходит свое значение, свой смысл существования. В этом подлинный смысл вдохновения:

через звук прикоснуться к иррациональной реальности. Поэтому настоящая поэзия не поддается переводу. Но не много найдется поэтов, переживших подлинное откровение, да и с теми такое бывало не часто. Это мистический опыт.

21 декабря. – Из снов:

1. Очень красивый парк (лес?) в лучах дивного осеннего солнца; золотые и багряные кроны деревьев четко выделяются на фоне ясного неба... И я сказал себе: насладись этой красотой, посмотри, как прекрасна природа на пороге смерти. И не забывай, что и твоя недалека... Но будь благодарен за эту красоту.

2. Концерт на свежем воздухе; думаю, что-то наподобие выступления городского духового оркестра... Легкая, притягательная музыка. Вокруг полно людей, все восхищаются этой музыкой, на лицах живейшая радость, почти экстаз. И мне подумалось: вот истинное человеческое лицо. В целом же сны в цвете и с музыкой редки. Чаще всего они похожи на немое кино, реплики скорее не произносятся, а подразумеваются.

Все сны легкие и приятные. Иногда я наблюдаю их появление, все еще сохраняя сознание, и тогда с наслаждением погружаюсь в эту волну, которая уносит меня к неведомым берегам. Иногда посреди сна я просыпаюсь (некоторые ночные охранники заходят в своем усердии чересчур далеко: всякий час они являются взглянуть, не исчез ли я, и при этом всегда включают свет, мне представляется сомнительная честь быть уведомленным об очень тщательном надзоре), но мне все же удается удержать, так сказать, за кончик хвоста отлетающий прочь сон и досмотреть его. Этому искусству нужно долго учиться.

22 декабря. — Сегодня, проснувшись, размышлял о своем сне, пытаясь уловить ту мысль, которая казалась такой ясной во сне и которая все более запутывалась по мере того, как я пытался выразить ее логическим языком. Мне не удалось сделать это адекватно. Все, что я запомнил, это: наше тело, наше земное бытие соотносится с реальностью как звучание слова с его смыслом. Звук возникает и умирает, он различен в разные времена у разных народов, смысл же вечен и...

Красивый образ. Человек как божественный глагол... и в итоге — Слово стало плотью. Мир — всего лишь невнятное бормотание болтливого, несмолкающего бога. Но если серьезно, то в этом образе отражена некая истина. Я узнал ее во сне, но не могу теперь припомнить.

Снова стало довольно холодно, что вполне нормально, учитывая, что осталось два дня до Рождества; в январе, несомненно, станет еще холоднее, но зато дни начнут удлиняться. Вот и солнцестояние миновало! Осенью у меня были опасения насчет зимы, и вот, я ее прекрасно переношу. Ко всему привыкаешь, даже к темноте. Только глаза немного болят из-за того, что приходится вглядываться по ночам и читать в сумерках: если бы это долго продолжалось, то они бы испортились, но так как я не рассчитываю прожить дольше нескольких недель...

24 декабря. — Вчера получил французские поэмы Рильке. Это все тот же Рильке, только на французском он стал еще воздушней, звук стал еще светлей (гласные!). Он, конечно, не обладает таким мастерским владением предметом, как Валери (который действительно достигает высшей точки во всем, что касается техники; насколько Бодлер со своей стороны кажется иногда ограниченным и поверхностным), но его переживание более непосредственно и его музыкальное чутье

остается непогрешимым. Сама наивность его рифм очаровательна, в то же время эта наивность идет не от расчета и не от простоты: скорее можно сказать, что внутренняя гармония выходит на передний план и опережает вопросы звучания. Звучная рифма всегда отмечает собой задержку, всплеск (у Рильке все движется, как вода в роднике; его ломаный ритм, который всегда как бы стремится стать песней и сдерживается: он превращает в настоящее чудо самое банальное чувство). Но нужно быть Рильке, чтобы так свободно обходиться с французским стихосложением.

25 декабря. – Рождество...

27 декабря. – Приходила Ирен. Мне удалось поцеловать ее. Такой чистый и такой напряженный поцелуй, что у меня чуть не выступили слезы. Я, однако, не заплакал (ни разу не плакал в тюрьме), но почувствовал себя опустошенным этой столь болезненной радостью. Любовь похожа на смерть.

31 декабря. – Вчера получил «Одно лето в аду» Рембо (передачи ограничили одним днем в неделю). После полудня перечитывал свой дневник! Годовой итог «лета моих невзгод».

1 января 1942. – Густой туман липнет к мутным стеклам моего окна: то что называется «молоко» (такие туманы бывают на Балтийском море). Оцепенение, усталость, разочарование в жизни. Мечтаю о смерти, как о тяжелом и долгом сне, без сновидений, без пробуждения. Один из тех дней, когда рад обмануть себя алкоголем (вот бы мне сейчас бутылку коньяку!).

Вчера перечитал «дневник» (если можно назвать дневником мешанину из размышлений, пометок, комментариев отсутствия событий). Я испытал при чтении странное чувство, похожее на то, что было у меня два месяца назад, когда мне вернули мое карманное зеркальце и я спустя шесть месяцев смог снова лицезреть свое отражение. Итак, это я! В нем предостаточно глупостей и пошлостей, ошибок во французском и орфографии, даже кривлянья, однако все это искренне, без притворства. И это уже много.

И все время одна и та же двойная тема: любовь и смерть. Все время это стремление к абсолюту, попытка превзойти самого себя, этот поиск неуловимого... и когда я мню себя очеловечившимся, тогда как раз становлюсь чужд человеческого. И откуда у меня эта постоянная потребность так поносить Отто, Лосского, Гарнака?.. Потому что я не нахожу в их книгах того, что мне хотелось бы? Из книг вообще ничего не узнаешь о себе, кроме того, что тебе уже известно.

2 января. – Ирен удалось передать мне папку с кельтским языком! Дорогой друг!

Прекрасные сны, я бы сказал, рассказы, полные психологических и духовных открытий. Почти литературные произведения.

3 января. – Я голоден и замерз, но чувствую себя живым.

Рембо, дорогой брат, далекий товарищ.

5 января. – «Гордость перевешивает все немощи. Она или скрывает их, или если и обнаруживает, то тщеславится их

сознанием»*[124]. Это очень верно, но затем Паскаль сравнивает гордыню с самолюбием или амбициозностью. Настоящая гордыня никогда не заботится ни об общественном мнении, ни даже о мнении близких. Настоящая гордыня это та, что продолжает существовать и в одиночной камере, и на необитаемом острове.

Человек хочет быть любимым... и т.д. Да, но действительность намного сложнее, подчас мы находим извращенное удовольствие в том, чтобы обманывать других и казаться не лучше, а хуже, чем мы есть (христианству хорошо знакомо это удовольствие: я недостойнейший, нечистейший... и т.д.).

6 января. – Получил «Древнюю Индию»[125].

Процесс надо мной начинается в четверг. Я вчера написал Ирен[126]. Нам дают слишком мало времени на письма: раздают впотьмах бумагу и потом уже ничего не видно. А письмо необходимо сдать наутро при подъеме. Я очень страдаю от таких издевок. Но неважно.

За этим письмом мне было видение света. Да, словно внезапная вспышка...

Смерть... Я не чувствую ни страха, ни презрения. Любовь. Победить смерть – значит полюбить ее.

* Цит. по: *Паскаль Б.* Мысли/ Пер. С. Долгова. М.: REFL-book, 1994. С. 81.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Возможно, намек на допрос в гестапо, на улице Соссэ, куда заключенного везли через столицу. В тот день (9 июня) тайно содержащийся под стражей на протяжении уже двух с половиной месяцев Борис Вильде находился в тюрьме Санте.

О допросах Вильде в гестапо сохранилось два свидетельства, оба датируются апрелем 1941 года. Наиболее достоверное принадлежит Аньес Гюмбер, принимавшей активное участие в подпольной работе Музея человека и задержанной несколькими днями позже Вильде. Так, во время допроса у капитана СС Дюринга, рассказывает она, «дверь в смежное помещение открылась и показалось несколько человек в штатском, окружавших Бориса Вильде. Осунувшегося и словно ставшего выше ростом. Красивое лицо обрамляла светлая борода, так ему шедшая! Он походил на Эдуарда Мане в юности. Одет был странно: синие брюки и черная куртка с кантом, руки связаны за спиной! Когда он шел, то казался неловким и как будто потерявшим чувство равновесия. Он посмотрел мне в глаза долгим взглядом, полным невыразимой грусти. Никогда не смогу забыть этот взгляд» (*Humbert A.* Notre guerre [*Гюмбер А.* Наша война]. Paris: Emile-Paul, 1946. P. 80. Аньес Гюмбер, дочь сенатора Шарля Гюмбера, была известным искусствоведом и работала во дворце Шайо (обширный музейный комплекс на площади Трокадеро в Париже, включающий и Музей человека. — *Примеч. пер.*), в Музее народного творчества и традиций.

Можно также, несмотря на множество очевидных неточностей, привести свидетельство Андре Вейль-Кюриэля (1910–1988), который, приехав в командировку из Лондона, сотрудничал с Вильде в подполье и два или три раза сталкивался с ним уже после ареста на улице Соссэ. В первый раз он увидел Вильде в окружении немецкой охраны через окно, тот был «небрит несколько дней, важный и достойный посреди этих юных варваров». По словам Вейль-Кюриэля, капитан Дюринг проявлял в отношении Вильде то неистовую злобу («он утверждал, будто тот был агентом Коминтерна, и, говоря о заключенном, впадал в ярость»), то любезность и даже по-

чтение. Так, проводя очную ставку Вильде с Вейль-Кюриэлем, Дюринг «угощал его кофе и сигарами. Оба говорили на немецком, на котором Вильде свободно изъяснялся». Но нет противоположного словам Вейль-Кюриэля свидетельства, дающего основания утверждать, что Вильде подвергался пыткам. См.: *Weil-Curiel A.* Le Temps de la honte [*Вейль-Кюриэль А.* Время стыда]. Paris: Ed. du Myrte, 1947. T. 3. P. 87–88.

[2] Содержавшегося с 16 июня в тюрьме Френ Бориса Вильде возили в тюрьму Шерш-Миди, несомненно, для проведения очной ставки с кем-то из сообвиняемых. Кто такая мадам С.? Подруга его жены Алис Симонне, студентка с отделения классической филологии Сорбонны, которую Вильде привлек к подпольной работе в Музее человека? Или Сильветт Лелё, заключенная из Шерш-Миди? Обе версии представляются весьма сомнительными.

[3] Значительная часть размышлений Вильде, обладавшего широкими познаниями в области истории религий, строится вокруг взаимосвязи христианства с восточными религиями, в особенности индийскими – буддизмом и брахманизмом. Ниже (18 июля) Вильде скажет о своей «постоянной и таинственной тяге к буддизму». Признаки такого непреодолимого влечения обнаруживаются даже в его полной приключений жизни агента разведки Сопротивления: в начале 1941 года в Тулузе Вильде послал генералу Мюзелье в Лондон шифрованное сообщение, речь в котором шла о Нефритовом Будде. См: *Weil-Curiel A.* Op. cit. P. 15.

[4] Влияние Н.А. Бердяева (1874–1948), настоящего властителя умов поколения Вильде, достигло в тот период высшей точки, в особенности во Франции, где изгнанный из СССР философ обосновался с 1922 года. Вернувшись к православной вере, Бердяев стал теоретиком христианского гуманизма, вдохновлявшим личность на противостояние тирании коллектива и эгоизму индивида.

Среди многих работ Бердяева, таких как «Миросозерцание Достоевского» (1921), «Смысл истории» (1923), «Дух и свобода: Очерк христианской философии» (1933), «Философия свободного духа» (1927), «О назначении человека: Очерк парадоксальной этики» (1931), есть одна, особенно хорошо знакомая Борису Вильде, поскольку была переведена с русского его женой Ирен, – это «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (1934) (Cinq méditations sur l'existence: Solitude, société, communauté. Paris: Aubier, 1936). В ней говорится о трагическом положении философа, о человеческом «я» и одиночестве, о личности и общении, о том, что изменчиво и что вечно: все эти темы будут постоянно встречаться на протяжении всего дневника Вильде.

[5] Этот роман Чарлза Моргана, вышедший в Англии в 1936 году, был переведен на французский и вышел в издательстве «Сток» в 1938 году с предисловием Рене Лалу. Вильде близки три главные темы, структурирую-

щие внутренний мир Моргана: искусство, любовь, смерть (при том, что Вильде отмечает некоторое различие с собой: см. записи от 25 августа). Это первая книга, которую Ирен Вильде передала мужу в тюрьму Санте. В одиночной камере Вильде перечитает роман трижды.

[6] Не имея спасения от одиночества (основополагающая данность внутреннего мира Бориса Вильде, постоянно размышляющего о понятиях общения и общности), все заключенные объединены общей волей к преодолению изоляции. Для этого они прибегают как к открытым проявлениям протеста, как крики и пение (см. запись от 17 августа), так и к более или менее изобретательным тайным системам общения. К широко используемым приемам относится перестукивание через стены камеры с использованием специального алфавита, в котором каждой букве соответствует определенное количество долгих и кратких ударов.

[7] Ирен, жена Вильде, дочь Фердинана Лота, библиотекарь Национальной библиотеки. Скончалась в 1987 году.

[8] Вильде родился 25 июня 1908 года. Упоминание об Александре Македонском, скончавшемся в расцвете сил в возрасте 33 лет – как Христос, – появится снова в диалоге двух «я»: см. запись от 30 октября.

[9] Неразборчиво.

[10] Врач Алексис Каррель (1873–1944), лауреат Нобелевской премии по медицине за 1912 год, опубликовал в 1935 году имевший большое влияние на умы бестселлер «Человек. Неизвестное» (*Carrel A.* L'Homme cet inconnu), с целью показать взаимозависимость физиологических и психологических явлений.

[11] М. и Ж.: Муж и Жена?

[12] Как политический заключенный, Борис Вильде содержится в одиночной камере. У него есть право на получение передач, но не на посещения. Дважды в неделю жена Ирен или ее сестра Эвелин Лот приносят ему передачи с едой и книгами.

[13] Имя основателя буддизма, называемого также в буддийских текстах *Шакьямуни.*

[14] С этого дня Борис Вильде день за днем делает записи о книгах, которые он получает и читает. Это дает возможность проследить его интеллектуальный и духовный путь вплоть до казни.

[15] Книга «Les Deux Sources de la morale et de la religion» вышла в свет в 1932 году (рус. пер.: *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994). Она относится к последнему периоду творчества Бергсона и посвящена анализу социального и религиозного, идущему от закрытого к открытому. Эта блестящая, отмеченная остротой и точностью, увлекательно написанная работа, подводящая читателя к теме преодоления, мистицизма, «чистой любви», имела значительный резонанс на протяжении 1930-х годов и выдержала сорок изданий в период с 1932 по 1949 год.

[16] Слово в скобках неразборчиво.

Влияние Бергсона оставалось огромным с рубежа веков вплоть до 1940-х годов. Осенью 1939 года Жан Валь без колебания именовал его «учителем из учителей» и писал: «Необходимо, – говорили схоласты после Аристотеля, – чтобы в каждую эпоху был свой философ, был свой разум, осмысляющий мир. Сегодня таким философом является Бергсон» (Nouvelle Revue Française. 1939. LIII. Décembre. P. 906–907).

Когда Вильде вел свой дневник, смерть философа (3 января 1941) была еще свежа в памяти. Это событие вызвало соответствующий отклик. В то время как со всех сторон воздавались посмертные почести (участие правительства Виши ограничилось делегированием на похороны посла де Бринона), газета «Резистанс» сочла важным поместить в третьем номере, вышедшем 31 января 1941 года, статью памяти Анри Бергсона, нобелевского лауреата, почетного профессора Коллеж де Франс, кавалера Большого Креста ордена Почетного легиона, умершего от воспаления легких, которым он заболел зимой в оккупированном Париже. В свою очередь, Реймон Арон (французский философ, социолог и политолог. – *Пер.*) воздал должное французской мысли на волнах лондонской Би-би-си.

[17] Хотя в конце жизни Бергсон практически стоял на пороге обращения в католицизм, все же глубокое влияние на него иудаизма не может вызывать ни малейшего сомнения, равно как и его преданность своему еврейскому происхождению. Между тем после его кончины этот вопрос широко обсуждался в кругах интеллигенции, ходил также слух, что Бергсон принял крещение (см. статью Раисы Маритэн, опубликованную в монреальской «Ля Релев» в марте 1941). Можно сказать, что дискуссию по этому вопросу окончательно закрыли два современных записям Вильде (но, разумеется, неизвестных ему) документа: письмо мадам Бергсон Эммануилу Мунье, вышедшее в «Газетт де Лозанн» 9 сентября 1941 года, и письмо Жана Валя в лионском издании «Конфлюанс» в августе 1941 года. Вот текст письма мадам Бергсон:

«Мой муж, религиозная принадлежность которого давно привлекала к себе внимание, и который со времени издания “Двух источников” (в 1932 г.) смотрел на католицизм с растущей благосклонностью, не пожелал, однако, принять это вероисповедание по ряду причин, которые те из близких друзей, с кем он совершенно откровенно обсуждал этот вопрос, оценили и одобрили. Кроме того, он сам со всей откровенностью объяснил это в отрывке из своего завещания от 8 февраля 1937 года, который, как мне представляется, я обязана вам сообщить:

Размышления подвели меня вплотную к католицизму, в котором я вижу окончательное исполнение иудаизма. И я бы обратился, если б не видел, как на протяжении многих лет нарастает чудовищная волна антисемитизма, готовая обрушиться на мир. Я предпочел остаться с теми, кто завтра будет гоним. Но я

надеюсь, что, если кардинал архиепископ Парижа даст разрешение, католический священник согласится прийти и прочитать молитвы на моих похоронах. Если же такое разрешение не будет получено, следует обратиться к раввину, не скрывая, однако, ни от него, ни от кого другого моей духовной принадлежности католицизму, как и выраженного мною желания пригласить помолиться в первую очередь католического священника.

Таким образом, воля Анри Бергсона, выраженная с предельной ясностью, не оставляет места для разночтений. Прямо заявляя о своей "духовной принадлежности" католицизму, мой муж не захотел, однако, совершать решающего шага крещения. Было бы дурной благодарностью за ту полную лояльность, которую сам он непрестанно доказывал в своем поиске того, что он почитал за истину, – приписывать ему поступки, которые он при жизни никогда не хотел совершать, и искажать его идею теперь, когда его нет с нами и он лишен возможности уточнить свою мысль и защитить ее так, чтобы не оставить возможности извращать ее, какая бы на то ни нашлась причина».

Свидетельство Жана Валя вполне определенно:

«На смертном одре Бергсон послал за священником (католическим); когда тот прибыл, Бергсон был уже мертв; священник произнес положенные молитвы над усопшим: Бергсон не был крещен. Не было и церковного погребения».

См.: *Bergson H.* Essais et temoignages recueillis par Albert Béguin et Pierre Thevenaz [*Бергсон А.* Очерки и свидетельства / Сост. Альбера Бегина и Пьера Тервеназа]. Neuchâtel: Ed. de La Baconnière, 1943. – (Les Cahiers du Rhône). P. 11–12. Об эволюции Бергсона от иудаизма к христианству см. также свидетельство П. Валансэна, иезуита еврейского происхождения, в особенности его статью в «Эвей де Нис» от 11 января 1941 года (Auguste Valensin: Textes et documents inédits [Огюст Валансэн: Неизданные тексты и документы]. Paris: Aubier, 1961. P. 296, 307–308.

[18] Все больше увлекаясь языкознанием, Борис Вильде набрасывает в общих чертах новую и необычную теорию языка, ту, что расцветет в 1960-е годы: язык как определяющая структура мысли.

[19] Здесь Вильде, вероятно, имеет в виду вторую главу «Статическая религия». В противовес закрытости в морали (навеянной биологической моделью)и застою в религиозной сфере, Бергсон вводит понятия стремления, движения вперед, чтобы сообщить открытое измерение морали и динамическое – религии. Поэтому он противопоставляет статический характер первобытных культов, анализируемых во второй главе (магия, тотемизм, предания, мифы), динамике мистицизма, понимаемого одновременно и как прямое восприятие Бога, и как освобождение человечества от биологического ига (о чем говорится в третьей главе; ср. примеч. 32 наст. изд.).

[20] Борис Вильде женат семь лет: он женился на Ирен Лот 27 июля 1934 года.

[21] Ср.: «Мы находим в прошлом и могли бы найти даже и сегодня человеческие общества, у которых нет ни науки, ни искусства, ни философии. Но никогда не существовало общества без религии» (цит. по: *Бергсон А.* Два источника морали и религии/ Пер. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1994. С. 109).

[22] Борис Вильде постоянно сталкивается с тем, что считает основным противоречием между моралью и религией. С одной стороны, он обвиняет христианство, будь то католицизм, протестантизм или православие, в искажении и сведению к морали. С другой — он убежден в том, что человек не сможет обходиться без этики; однако ее священный характер видится ему неотделимым от религии. В конечном итоге, как видно из дневника на протяжении многих месяцев, противоречие может быть преодолено и изжито только любовью — в соответствии со словом бл. Августина «*Ama et fac quod vis*» (ср. с дневниковой записью от 23 октября). У Вильде намечаются едва уловимые религиозные движения. Так, работая в свободной зоне в первые недели 1941 года, он останавливается в Клермон-Феране, где скрывались его свояченица и ее муж, Марианна и Жан Бертольд-Ман. Прощаясь на вокзале, он сказал свояченице: «Я не успел помолиться перед образом Нотр-Дам-дю-Пор. Помолитесь вы за меня, чтобы я благополучно добрался» (свидетельство Марианны Ман-Лот, 8 октября 1996).

[23] «Преступление любви» («Un crime d'amour») — один из первых романов Поля Бурже, вышедший в 1886 году, созданный из желания показать «наглядное пособие по анатомии морали» и под влиянием пессимизма Шопенгауэра и его необуддизма. Этот психологический роман с постнатуралистской и позитивистской концепцией написан немного раньше того переворота, который приведет Бурже к аристократическому традиционализму. Отсюда удивление Вильде по прочтении «Преступления любви» и его, скорее, снисходительное суждение.

[24] Вильде, в свою очередь, всегда занимался вопросами языков финно-угорской группы, народностей Эстонии и Восточной Сибири.

[25] Возможно, именно в период между двух войн влияние Ницше достигло своего апогея. В дневнике — где-то прямо, а где-то косвенно, в оценках, — обнаруживается оставленный им в сознании Вильде след.

[26] Петер Гаст был издателем переписки Ницше. (Здесь следует отметить причудливое построение фразы.)

[27] Пропущено слово.

[28] Отпечаток, наложенный Ницше на идеологию и развитие национал-социализма, объясняет антипатию большинства участников Сопротивления к ницшеанству, антипатию, которой не поддается Вильде, хотя, как мы здесь видим, он в полной мере признает историческое влияние автора «Заратустры».

[29] Книга «Мои пещеры» спелеолога Норбера Кастре (1897–1987) была только что издана (*Casteret N.* Mes cavernes. Paris: Perrin, 1940). Как и в случае с предыдущими изданиями, «Десять лет под землей» («Dix ans sous terre», 1934) и «На дне карстовых колодцев» («Au fond des gouffres», 1936), автор завоевал внимание широкой публики благодаря соединению научного подхода с приключенческим жанром, однако Вильде выделяет для себя узкоспециальные аспекты.

[30] Луи Лавель – философ персоналист и спиритуалист, продолжатель традиции Мен де Бирана, Бергсона и Ясперса, а также христианский экзистенциалист, профессор Коллеж де Франс с 1934 года. Опубликовал в 1933 году работу «La Conscience de soi» («Самосознание»), трактат о морали, исходящей из опыта «я» и глубин личности и проповедующий общность между людьми как средство от одиночества: отсюда отклик, который вызвали его идеи у Вильде.

[31] «Душа» – неразборчиво.

[32] О «динамической религии» говорится в третьей главе «Двух источников» (см. примеч. 19 наст. изд.). По образу и под водительством героев и святых – христианских святых и пророков Израиля – возможно приобщиться к творческому движению любовью. То, что жизненный порыв наметил в имманентности, мистицизм, в ответ на божественный призыв, реализует на трансцендентном уровне.

В то же время Бергсон привержен принципам 1789 года (т.е. «Декларации прав человека и гражданина». – *Пер.*) и демократии в руссоистском понимании, поскольку идея прогресса, основа философии Просвещения, глубоко укоренена в его мысли – от «Творческой эволюции» до «Двух источников». Поэтому в последней книге много говорится об идеалах демократии и интернационализма. Однако история, по Бергсону, это история поддерживающая элиту, главное идет сверху, а не снизу; в ней осуществляется примат великих личностей над массами. Отсюда история, устремленная к религиозному и обретающая свое значение в мистическом порыве. Иначе говоря, принципы 1789 года, соединенные с их христианскими истоками, – вот основа освободительной вести Бергсона.

[33] Очевидно, речь идет о «Лектюр пур тус» («Lectures pour tous»), иллюстрированном журнале издательства «Гашетт», продолжавшем выходить при оккупации.

[34] «Смерть»: текст неточен.

[35] Из воспоминаний известно, что Борис Вильде работал в отделе Северных стран Музея человека.

[36] Под заголовком «Mélanges d'histoire des religions» [«Сборник по истории религий»] (Paris: Alcan, 1929) этнологи Анри Юбер и Марсель Мосс, инспекторы Высшей практической школы, повторили публикацию вышедшей тридцатью годами раньше важной работы «Essai sur la nature et la

fonction sociale du sacrifice» [«Очерк о природе и социальной функции жертвоприношения»] (Année Sociologique. 1899. II. P. 29–138). Их позиция близка той, что изложена Робертсоном Смитом в его книге «Religion des Semites» [«Религия семитов»] (1890).

[37] Чарлз Морган (1894–1958), литературный критик «Таймс», приобретший известность после «Портрета в зеркале» (1930), очень популярный во Франции романист. Его глубокий подход привлекает Вильде мистической тональностью и сопутствующим ей двойным конфликтом между плотью и духом, между чувством и разумом. Отсюда впечатление, производимое книгой на заключенного.

[38] Сведений о матери Вильде очень мало. В тот момент Вильде не знал, где находятся мать и сестра и живы ли они.

[39] *Robin L.* La Pensée greque et les origines de l'esprit scientifique [«Греческая мысль и истоки научного разума»]. Paris: La Renaissance du Livre, 1932. Coll. «L'Evolution de l'humanité». Леон Робэн – специалист по греческой философии, в первую очередь по Платону.

[40] Отца Вильде потерял очень рано. Приехав в 1932 году в Париж, он едва изъяснялся по-французски.

[41] Если Толстой и влюблен в Наташу, обаятельную героиню «Войны и мира», то не потому ли, что прототипом этого персонажа отчасти была Соня Берс, ставшая Софьей Толстой? Чего нельзя утверждать в случае со «Спаркенброком». Морган рассматривает выразителем своих идей Пьера, героя романа, влюбленного в Мэри.

[42] Странный разговор: трудно сказать, что поражает сильней в этом тюремном диалоге француза с немцами – отстраненная искренность Бориса Вильде или наивный идеализм его собеседников-нацистов (пребывающих в эйфории первых недель Восточной кампании). Следует отметить, что Вильде владеет немецким наравне с французским и русским.

[43] Хеффдинг Харалд (Гарольд) (1843–1931), родился и умер в Копенгагене, религиозный философ, сыгравший большую роль в философской мысли Дании и оказавший значительное влияние за ее пределами. Он занимал позицию, близкую Канту и Кьеркегору, был неравнодушен к творчеству Ницше, состоял в постоянной переписке с Бергсоном; после разрыва с христианством стремился создать гуманистическую этику, что вызвало интерес Вильде.

[44] Это прообраз диалога двух «я», который Вильде с напряженным драматизмом развернет в дневнике между 24 октября и 2 ноября.

[45] *Marchon A.* Le Bachelier sans vergogne. Paris: Grasset, 1925.

[46] Путь автора «Potestas clavium» («Власть ключей») Льва Шестова (псевдоним Льва Исааковича Шварцмана (1866–1938)), видного представителя русской интеллигенции, стоящего на пересечении философии, литературы и мистики, не переставал интересовать Бориса Вильде, как бы жестко

он ни судил о нем здесь. Поскольку Шестов остался не создавшим школы одиночкой, он воплощает собой свободомыслие, способное оказывать очень сильное интеллектуальное воздействие, что доказывает количество переводов его произведений на французский, английский, испанский, еврейский, японский и др. языки, а также частые переиздания многих его работ. Лишившись после революции места преподавателя философии, он обосновался во Франции, где преподавал в Институте славянских исследований Парижского университета. Отмеченный очень сильным влиянием иудейской традиции, в которой он вырос, друг Бердяева, Булгакова, Мережковского, связанный с французскими литературными и философскими кругами, общающийся с Гуссерлем, он много занимался мыслителями, вдохновлявшими Вильде, — Достоевским, Ницше, Кьеркегором, — а в свои последние годы приблизился к индийской философии (после смерти у него в изголовье нашли две книги — Библию и «Das System des Vedanta»).

Мыслитель, говорящий об отрыве от корней (см. его работу «Апофеоз беспочвенности» (1905). — *Пер.*), он постоянно критикует вечные истины здравого смысла и видит в вере бесконечную угрозу и даже соблазн, но в то же время и единственный способ встретить Бога. «Potestas clavium» была переиздана в 1967 году (спустя год после переиздания работы «Философия трагедии: Достоевский и Ницше»), со вступительной статьей Бенжамина Фондана «Встреча со Львом Шестовым».

[47] Другой русский эмигрант и мыслитель, Дмитрий Мережковский, автор хорошо известных Вильде трудов, таких как: Le Roman de Léonard de Vinci: la résurrection des dieux. Paris: Gallimard, s.d. (vers 1918); Les Mystères de l'Orient: Egypte-Babylone. Paris: L'artisan du livre, 1927; Dante. Paris: Albin Michel, 1940. (На рус. яз.: Тайна трёх. Египет и Вавилон. Прага, 1925; Рождение богов. Тутанхамон на Крите. Прага, 1925; Данте. Брюссель; Париж, 1939. Т. 1–2. — *Пер.*)

[48] Вильде ошибается: «Власть ключей» писалась в России с 1914 по 1919 год и издана в Берлине в 1923 году. Французский перевод Бориса Шлецера появился в 1928 году («Le Pouvoir des clefs»).

[49] Нам не удалось найти никаких упоминаний ни о Жюльене Ру (Julien Roud), ни о Пао Деви (Pao Devi). Борис Поплавский (родился в Москве в 1903 году, умер в Париже в 1935 году) — поэт и романист, создатель выходившей в 1938 году газеты (ср.: *Бердяев Н.* // Современные записки. 1939. № 68). Друзья называли его «русский Рембо» или «царства монпарнасского царевич» (выражение принадлежит поэту Николаю Оцупу. — *Пер.*) Катастрофа, о которой упоминает Вильде, — намек на кончину Поплавского, отравленного решившим покончить с собой молодым сумасшедшим с Монпарнаса, привлекшим поэта к «эксперименту с лекарствами». В действительности очень похоже, что Поплавский совершил самоубийство (сведения любезно предоставлены Сержем Аслановым).

[50] П. – Возможно, Пьер Вальтер.

[51] Ср.: «Эта удивительная кристаллизация радости, которую любовь раскрывает даже в предметном мире» («Спаркенброк». Гл. XIII).

[52] С началом фашистского наступления на СССР, 22 июня 1941 года, Французская коммунистическая партия перешла к активной борьбе с оккупантами. Репрессии усилились. Тюрьмы наполнились коммунистами из Сопротивления. По отношению к ним у Вильде борются солидарность с насмешкой.

[53] Голод – общий удел заключенных. По свидетельству Р. Друэна, бретонского участника Сопротивления, содержавшегося во Френ одновременно с Вильде, ежедневный паек заключенных был таков: в 7 часов разносят так называемый кофе – некую жидкость, приготовленную то из жженого ячменя, то из солода, то из сомнительной заварки, а то и из липового отвара. Между 11.30 и 14 часами арестантам подается в несколько приемов основная трапеза. Обычно это миска, «наполненная самыми неожиданными овощами: то это едва кислая квашеная капуста с водичкой и ошметками мяса, то просто капуста немыслимыми ломтями, то чечевичная похлебка с лапшой или куском помидора, лимона или громадного огурца в уксусе»; затем с некоторым интервалом дают два куска хлеба с большим ломтем какой-нибудь колбасы. К 16 часам кофе или отвар. На этом все – до завтра. См. рукопись: *Drouin R.* J'avais des camarades, août 1940 – août 1944 [*Друэн Р.* У меня были товарищи, август 1940 – август 1944]. Brest: Imprimerie du Télégramme, 1949. P. 46.

Можно сравнить это с тем, что в тот же период перенесла Аньес Гюмбер (сообвиняемая Вильде) в тюрьме Шерш-Миди: «Я чудовищно голодна. Никак не привыкну к голоду». Для супа, «составляющего основу нашего пайка, остальные заключенные пользуются большими мисками, вмещающими до литра; у меня же из посуды только мелкая тарелка, в которую помещается примерно четверть чашки. Жан-Пьер [капитан Д'Этьен д'Орве (французского военного фрегата. – *Пер.*), сосед по камере] говорит, что они пытаются сломить меня физически, урезая паек, и морально – лишая меня возможности читать и трудиться» (*Humbert A.* Notre guerre. P. 18). Вильде повезло – несмотря ни на что, он имеет неограниченную возможность чтения, что помогает ему держаться.

[54] Это единственный упрек, адресованный Вильде жене на страницах дневника. Появился он, несомненно, оттого, что в ожидании смерти у Вильде возникает потребность в книгах скорее философского или религиозного содержания, нежели пустых развлекательных, и поэтому «Ким» представляется ему сочинением для бойскаутов.

[55] С. и В. – возможно, Сенешаль (называемый «Мальчуганом» из-за восемнадцатилетнего возраста) и Вальтер – члены подпольной сети Вильде.

[56] Сад принадлежал семье Лот, жившей в южном предместье Парижа Фонтене-о-Роз.

[57] Майя – персонаж индийской мифологии, супруга Брахмы и мать Будды; либо атрибут бога Варуны (в ведах), который с ее помощью дарует победу. В веданте майя, как символ чудесной силы божества, стала синонимом космической иллюзии, обманчивой видимости, иллюзорного бытия. Ее уподобляют миражу в пустыне.

[58] Главный герой романа Чарлза Моргана – Пьер Тенниел, 12-й барон Спаркенброк, богатый вельможа и гениальный писатель, напоминающий Байрона своими авантюризмом и необузданностью и Шелли – ангелоподобием. Героиня, Мэри, которой Пьер пылко восхищается, становится женой сельского врача и разрывается между двумя мужчинами. Во время поездки в Тоскану – где происходит часть действия романа – между Мэри и Пьером зарождается страстное чувство. После всевозможных событий, в том числе неудавшейся попытки самоубийства, Спаркенброк умирает от сердечного приступа. Через все произведение, романтическое и мистическое одновременно, проходит глубинная мысль Чарлза Моргана, которую несложно разгадать: у человека есть только три пути, чтобы состояться – искусство, любовь и смерть.

[59] *Oldenberg H.* Bouddha, sa vie, sa doctrine, sa communauté. Paris: Alcan, 1894. (2-e ed.: 1903; оригинальное немецкое издание вышло в Берлине в 1881 г.) (рус. пер.: *Ольденберг Г.* Будда, его жизнь, учение и община. М., 1900. – *Пер.*). В период между 1880 и 1910 годами Ольденберг был одним из крупнейших в мире специалистов в области религий Индии, в особенности буддизма и ведизма.

[60] 26 марта Борис Вильде был задержан гестапо и сразу же заключен в одиночную камеру тюрьмы Санте. Об аресте Вильде см. краткий рассказ Клода Авелина «Дело Музея человека» (*Aveline C.* L'Affaire du musée de l'Homme // Les Lettres Françaises. 1945. № 44. 24 févr.) и книгу Аньес Гюмбер «Наша война» (*Humbert A.* Notre guerre. P. 66–67); более подробный рассказ см. в воспоминаниях Симоны Мартен-Шоффье «До скорого свиданья...» (*Martin-Chauffier S.* A bientôt quand même... Paris: Calmann-Lévy, 1976. P. 105–107).

[61] Есть сомнения в точности текста. Возможно, следует читать: «со всеми ее материальными благами».

[62] Если в этот момент Борис Вильде думает о возможной отправке в концлагерь, то в ходе процесса он все более убеждается в том, что будет расстрелян.

[63] Образ Кириллова сильно занимает Вильде, поскольку, будучи вынужден принять на себя преступление, которого не совершал, тот решает покончить с собой, дабы доказать свою полную свободу, принимая тем самым ее ограниченность и отказываясь от призрачной помощи сочиненного людьми Бога.

[64] Третья книга Бергсона, «L'Evolution créatrice», изданная в 1907 году (рус. пер.: *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.; СПб, 1914), отметила важный этап в развитии его мысли, и от Вильде не укрылась прямая связь между этой книгой и «Двумя источниками морали и религии».

Если бергсонианство считается философией трансформистской биологии XIX века, то эволюционизм у Бергсона спиритуалистический. Другими словами, уже на этой стадии имманентное открывается трансцендентному. Отсюда происходят двойственные определения эволюции и творчества. Уже в работе «Творческая эволюция» появляется тема будущего людей, но без призыва вперед, который характерен для «Двух источников...». Поэтому Бергсон мог написать в последнем издании: «Несомненно, таким образом мы идем дальше выводов, сделанных в "Творческой эволюции"» (цит. по: Два источника... С. 276. – *Пер.*).

[65] 27 августа в Версале, во время смотра войск с вручением знамени первому контингенту «Французского антибольшевистского добровольческого легиона» (создан в Париже коллаборационистами на следующий день после нападения Германии на СССР. – *Пер.*), произошло неожиданное событие: двадцатилетний юноша Поль Колетт несколько раз выстрелил из пистолета в Лаваля и Деа и ранил обоих. Он был приговорен к расстрелу 1 октября, однако помилован и депортирован в Германию.

[66] Пьеса Чарлза Моргана «The Flashing Stream» была поставлена в Лондоне в 1938 году, где имела большой успех. Французский перевод (Le Fleuve étincelant. Paris: Stock, 1939) вышел с предисловием автора и его философским рассуждением, озаглавленным «Эссе о единстве Духа».

[67] Ранним утром 1 сентября 1939 года фашистские войска вторглись в Польшу.

[68] Вильде скрупулезно рассчитал сроки работ: он потратит ровно восемь недель на овладение греческим, занимаясь по два с половиной – три часа в день! После чего заключенный собирался приняться за санскрит (ср. письмо к Ирен Вильде от 15 сентября).

[69] В действительности же Вильде уже в третий раз принимается за чтение «Спаркенброка» в тюрьме.

[70] Николай Лосский (1870–1965), виднейший представитель русской философии своего времени, попытался произвести синтез монадологии Лейбница и интуитивизма Бергсона. Он называл свою систему «интуитивизмом» или «идеал-реализмом». До 1917 года преподавал в Санкт-Петербургском университете, затем, с 1922 года, – в Карловом университете в Праге. Разработал идеалистическую философию, основанную на религиозном опыте. Для него последнее предназначение человека состоит в абсолютной полноте бытия, достигаемой через мистическую интуицию. Земная история – только иллюзия, введение в метаисторию. Его этика в духе иерархического персонализма прямо следует из его

метафизики. И та и другая подверглись жесткой критике со стороны Вильде.

[71] За книгу «Человек над своим прошлым» («Un homme se penche sur son passé») Морис Константин-Вейер получил в 1928 году Гонкуровскую премию. Книга основана на личном опыте автора, занимавшегося охотой и фермерством во время работы над репортажем в Канаде.

[72] Письмо приводится в этом издании.

[73] Эвелин Лот, одна из двух своячениц Бориса Вильде, младшая дочь Фердинана Лота.

[74] Дриш Ханс (1867–1941) – философ и биолог. Основываясь на биологических исследованиях, развивал философию витализма, объясняя нематериальным принципом (энтелехией) эволюцию мира и всего живого.

Гартман Эдуард фон (1842–1906) – немецкий философ-пессимист. Убежденный в том, что небытие лучше бытия, разработал в начале XIX века систему, получившую название «трансцендентального реализма», в которой все пронизано психизмом: бессознательное есть универсальная душа, сродни абсолютному духу у Гегеля.

[75] О какой истории Средневековья идет речь? Ввиду строгой оценки, данной Вильде, трудно предположить, что это «Histoire du Moyen Age» («История Средних веков»), изданная в «Пресс Юниверситэр де Франс» под редакцией Г. Глотца, первый том которой, «Les Destinées de l'Empire en Occident de 395 à 888» («Судьба Империи на Западе с 395 по 888 г.») вышел в 1928 году и авторами которого были Фердинан Лот, Кристиан Пфистер и Франсуа Гансхоф.

[76] *Riess C.* Hollywood inconnu [*Райсс К.* Неизвестный Голливуд]. Paris: Les Editions de France, 1937 – поверхностный, но написанный в живой манере очерк.

[77] *Otto R.* Le Sacré: l'élément non-rationnel dans l'idée du divin et dans sa relation avec le rationnel/ Trad. fr. par A. Jundt [*Отто Р.* Священное: нерациональный элемент в идее божественного и его отношение к рациональному]. Paris: Payot, 1929. Оригинал «Das Heilige» вышел в 1917 году. Автор, преподаватель университета, философ и протестантский теолог, хочет найти и утвердить основание для научного изучения истории религии и сравнительного изучения религий. Эта книга – главный труд автора, в ней он утверждает, что в основе священного лежат чувства и опыт, в то время как «нуминозное» отсылает нас к чистому разуму.

[78] У Бориса Вильде было прочное убеждение в том, что война будет долгой. Отсюда его прогноз насчет 1944 года. После вынесения смертного приговора, покидая трибунал, он снова предскажет победу в 1944 году; ср.: *Humbert A.* Notre guerre. P. 161.

[79] Шлейермахер Фридрих (1768–1834), немецкий философ и теолог, один из главнейших мыслителей протестантизма XIX века, в своей книге

«Exposition de la foi chrétienne» («Изложение христианской веры», 1821) отстаивает субъективную концепцию религии, согласно которой источник и суть ее заключены в спонтанном переживании бесконечного и чувства зависимости от Бога. Он хотел объединить все разрозненные религии в единственном религиозном чувстве.

[80] Речь идет о Фердинане Лоте, тесте Вильде (родной отец Вильде умер, когда тот был еще ребенком). О Ф. Лоте см. примеч. 97.

[81] *Seignobos Ch.* Histoire sincère de la nation française: essai d'une histoire de l'évolution du peuple français [*Сеньобос Ш.* Правдивая история французской нации: очерк истории эволюции французского народа]. Paris: Rieder, 1933. Эта работа, ставшая с момента своего появления объектом резкой критики со стороны Люсьена Лебвра в «Ревю де синтез» (интересно, не на это ли намекают примечания и комментарии Ф. Лота?), стремится показать «череду трансформаций, через которые прошла французская нация на пути становления». На самом деле, утверждая использование знаний, накопленных так называемой «научной» историей за последние полвека, книга представляет собой точку зрения «совершенного радикала», каковым, по словам Зигфрида, был Шарль Сеньобос.

[82] Ср. запись от 4 сентября.

[83] Горькая ирония — с момента ареста Вильде ни разу не получил разрешения на посещение (первая встреча с Ирен состоялась 4 ноября). На деле «посещения» сводятся для заключенных к получению передач с едой, вещами и книгами.

[84] *Dawson Ch.* Les origines de l'Europe et de la civilisation européene/ Trad. de l'anglais sous la direction et avec un avant-propos de L. Halphen [*Даусон К.* Истоки Европы и европейской цивилизации]. Paris: Rieder, 1934. Оригинал «The Making of Europe: an introduction to the history of European unity» вышел в Лондоне в 1932 году. В отличие от Сеньобоса, эпонима истории позитивистской, республиканской и светской, Даусон (1889–1970) — это выдающийся представитель английской католической интеллигенции.

[85] *Moret A.* Le Nil et la civilisation égiptienne (Нил и египетская цивилизация) — книга известного египтолога Александра Морэ, вышедшая в 1926 году в серии «Эволюция человечества».

[86] «Toi et moi» (1913) — сборник интимистских стихотворений, написанных элегантно, но с несколько легковесным сентиментализмом, принесший Полю Жеральди (1885–1983) славу эфемерную, но реальную, поскольку продажи превысили полтора миллиона экземпляров.

[87] *Huart C.* La Perse antique et la civilisation iranienne [*Гюар К.* Древняя Персия и иранская цивилизация]. Paris: La Renaissance du livre, 1925. (Evolution de l'humanité).

[88] Во время последней встречи с женой за несколько часов до расстрела Борис Вильде назвал «Мысли» Паскаля своей «настольной книгой»; ср.:

Blumenson M. Le Réseau du musée de l'Homme [*Блюменсон М.* Подпольная сеть Музея человека]. Paris: Le Seuil, 1979. P. 249.

[89] Действительно, Бориса Вильде и Ирен Лот свел случай: она, изучая русский, поместила объявление о поиске русскоязычного собеседника в обмен на уроки французского языка, и Вильде, недавно приехавший в Париж, откликнулся...

[90] Вильде держал семью в стороне от своей деятельности в Сопротивлении, обращаясь с мелкими поручениями только к свояченице Эвелин Лот.

[91] «Монахи»: текст неразборчив.

[92] Этим прокурором, назначенным на процесс по делу подпольной организации Музея человека, был капитан Готтлоб, пронацистски настроенный эльзасец. Грубиян, развратник и любитель выпить, он знал, какие тяжелые обвинения выдвинуты против подсудимых благодаря предательству Гаво. Поэтому он стремится добиться от Вильде признаний, однако тщетно. Отсюда гнев и угрозы смертным приговором. Следует отметить, что одновременно с этим Готтлоб применял ту же тактику и те же угрозы в отношении другого заключенного, Пьера Вальтера. См.: *Blumenson M.* Le Réseau... P. 205–206. В течение процесса он вел с Вильде войну не на жизнь, а на смерть. По свидетельству Ж.-П. Карье, «это был здоровенный толстощекий детина лет тридцати, со светлыми вьющимися волосами и непременными очками в золотой оправе, который строил из себя красавца. Весь его облик говорил только о том, что он порядочная скотина» (цит. по: *Noguures H.* Histoire de la Résistance en France [*Ногер Г.* История Сопротивления во Франции]. Т. II. P. 165.

[93] Адвокат, приглашенный Ирен, – метр Краэлинг. На процессе он произнесет выразительную речь в защиту Вильде.

[94] Речь идет об известной поэме Оскара Уайльда «Баллада Редингской тюрьмы» (1898), написанной в заключении (Уайльд был приговорен к двум годам тюрьмы за гомосексуализм).

[95] Это, несомненно, «Молитва, испрашивающая у Бога правильного отношения к болезням», основной смысл которой в том, что для христианина любое событие – от Бога: так, событие, в глазах людей худое, по существу является добрым, поскольку идет от Бога и должно привести к Богу.

[96] В 1935 году в Малом дворце в Париже прошла замечательная выставка итальянского искусства, которая, по словам ежемесячника «Ларусс мансюэль», «объединила такой ряд произведений, какого никогда еще не видели и, несомненно, никогда больше не доведется увидеть» (1935. № 341. Juil. P. 155). Выставка стала настоящим событием, а во многом и открытием для просвещенной публики.

[97] *Lot F.* La France des origines a la guerre de Cent Ans [*Лот Ф.* Франция от истоков до Столетней войны]. Paris: Gallimard, 1941 – только что вышедший научный труд, предназначенный также и широкой публике.

Тесть Бориса Вильде, Фердинан Лот (1866–1952), выпускник Национальной школы Хартий (старейший научный центр в области изучения истории рукописной и печатной книги во Франции. – *Пер.*), архивист-палеограф, был доцентом (1900), а затем инспектором в Высшей практической школе (1917–1939), а также доцентом (1915) и преподавателем истории Средних веков (1920) в Сорбонне. Вышел на пенсию в 1937 году.

В 1909 году женился на Мирре Бородиной, дочери русского ученого. От их брака родились три дочери: старшая, Ирен, стала в 1934 году женой Бориса Вильде; средняя, Марианна Ман-Лот, выпускница школы Хартий, вышла замуж за преподавателя истории Жана Бертольд-Мана (в период с 1940 по 1942 год чета Ман жила в свободной зоне; впоследствии Жан Бертольд-Ман поступил на службу в вооруженные силы Франции и был убит 23 апреля 1944 года на р. Гарильяно); младшая дочь, Эвелин, жила с родителями в Фонтене-о-Роз.

Медиевист с мировым именем, Фердинан Лот написал множество трудов, посвященных преимущественно вопросам варварских нашествий, меровингскому и каролингскому периодам, проблемам Запада X–XII веков. Его последняя книга, выпущенная в 1948 году, называлась «La Naissance de la France» («Рождение Франции»).

Республиканец старой закалки, дрейфусар, член Лиги прав человека, он сразу же, в 1940 году, примкнул к Сопротивлению. О Фердинане Лоте см.: *Charle Ch.* Les Professeurs de la Faculté de Lettres de Paris: Dictionnaire biografique. T. II: 1909–1939 [*Шарль К.* Преподаватели парижского филологического факультета: Биографический словарь]. Paris: Ed. du CNRS, 1986.

Мирра Лот-Бородина была специалистом по религиозной мысли Средних веков (в особенности по поискам Грааля), а также поэтессой, автором многочисленных стихотворений на русском языке. Она была особенно близка со старшей дочерью и зятем и, возможно, повлияла на его выбор в духовной сфере.

[98] В этом месте в северной части гор Юра в июне 1940 года стоял артиллерийский полк Бориса Вильде. После коротких боев (в которых было много убитых и молодой этнолог лицом к лицу столкнулся со смертью на поле битвы) Вильде был взят в плен.

[99] Виднейший представитель немецкого протестантизма эпохи Вильгельма (время правления кайзера Вильгельма II (1888–1918). – *Пер.*), Адольф фон Гарнак (1851–1930), теолог и экзегет, издал в 1900 году работу «Das Wesen des Christentums» («Сущность христианства»). Книга не только имела скорый успех (продано 70 000 экземпляров, выполнены переводы на пятнадцать языков), но и способствовала началу модернистского кризиса в Католической церкви. Для Гарнака, совершенного воплощения либерального протестантизма, догма – это лишь надстройка, закон же по-

нимается преимущественно в терминах морали (отсюда крайне критичное отношение к нему Вильде: см. его записи от 4 ноября), поскольку сущность христианства сводится к почитанию Бога-Отца, совершенный пример чего подает Иисус.

По странному совпадению, как раз в то время, когда Вильде находится в тюрьме, сын и племянник Гарнака принимают активное участие в оппозиции Гитлеру в Германии. Первый, Эрнст фон Гарнак, бывший председатель правительства прусской Саксонии, яростный противник национал-социализма, принадлежит к группе Герделера и осуществляет связь с главами рабочего сопротивления и лидерами военной оппозиции. Задержан после покушения 20 июля и казнен 5 марта 1945 года. Наследник традиций либерального протестантизма, он любил повторять, что система, лишенная доброты и человечности, обречена на разрушение. Племянник, Арвид Гарнак, крупный чиновник Министерства экономики, борется с нацизмом совершенно иначе; увлеченный коммунистическими идеями, он (вместе с Шульц-Бойзеном) состоит в филиале советской шпионской сети «Красная Капелла». Он будет казнен, как и его жена Милдред, американка еврейского происхождения.

[100] В принципе, книги из тюремной библиотеки обменивались еженедельно, «паек» заключенных состоял из двух книг в неделю. Так что Борис Вильде ошибается с подсчетами, и только благодаря книгам, совсем другого уровня — которые приносят его близкие, он продолжает вести напряженную интеллектуальную и духовную жизнь.

[101] Мазо да Ла Рош, канадская романистка (1885–1961), одна из самых популярных писательниц своего времени. Автор пятнадцатитомной саги о семье Уайтоук из местечка Джална в Онтарио (после ее смерти было продано 12 миллионов экземпляров!).

[102] Речь идет о работе «Великие мыслители Индии: очерк сравнительной философии» (*Schweitzer A.* Les Grands Penseures de l'Inde: étude de philosophie comparée. Paris: Payot, 1936). Швейцер Альберт (1875–1965), теолог, философ, врач и музыкант одновременно, жил Африке, в Ламбарене, и после работы над вышедшим в свет в 1923 году двухтомником «Kulturphilosophie» («Культурфилософия») заинтересовался индийской мыслью.

[103] Любовный сонет, посвященный любви глубокой и таинственной, вышел в «Альбоме старых стихов» («L'Album de vers anciens», 1891–1893). Что касается «Морского кладбища» («Cimetière marin»), то в нем встречаются те же вопросы, что неотступно преследуют Вильде: смерть, природа, предназначение души, вечность... (Рус. пер.: *Валери П.* Рождение Венеры. М.: Азбука, 2000. — *Пер.*)

[104] Гарнак сделал выдающуюся университетскую карьеру. Став профессором университета в 23 года, он преподавал в Лейпциге, Гессене, Мар-

бурге, а с 1888 по 1924 год – в Берлине. Почести так и сыпались на него: в 1905 году – должность генерального директора Прусской государственной библиотеки в Берлине, в 1914-м – дворянский титул, пожалованный Гийомом II (Гарнак также президент Евангелическо-социального конгресса (1903–1912), а с 1910 года – президент основанного по его инициативе Общества содействия науке императора Вильгельма. – *Пер.*). В 1930 году Гарнак скончался, будучи на вершине славы.

[105] *Moret A., Davy G.* Des clans aux empires. L'organisation sociale chez les primitifs et dans l'Orient ancient [*Морэ А., Дави Ж.* От кланов к империям. Социальное устройство у первобытных народов и на Древнем Востоке]. Paris: La Renaissance du Livre, 1923 (Coll. «L'Evolution de l'humanité»).

[106] Вильде ошибается: допросы, конечно, закончены, но следствие продолжается и судебные заседания начнутся только через два месяца, 8 января 1942 года.

[107] Здесь в рукописи ошибка: Густав Глоц, специалист по истории Греции, никогда не занимался иудаизмом. Книгу «Les Prophètes d'Israël et les débuts de judaïsme» [«Израильские пророки и начало иудаизма»] (Paris: La Renaissance du Livre, 1935) из серии «Эволюция человечества» написал профессор Сорбонны Адольф Лодс.

[108] Письмо личного характера, не включенное в настоящее издание.

[109] Кто имеется в виду под инициалами, установить не удалось.

[110] Книга Марселя Гранэ «Китайская мысль» (*Granet M.* La Pensée chinoise. Paris: La Renaissance du Livre, 1934) вышла в серии «Эволюция человечества».

[111] Книга из серии «Эволюция человечества»: *Delaporte L.* La Mésopotamie: les civilisations babylonienne et assyrienne [*Делапорт Л.* Месопотамия: вавилонская и ассирийская цивилизации]. Paris: La Renaissance du Livre, 1923.

[112] Заметка в номере газеты «О Пилори» («Au Pilori») от 13 ноября 1941 года называется «Жидомасонский Музей человека» и представляет собой злобное разоблачение заправлявшей в Музее человека «шайки» «евреев, франкмасонов, иностранцев, тех, кто получил французское гражданство по милости Народного фронта». Бориса Вильде в ней определили как «франкмасона».

[113] «Signal» («Сигнал») – иллюстрированный журнал, выходивший на французском языке, но издававшийся в Германии.

[114] Только что вышедшая книга (1941), автор которой был французским посланником в Бухаресте (до того, как стать послом в Берне). Строгая оценка Вильде понятна: если нельзя не признать за Полем Мораном его достоинств космополитичного репортера и эстета, то здесь мы видим второсортное произведение, переполненное пространными и нарочитыми описаниями.

[115] После книг «Koenigsmark» («Кенигсмарк», 1918) и «L' Atlantide» («Атлантида», 1919) Пьер Бенуа выпускает каждый год по роману. «Зеленый остров» («L'Ile verte») появился в 1932 году, изобилует любимыми широкой публикой бурными экзотическими приключениями, выпавшими на долю классических молодых героев. Принадлежность П. Бенуа к Французской академии должна была только укрепить Вильде в его категоричном суждении об этой институции (см. запись 16 октября).

«Твердая земля» («Plancher des vaches») Жана Сармана — комедия в трех действиях, впервые поставленная в 1931 году и напечатанная в 1932 году в «Ла Птит Иллюстрасьон» («La Petite Illustration»). Ж. Сарман — один из удачливых драматургов периода между двумя войнами, специализировавшийся на легких комедиях и водевилях.

[116] См. примеч. 57.

[117] Марсель Гранэ родился в 1884 году, скоропостижно скончался в 1940-м.

[118] Письмо личного характера, не включенное в издание.

[119] Луи Эли, Жорж Бернар, Робер Бюзийе, Роже Круазло, Альберт Мюллер, Рене Гурвенек, Роже Огор, Франсуа Кеменер, Жозеф Пижан, Луи Стефан, Жозеф Тораваль были казнены 10 декабря на Мон-Валерьен. Молодые люди 20–30 лет были членами так называемой группы «Эли», первой группы сопротивления в Финистере, вошедшей в конце февраля 1941 года в состав подпольной организации «Братство Нотр-Дам». Задержаны в мае 1941 года, содержались сперва в Бресте, затем были переведены во Френ. Судебный процесс проходил в Париже, в «Отель Континенталь» с 8 по 22 ноября 1941 года.

Отвага приговоренных вызывала восхищение немцев. В фургоне по дороге на Мон-Валерьен они пели старинные бретонские песни. Трое из них сами отдавали команды при расстреле. Как Вильде мог не усмотреть в этом знак и прообраз собственного обвинительного приговора и казни?

[120] Глава XIII Второй книги «Опытов» называется «О том, как надо судить о поведении человека перед лицом смерти». Поразительно, как схожи мнения Вильде и Монтеня (для последнего смерть это «самое значительное событие человеческой жизни»). Там также можно найти рассуждения о нити жизни, прерванной в расцвете лет, и о самоубийстве, а также одну цитату из Цицерона, которая прекрасно согласуется с видением Бориса Вильде: «Я не хочу умирать, но быть мертвым мне представляется вещью, не имеющей значения» (Тускуланские беседы, 1, 8). («Emori nolo, sed me esse mortuum nihil aestimo» — «Я не боюсь оказаться мертвым; меня страшит умирание» (лат.). — *Пер.*)

[121] Les Mystiques allemands du XI au XIX siècle, choix de textes présentés et traduits par Jean Chuseville [Немецкие мистики XI–XIX вв./ Подбор текстов и пер. Ж. Шузевиля]. Этот сборник включает тексты св. Хильдегарды, Альберта Великого, св. Мехтильды, Майстера Экхарта, Анри Сюзо, Рюисбрука

5—352

Удивительного, Фомы Кемпийского, Ангелиуса Силезиуса, Себастьяна Франка, Якоба Беме, Новалиса, Анны-Катарины Эммерлих и др. Следует отметить, что один из этих авторов, Якоб Беме (1575–1624), прозванный «philosophus teutonicus» (хоть и был сапожником), особенно интересовался вопросами духовного возрождения и спасения и издал множество теософских работ (его имя упомянуто Борисом Вильде 26 сентября).

[122] Если Борис Вильде перечитывает «Воскресение», то, конечно же, не ради описания русских судов и тюрем конца XIX века, а ради выраженной в романе главной мысли Толстого о том, что истинное счастье состоит в смирении и самопожертвовании.

[123] Неизвестный автор из Франкфурта написал в XIV веке «Liber spiritualis» (или «Theologia germanica»), широко известную книгу, которая высоко ценилась Лютером и легла в основу «немецкого благочестия». Все попытки определить личность автора ни к чему не привели. Возможно, им был один из тевтонских рыцарей (что могло бы как-то объяснить близость Бориса Вильде с этим автором).

[124] У Паскаля эта мысль – очень краткая – предварена словом «Противоречие» (Мысль № 405 по изданию Брюнсвика).

[125] *Masson-Oursel P., Willman-Grabowska H., de, Stern Ph.* L'Inde antique et la civilisation indienne [*Массон-Урсель П., Вильман-Грабовска Х., де, Стерн Ф.* Древняя Индия и индийская цивилизация]. Paris: La Renaissance du Livre, 1933. Coll. «L'Evolution de l'humanité».

[126] Письмо личного характера, не включено в это издание.

Франсуа Бедарида

ПИСЬМА ИЗ ТЮРЬМЫ
28 мая 1941 – 23 февраля 1942

28 мая 1941[1]

Моя дорогая Ирен,

мне дозволено писать Вам по несколько строк каждые три недели, но не думаю, что Ваши письма также строго ограничиваются. Я чувствую себя прекрасно и физически и морально и нахожу, [что] терпение и философский взгляд на вещи соответствуют обстоятельствам, только волнуюсь, как Вы там дома, не имея никаких сведений ни о Вашем здоровье, ни о здоровье родителей. Надеюсь, что все в порядке.

Прошу передать мне пару носков, белый пуловер, полотенце и кусочек туалетного мыла. Не думаю, что Вам позволят повидаться со мной до суда, но знайте, дорогая моя, что я много о Вас думаю в вынужденном одиночестве и чувствую, что Вы тоже думаете обо мне. Одиночество и покой тюрьмы заставляют меня снова и снова пересматривать всю свою жизнь. Нашу жизнь.

У меня нет причин жаловаться на немецкую администрацию — они всегда были вполне корректны по отношению ко мне. Условия в Санте не слишком тяжелые. Но время, конечно, тянется очень долго.

Не могу сообщать Вам подробностей моего дела, скажу только, что совесть меня ни в чем не упрекает. Это единственное, что имеет значение. Поэтому я ожидаю суда без опасений.

Милый друг, надеюсь получить от Вас какие-нибудь новости. Нежно-нежно целую и обнимите за меня маму, папу и Эвелин.

Ваш Борис

15 сентября 1941[2]

Моя милая Ирен,

в тиши камеры я думаю о Вас с любовью и нежностью и неразрывно связан с Вами. Мы выше всего, что нас разделяет. Чувствую себя очень хорошо: не думайте, что я несчастен, одиночество не страшит меня и я открываю в себе способность вести насыщенную внутреннюю жизнь, несопоставимую с обычной повседневной суетой. Я, можно сказать, возвращаюсь к истокам, высвобождаюсь из своего общественного «я», восстанавливая «я» личное.

Если вкратце, то я наслаждаюсь внутренним миром, несмотря на все неприятности тюрьмы. Это не покорность, а принятие. Я, как всегда, ищу выгод в беде. Дорогая моя, благодарю за все заботы: за белье, фрукты, книги. Условия действительно идеальны для серьезного чтения, я занимаюсь грамматикой с огромным удовольствием и прилежанием.

За книги не волнуйтесь: все ценное потом вернут. Вот ориентировочный перечень интересующих меня предметов: древняя и современная *философия*; *история* великих цивилизаций (Иран, Индия, Египет и т.д.), религии (особенно христианство), история Франции; *языкознание* общее (философия и происхождение языка) и частное (хорошая грамматика французского языка, и потом, после греческого, я хотел бы заняться по возможности санскритом и венгерским); французская *литература* (моралисты XVII века и хороший поэтический сборник); современная *психология* и т.д. Выбор, как видите, более чем богатый.

Многие из интересующих меня вопросов представлены в серии «Эволюция человечества», так что не нужно ничего покупать. Может быть, Вам разрешат передать мне, помимо книг, какой-нибудь еженедельник, например «Ла Смэн» – чтобы не терять связи с действительностью (еще передайте мне губку или варежку для мытья).

Скоро будет шесть месяцев, как я в тюрьме, и думаю, что через несколько недель Вам позволят навестить меня и тогда Вы расскажете мне обо всем, что произошло за это время: о работе, здоровье родителей, учебе Эвелин. Часто с нежностью вспоминаю о доме и надеюсь, что все идет не плохо и продуктовые ограничения не слишком тяжелы. Передайте мои самые теплые чувства родителям и Эвелин.

Что касается моих матери и сестры, то не думаю, что у Вас есть какие-нибудь новости от них. Живы ли они? Где они? Мы сможем узнать это только после войны.

Моя милая Ирен, сегодня я видел Вас во сне и говорил Вам о моей любви и нежности. Ваше присутствие было для меня огромной радостью, но мне не нужно снов, чтобы чувствовать его. Я с Вами, навсегда.

Ваш Борис

16 января 1942

Любимая,

вот после-предисловие к моим «Френским листкам». Это жестокий подарок, и я знаю, что многие страницы заставят Вас страдать. Но сама эта жестокость есть знак моей совершенной уверенности в Вас и в Вашей любви, нашей любви.

Я написал эти страницы исключительно для самого себя, местами это только маяки на пути моей мысли (а множество

деталей останутся для вас непонятными, но это неважно). Я собирался уничтожить их, был готов сделать это, поскольку после последних строк (в среду 7 января) мне больше нечего добавить к ним, все стало настолько ясно и правильно, что у меня больше нет нужды даже в себе самом.

Но будет хорошо, если Вы ознакомитесь с этим дневником. Не хочу, чтобы Вы сохранили обо мне ложное представление. В письмах я выразил Вам лучшее, что есть во мне, будет справедливо, если Вы узнаете и о моих слабостях и недостатках. Боюсь, как бы Вы не сочли меня слишком «ангелом». Я просто человек и, по правде говоря, горжусь этим (человек, быть может, ценнее ангела).

Эти листки не представляют никакого литературного или философского интереса. Но они искренны.

Отправной точкой стало нечто, виденное мной в Санте: одно время я выполнял там мелкую работу, и вот однажды, убираясь в освободившейся камере, обнаружил на обрывке оставшейся от передачи оберточной бумаги такую простую и банальную фразу, написанную, возможно, женой заключенного: *я тебя люблю.* Я увидел тогда необъятное солнце любви, светящее в тюрьме.

В Санте у меня не было ни бумаги, ни карандаша. Только во Френ я начал записывать свои мысли. Понемногу я привык и стал находить в этом некоторое удовольствие. Вот каково происхождение этого дневника. Быть может, он послужит комментарием к моим письмам. Это частичка меня.

Понедельник, 23 февраля 1942[3]

Любимая моя, милая Ирен,

простите, что обманул Вас: когда я вернулся, чтобы еще раз Вас поцеловать, то уже знал, что это будет сегодня[4]. Если честно, то я горжусь своим обманом: Вы убедились, что я не был

напуган и улыбался как обычно. Я вступаю в жизнь с улыбкой, как в новое приключение, с некоторым сожалением, но без угрызений совести и страха. По правде говоря, я уже так далеко продвинулся на пути смерти, что возврат к жизни представляется мне в любом случае слишком сложным, если не вовсе невозможным.

Дорогая, думайте обо мне как о живом, а не как о мертвом. Я дал Вам все, что мог. О Вас я не тревожусь: придет день, когда Вы не будете нуждаться ни во мне, ни в моих письмах, ни в моей памяти. В этот день мы соединимся в вечности, в настоящей любви. А до тех пор мое духовное присутствие (единственно истинное), будет с Вами неразлучно.

Вы знаете, как я люблю Ваших родителей, ставших и моими тоже. Благодаря таким французам, как они, я научился знать и любить Францию, мою Францию. Пусть моя кончина станет для них более гордостью, чем горем.

Я очень люблю Эвелин и уверен, что она будет жить и работать на благо новой Франции. С братскими чувствами думаю обо всем семействе Ман. Постарайтесь смягчить известие о моей смерти для матери и сестры; я часто вспоминал о них, о детстве. Передайте всем друзьям мои благодарность и любовь.

Не хотелось бы, чтобы наша смерть стала поводом для ненависти к Германии. Я боролся за Францию, но не против немцев. Они выполняют свой долг, как мы выполняли свой.

Достаточно, чтобы после войны нам воздали должное. Впрочем, друзья из Музея человека нас не забудут.

Дорогая моя, я восхищаюсь Вашей выдержкой и уношу с собой память о Вашей улыбке. Постарайтесь улыбнуться, когда получите это письмо, как улыбаюсь я, когда пишу его (я только что посмотрелся в зеркало и обнаружил там свое обычное лицо). Мне на ум пришло четверостишие, написанное мной четыре недели назад:

Comme toujours impassible
Et courageux (inutilement)
Je servirai de cible
Aux douze fusils allemands*.

Честно говоря, в моем мужестве нет большой заслуги. Смерть для меня это осуществление Великой Любви, вхождение в подлинную реальность. На земле возможностью такого осуществления были Вы. Гордитесь.

Сохраните как последнюю память обо мне это обручальное кольцо: я целую его, снимая.

Это же прекрасно – умереть в добром здравии, в ясном уме, в полноте душевных сил. Такой конец по мне, в этом нет сомнений, и это лучше, чем внезапно пасть на поле боя или медленно угаснуть от мучительной болезни.

Вот, думаю, и все, что я хотел сказать. Кроме того, уже пора. Я видел кое-кого из друзей, они бодры, и меня это радует[5].

Любовь моя, милый *зверик*[6], бесконечная нежность к Вам поднимается из глубины моей души. Я ощущаю Вас подле себя, совсем близко. Я окружен Вашей любовью, нашей любовью, которая сильнее смерти. Не станем сожалеть о нашем бедном счастье, это такой пустяк в сравнении с нашей радостью. Как все ясно! Вечное солнце любви встает из пучины смерти.

Возлюбленная моя, я готов, я иду. Я покидаю Вас, чтобы вновь встретить в вечности.

Благословляю жизнь, щедро меня одарившую.

Навсегда Ваш
Борис

* Как всегда невозмутим
И отважен (без пользы)
Я послужу мишенью
Двенадцати немецким винтовкам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо написано в тюрьме Санте.

[2] Письмо написано в тюрьме Френ.

[3] Последнее письмо Бориса Вильде жене, написанное из Френ за несколько часов до расстрела.

[4] Утром понедельника, 23 февраля 1942 года, Ирен Вильде прибыла во Френ для встречи с Борисом Вильде и принесла ему чемодан. Они провели вместе три четверти часа. Затем Ирен ушла и ожидала, что охранник вынесет ей чемодан обратно. Однако ее предупредили, что Борис сделает это сам. В это время и приходил прокурор Готтлоб, чтобы сообщить приговоренным, что казнь состоится в тот же день после полудня. Вернувшись с чемоданом, Борис был очень спокоен и, ничего не сказав жене, поцеловал ее в последний раз. Затем он вынул из принесенной ею пачки бумаги два листа со словами: «Этого хватит». Ирен Вильде ушла, ни о чем не догадываясь. На этих двух листках и было написано его последнее письмо.

[5] Из десяти человек группы Музея человека, приговоренных к смертной казни, три женщины – Ивонн Оддон, Сильветт Лелё и Алис Симонне – были помилованы и их наказание заменено на высылку в Германию. Казнь семерых мужчин состоялась 23 февраля в 17 часов на Мон-Валерьен. Так как столбов оказалось только четыре, первыми были расстреляны четверо: Жюль Андриё, директор коллежа Бетюн; Жорж Итье, директор отдела грузоперевозок в компании KLM; адвокат Леон-Морис Нордман и девятнадцатилетний Рене Сенешаль по прозвищу «Мальчуган», бухгалтер Бетюна. Борис Вильде, Анатолий Левицкий, антрополог из Музея человека, и Пьер Вальтер, фотограф, попросили быть расстрелянными последними. Умирая, все пели «Марсельезу».

На следующий день, узнав о смерти мужа, Ирен Вильде с сестрой Эвелин посетила адвоката Вильде, метра Краэлинга. Тот описал ей последние минуты жизни осужденных и прибавил: «Мне неизвестно, мадам, был ли Ваш супруг верующим, но кончина его была в высшей степени спасительна». Затем она зашла к аббату Стоку, немецкому капеллану тюрьмы Френ,

который пробыл с осужденными до конца. По свидетельству священника, во время переезда из Френ на Мон-Валерьен Борис Вильде сказал ему: «Я не боюсь. Я хочу посмотреть смерти в лицо», и в другой раз: «Что такое смерть? Только мостик перейти». Закончил аббат Сток такими словами: «Я столько всего перевидал. Французы умеют умирать, но я не видел, чтобы умирали так, как эти семеро» (см.: *Blumenson M.* Le Réseau du musée de l'Homme. P. 264–265).

[6] В оригинале стоит русское слово во французской транскрипции. — *Пер.*

Франсуа Бедарида

«СВЕТ, ПРОСВЕЩАЮЩИЙ СМЕРТЬ»

Дневник Бориса Вильде, в котором он, сидя в одиночной камере, изо дня в день записывает свои мысли — эти, как он их называет, «Френские листки», — последние наблюдения человека, ожидающего смерти. Или, скорее, ожидаемого смертью: «Я знаю, что она ждет меня», — говорит он буквально на первых страницах своих записей, поскольку сам нисколько не обольщается в отношении собственной участи. Если первое время кажется, что он, вопреки всему, еще верит в какую-то возможность избежать казни, например благодаря высылке в Германию, то в действительности в глубине души он уже знает, что все кончено[1]. Впрочем, разве он не знает, насколько тяжелые обвинения выдвинуты против него? Что полиция Германии располагает данными о его шпионской деятельности и помощи врагам рейха? Его колеблющаяся между жизнью и смертью надежда очень быстро уступает место уверенности в скором расстреле: «Я не рассчитываю прожить дольше нескольких недель». С самого начала участия в Сопротивлении его сопровождало предчувствие конца: «Многие из нас будут расстреляны, и все мы окажемся в тюрьме», — сказал он одной из сотрудниц, участвовавших в подпольной работе Музея человека[2].

[1] Так, 14 сентября он записал: «Когда (и если...) я выберусь на свободу...», а 26 сентября: «Война продолжается, и пока она идет, мое освобождение неочевидно», но уже 24 октября: «Итак, милый друг, необходимо серьезно рассмотреть вероятность смертного приговора».

[2] См.: *Humbert A.* Notre guerre. P. 51 (воспоминание датируется сентябрем 1940 года). В марте 1941 года, за несколько дней до ареста, Вильде снова скажет ей: «Милая моя, мы все идем прямо в тюрьму, вы же сами знаете» (Ibid. P. 65).

Так родились размышления, которые он ведет перед лицом тайны человеческого предназначения. В них есть и тревога, и покой, есть волнующие моменты, и всегда – искренность. «Стоит хоть раз принять неизбежное и взглянуть ему прямо в лицо, как сразу обретаешь душевное равновесие и спокойную смелость встретить смерть без трепета». Действительно, для него речь идет о смерти, которую он принял и с которой примирился, «сохраняя все свои умственные способности», и которая, следовательно, «неизмеримо *богаче*, чем при внезапной аварии или на поле брани», как в случае с его друзьями, павшими в сражениях в июне 1940 года, о подвиге которых напоминает этот отрывок.

В его душе смешались фатализм («тридцать три года, подходящий возраст для смерти») и ощущение закономерности судьбы: «Быть расстрелянным – в каком-то смысле логичное завершение моей жизни. Кончить с блеском...» Одним словом, ощущение, которого до тех пор недоставало в его жизни.

Поэтому дневник, итог «лета моих невзгод», служит Вильде прежде всего для того, чтобы лучше видеть самого. «Это беглые заметки о долгих и трудных размышлениях [...]. В тюрьме Санте я начал размышлять о “самом важном” и о самом себе. В какой-то момент я заметил, что у меня, человека думающего, нет ни единой мысли ни о душе, ни о смерти, ни о Боге...» Так начинается раздумье с его вопросами, поисками правды, его болезненным продвижением к внутреннему покою и тишине. «Одиночество и покой тюрьмы заставляют меня снова и снова пересматривать всю свою жизнь». Отсюда настоящая благодарность к месту заточения: «Я открываю в себе способность вести насыщенную внутреннюю жизнь. [...] Я возвращаюсь к истокам...», поскольку «тюрьма действует на меня [...] как проявитель на пленку». Перед лицом столь трудной задачи интеллектуал Вильде, привыкший вгрызаться в жизнь зубами, чувствует вызов, прилив сил, приподнятость: «В одиночной камере открывается истинная цена человека». Здесь вспоминается Камю, описавший сразу по прошествии темных лет диалектику одиночества и солидарности участников Сопротивления: «Каждый одиночка знал о своем единстве с другими одиночествами».

Дневник начинается в июне 1941 года, по прибытии Бориса Вильде в тюрьму Френ. Вначале мы находим в нем афоризмы, мимоходом высказанные замечания, череду мыслей, накопленных за недели, проведенные в тюрьме Санте. Затем, начиная с июля 1941

года, дневник обретает свой ритм, следует за ежедневными размышлениями и чтением, направляемый неизменной потребностью в трезвом взгляде: это «моя собственная правда», — пишет Вильде. Записи обрываются 6 января 1942 года, накануне начала процесса по делу подпольной сети Музея человека. В течение процесса (8 января — 17 февраля 1942) Вильде больше ничего не записывает. Ничего вплоть до последнего письма жене, написанного в понедельник, 23 февраля 1942 года, за несколько часов до расстрела. Письмо, поражающее самообладанием, внутренним покоем, предельной ясностью ума. Письмо, пронизанное сверкающими вспышками, излучающими любовь, «светом, просвещающим смерть»[3].

Борис Вильде признается, что собирался в конце уничтожить эти странички, написанные исключительно для самого себя. Не потому, что они свидетельствуют о «слабостях» и «недостатках» автора, но потому, что цель — очищение — достигнута. *Катарсис* произошел. «Видение света» состоялось. Вильде первый говорит о недостатках дневниковых записей: «Есть в них очевидные ошибки, и грамматические погрешности, и даже противоречия». Перечитывая же их 1 января 1942 года, он выражается еще резче: «Можно ли назвать дневником мешанину из размышлений, пометок, комментариев отсутствия событий? [...] В нем предостаточно глупостей и пошлостей, ошибок во французском и орфографии, даже кривлянья, однако все это искренне, без притворства. Это уже много. И все время одна и та же двойная тема: любовь и смерть. Все время это стремление к абсолюту...»

Дневник, эти духовные «путевые заметки», свидетельствует о последовательном восхождении заключенного к сопричастности и жертве — не без активной внутренней борьбы и ценой медленно совершаемой победы над собой. Но на протяжении многих недель можно проследить некоторые сдвиги, направленные в конечном итоге на обретение уверенности в победе над смертью и в триумфе любви. Другими словами, этот дневник посвящен аскезе. Аскезе, как плод которой Вильде сможет записать: «Все стало так ясно и так правильно». Отсюда чувство внутреннего успокоения, освобождения от рабства «я», исполнения предназначения: «Напрасных жертв не бывает». Процесс «очеловечивания» («Я снова стал человеком: это поражение — моя великая победа») достигает своей кульминации в диалоге

[3] Такое определение любви Вильде дает в дневнике от 4 августа.

«двух я» – между 24 октября и 2 ноября 1941 года, – который Вильде определяет как «свой символ веры и духовную автобиографию». За чередой покаянных признаний, на исходе яростного одиночного поединка[4] нам открывается мучительная диалектика привязанности и отстраненности, конечности и бесконечности, сознания земного и сознания в вечности. То, что Вильде называет «тайной крови и инстинкта с одной стороны, духа и души – с другой».

С каждой страницы дневника веет незаурядностью. Чем больше раскрывается образ Вильде-человека, тем очевидней становится то глубокое впечатление, которое он производил на всех, начиная с товарищей по Сопротивлению. Все в нем служило этому: представительный вид, личный магнетизм, врожденное лидерство. Послушаем, к примеру, Клода Авелина: «Вильде был светловолосый, сильный и холодный, владеющий собой атлет, нордический бог». Кроме того, Авелин упоминает «его превосходство, его хладнокровную отвагу» и продолжает: «Я никогда не встречал человека, в котором ощущалось бы подобное самообладание, а оно особенно требовалось при таком светившемся внутренним огнем взгляде, как у него»[5]. Такое же воспоминание осталось у Симоны Мартен-Шоффье, которая встречалась с Вильде лишь однажды, на подпольном собрании накануне его ареста: «Он был там, такой близкий и в то же время такой далекий, как бог, ученый, заблудившийся ребенок»[6].

Другие участники Сопротивления из подпольной сети Музея человека, вслед за Аньес Гюмбер, подчеркивают «его холодный и блистательный ум, его выдающуюся личность», как и «его высокие моральные качества»[7]. Так и Жан Кассу вспоминает молодого ученого «с выражающим колкий сарказм лицом и ясными глазами»[8]. Со своей стороны Жак Сустель, заместитель директора Музея человека, который близко знал Вильде еще в довоенные годы, вспоминал об этом «надежном, сосредоточенном, с богатым внутрен-

[4] «Одиночество не страшит меня, и я открываю в себе источник внутренней жизни» (письмо от 15 сентября 1941 года).

[5] Les Lettres Françaises. 1945. № 44. 24 févr.; «Il avait l'aspect d'un dieu nordique, il était beau» // Europe. 1946. XXIV. 5 mai.

[6] *Martin-Chauffier S.* A bientôt quand même. Paris: Calmann-Lévy, 1976. P. 104.

[7] *Humbert A.* Op. cit. P. 33, 66.

[8] *Cassou J.* La Mémoire courte [*Кассу Ж.* Короткая память]. Paris: Ed. de Minuit, 1953. P. 57.

нем миром» коллеге одних с ним лет в таких выражениях: «Помню Вильде – среднего роста, коренастый, что-то величественное в грубых чертах лица, очень светлые глаза и волосы. Слышу его глухой голос, когда он как-то особенно отвечал: “Ладно!” – как удар молотка, если ему толковали о какой-то проблеме или объясняли некую задачу»[9].

Действительно, такой человек, как Борис Вильде, привлекательный и романтичный, с серо-голубыми глазами, светлыми волосами, с обликом загадочного авантюриста, не оставался незамеченным. Со своей стороны, Поль Ривэ, его начальник в Музее человека, не без некоторого преувеличения представлял его наследником неутолимого пыла русских революционеров. «Вильде, – говорил он, – сын Революции, он носит Революцию в самом себе»[10]. И конечно же, именно эта репутация человека элиты, помноженная на его известность как ученого, объясняет то, что столько знаменитостей добивалось для него помилования после вынесения смертного приговора: Франсуа Мориак, Поль Валери, Жорж Дюамель. А Фернан де Бринон ничего не предпринял в его защиту[11].

Но человек этот, ведущий за собой других, был в то же время внимателен к внутреннему содержанию, имел духовные запросы наравне с интеллектуальными, был занят главными вопросами бытия, спеша найти ответы до наступления неизбежного, как он понимал, конца. Человек бурный и задорный, отмеченный страстью к риску и провокации (вовсе не случайно, что в свое время в Эсто-

[9] *Soustelle J.* Envers et contre tout [*Сустель Ж.* Вопреки всему]. Paris: Laffont, 1947. T. I: De Londres à Alger. P. 198.

[10] *Humbert A.* Op. cit. P. 34. Это мнение разделяет и Жорж Фридман: «Тот же тип молодых коммунистов, с которым я познакомился там, в СССР» (Ibid. P. 52). Не следует, однако, отрицать и того, что Вильде оправдывает элиту, о чем свидетельствуют его иерархический взгляд на общество и в особенности его аллергия на массовое современное общество (Вильде упрекает его за уравнительный, коллективный и стандартизирующий характер).

[11] По свидетельству адвоката другого приговоренного к смерти, Пьера Вальтера (ср.: *Humbert A.* Op. cit. P. 165), и согласно дневнику П. Вальтера (цитируемому в книге: *Blumenson M.* Le Réseau du musée de l'Homme. Paris: Seuil, 1979. P. 235). О Бриноне см.: *Noguères H.* Histoire de la Résistance en France. Paris: Laffont. T. I. P. 350–351.

нии он взял для своих первых рассказов псевдоним «Дикой»), одновременно увлекающийся и саркастичный, пылкий и насмешливый, любящий физические нагрузки, радости плоти и все земные удовольствия. Он, восторгающийся таежным ветром, скачками на диких лошадях, бурей на Чудском озере, понемногу остепеняется – не без бунта и ошибок – вплоть до того, что в тюрьме открывает в себе терпение, самоотречение, душевный покой.

Так понемногу обретается смысл и логика того авантюрного образа жизни, который он вел. Его жизнь, поясняет Аньес Гюмбер, была «сплошным необыкновенным приключением»[12]. «Он верил в свою звезду», – уточняет Клод Авелин[13]. Сам Вильде вполне осознавал эту свою черту: «Если быть честным до конца, то придется признать, что я был и остаюсь прирожденным авантюристом». Авантюрист по рождению и по призванию, Вильде вдруг обрел в Сопротивлении жизнь по своей мерке. Подпольная деятельность – сама по себе увлекательное приключение – оказалась для него редкой удачей. Возможностью осуществления себя. Каждый день рядом с опасностью, рискуя всем ради всего в благородной битве – битве за святое дело. «Опасность – это приправа, придающая вкус самой *пресной* жизни», – пишет он. Доходило до исключительных поступков, как в тот раз, летом 1940 года, когда Вильде, выдавая себя за высокопоставленного немецкого офицера, самочинно явился и на глазах у изумленных военных забрал обратно музейную мебель из немецкого солдатского клуба. Склонный к романтизму, он находит удовольствие в секретах и тайнах – так, Андре Вейль-Кюриэль сообщает, что он собирался вести переписку с Лондоном, используя симпатические чернила[14].

Надо признать, что в подобном поведении несомненно присутствует доля игрового азарта. В чем Борис Вильде сам первый сознается: «Это так здорово – оказаться в опасности, от которой только чудо может тебя спасти (тем более, что не всегда бываешь уверен,

[12] *Humbert A.* Op. cit. P. 34.

[13] *Aveline C.* Les Lettres Françaises. 1945. 24 févr.

[14] «Уходя, Вильде передал мне маленький пузырек симпатических чернил собственного приготовления, которыми можно было воспользоваться в Лондоне для переписки с ним. Это вещество проявлялось само» (*Weil-Curiel A.* Le Temps de la honte. Paris: Ed. du Myrte, 1947. T. III: Un voyage en enfer. P. 15, 40–41).

что это чудо произойдет)». И продолжает: «Не играю ли я всем, что есть самого святого? Пусть так, но разве весь мир это не просто игрушка богов?» В крайнем случае дело доходит – Вильде сам говорит об этом – до самоубийства, навязчивой темы, постоянно возникающей в его размышлениях. Все-таки, говорит Жан Кассу, если глава подпольной сети Музея человека и может быть причислен к авантюристам, то это авантюрист особого рода, в хорошем смысле слова: «Все ему представлялось легким, и дела и мысли, и потому он был авантюристом – авантюристом по духу, подлинному духу приключений», то есть не игра ради игры, но «риск ради конечной цели риска, которая непременно чиста и высока»: цели особо ценной, в свободе и радости, до самой смерти[15].

В действительности в тюрьме Борис Вильде начинает ощущать, что его авантюрная жизнь продолжается: «Думаю, что я переживаю, наконец, величайшее приключение в своей жизни, *мое* приключение, таков экзамен, в перспективе которого вся предшествующая жизнь – только подготовка. Экзамен сложный, и я горжусь этим. А если завалю, что ж – буду хотя бы *допущенным*!» В этом движении можно различить определенную логику: «словно пущенная стрела». Поэтому раздается крик, призыв: «Рембо, дорогой брат, далекий товарищ...» Что же касается главного приключения, то оно разыграется перед взводом, совершающим расстрел, что заставляет Вильде писать в последнем письме прекрасные слова, в которых смерть приравнена к иной жизни: «Я вступаю в жизнь с улыбкой, как в новое приключение».

Читая дневник, есть, на первый взгляд, чему удивляться, а именно: полному отсутствию внешнего мира, исторической шумихи. И это в то время, когда разворачивается решающая схватка за судьбы Европы, тем более что сам Вильде – один из героев этой истории, находящийся в самой гуще событий. На это можно ответить, что узника интересует прежде всего его внутреннее состояние, что в первую очередь он стремится проникнуть в тайну жизни – соединение смерти и бессмертия. Тем не менее, листая дневник, мы находим краткие упоминания об актуальных событиях: крупных сражениях на Восточном фронте с их многомиллионными жертвами, вступлении в войну Соединенных Штатов и др.

[15] *Cassou J.* Une vie pour la liberté. Paris: Laffont, 1981. P. 141–142.

Особенно показательны рассуждения о состоянии Франции после поражения и о неизбежности по меньшей мере временного господства Германии, поскольку в них раскрывается психология первых деятелей Сопротивления. Все начинается со странного замечания весной 1941 года («О, если бы немцы могли быть немного психологичней, а французы немного достойней!») и оканчивается словами о «французском упадке» и немецкой Европе, упадке, вызванном порождающим скепсис и насмешки сверхинтеллектуализмом и всеобщим эгоизмом – двумя причинами разложения страны. С этого начинается закат Франции как великой нации. Она окажется низведена до роли художественного и литературного салона и производителя предметов роскоши в подчиненной Германии Европе, сильной благодаря армии, индустрии и завоеванному на Востоке жизненному пространству.

Хотя Вильде и был, ведя подпольную борьбу, непримиримым врагом нацистской Германии, он вовсе не испытывает враждебности или отвращения к немцам. «Я никогда не руководствовался ненавистью», – отмечает он. Он не только не проявляет антипатии к немцам, но является другом и поклонником подлинной Германии, искажаемой и разъедаемой ядами национал-социализма. Поскольку его протест относится прежде всего к идеологии, к отрицающему все основополагающие принципы гуманизма режиму, он совершенно чужд шовинистического национализма: «Быть *человеком* прежде, чем быть немцем, солдатом, судьей...» Чтобы ясно показать свое уважение к людям независимо от их военной формы, Борис Вильде после оглашения смертного приговора не колеблясь подходит пожать руку председателю, капитану Роскотену, а также судебному секретарю немецкого военного трибунала[16]. В этом смысле поразительной правдивостью и чистотой отмечено его последнее письмо жене, написанное за несколько часов до расстрела: «Не следует, чтобы наша смерть стала поводом для ненависти к Германии. Я боролся за Францию, но не против немцев. Они выполняют свой долг, как мы выполняли свой».

Другая отличительная черта Вильде и его дневника: любовь к Франции. Приехав в Париж в 1932 году, приняв французское гражданство в 1936 году, он проникся настоящим чувством к сво-

[16] См.: *Humbert A.* Op. cit. P. 161; *Blumenson M.* Op. cit. P. 239.

ей приемной родине. Настолько, что испытал страшный шок, подобный «острой физической боли», когда, вернувшись в июле 1940 года в Париж для работы в Музее человека, увидел на улицах столицы немецких солдат. На это новое и сильное чувство патриотизма указывают мелкие подробности: он начинает писать свою фамилию на французский манер, с «é» на конце — Vildé, вместо германо-балтийского Vilde или Wilde; берет для подполья псевдоним «Морис», французское имя, отдаленно напоминающее «Борис», и т.п. В суде, когда Вильде упрекнули в том, что он, не француз по рождению, воевал против немцев, он парировал, процитировав Гете: «У всякого человека есть две родины: своя, а после нее — Франция».

В диалоге двух «я» заключенный говорит о природе своего патриотизма: «Я люблю Францию. Люблю эту прекрасную страну и ее народ». Он вовсе не был слеп в отношении недостатков французов, их честолюбия, эгоизма, их извращенного вкуса к политическим дрязгам, но французский народ продолжает оставаться «бесконечно человечным». И «для того, чтобы истинная Франция могла однажды воскреснуть, нужны жертвы». Еще он с особым чувством выражает признательность семье Лот. Эти люди не просто приняли его, но и научили знать и любить Францию: «мою Францию», как он прекрасно сказал перед смертью.

Основное занятие заключенного в одиночной камере — это чтение. Поэтому значительную часть дневника составляют комментарии, суждения, размышления над книгами, которые ему присылает семья Лот и которые он «проглатывает» с ошеломительной скоростью. Такое чтение обнаруживает в нем и исключительно любознательный ум, и в то же время ненасытность. «Какую книгу получу завтра?» — беспокоится он, замечая, что в этом вопросе заключена непредсказуемость его жизни.

Этнолог в нем все более и более увлекается философией, историей религии, языкознанием, его размышления посвящены двум главным темам: время и вечность — с одной стороны, язык и мысль — с другой. На каждой странице дневника запечатлена необыкновенная культура Вильде, его духовное небезразличие, с которым по силе сравнится только его способность к рефлексии, его энциклопедические познания в языках, литературе, истории цивилизаций.

Здесь сошлись и все философы минувшего и настоящего, и писатели и поэты: Бергсон и бл. Августин, Платон и Ницше, Спиноза и Клодель, Паскаль и Гете, Монтень и Толстой, Достоевский и Рембо, а с ними и немецкие мистики, и Адольф фон Гарнак, Альберт Швейцер, Шарль Сеньобос, Лев Шестов, Райнер Мария Рильке. А еще – Чарлз Морган, автор ныне несколько подзабытый, но очень популярный в те времена. Его «Спаркенброка» Вильде увлеченно читает и перечитывает, несмотря на то что главная триада Моргана – искусство, любовь, смерть – не совпадает с «тройкой» Вильде – «я», любовь, смерть. Порой пленника посещают сомненья, тревога, заставляющая его задаваться вопросом: «Или ты полагаешь, что моя, мне одному предназначенная истина сокрыта в книге другого?»

Книги, о которых он просит жену в письме, перечисляя свои предпочтения, посвящены вопросам философии, истории, психологии, цивилизаций Средиземноморья, Востока, Азии, в особенности это книги из серии «Эволюция человечества». Это и книга Леона Робэна по греческой философии, и Марселя Гранэ по китайской мысли, и другие – о Египте, Месопотамии, Персии. Но самый большой интерес у Вильде вызывают восточные, особенно индийские, мыслители, их он считает лучшими, поскольку выраженное у них видение мира дает пищу для его мистического увлечения учениями о переселении душ, о внутреннем покое нирваны и о возможности общения между людьми после смерти. Среди всего этого попадается несколько «легких» книжек из тюремной библиотеки: взятые просто для развлечения, они интересуют заключенного в гораздо меньшей степени, а иногда и просто разочаровывают его.

Что касается отношений Вильде с христианством, то они оказываются очень сложными. Хотя он и утратил веру в очень юном возрасте, его близкое знакомство с этим учением несомненно. Прежде всего с православным христианством, которым было пронизано его благочестивое детство и мистический отпечаток которого он сохранил в себе, но также и с протестантизмом (так, он хорошо знаком с либеральным немецким протестантизмом XIX–начала XX века), и с католичеством. Но если совершенно очевидно, что Вильде воспринял основополагающее измерение христианства – видение смерти как нового рождения («если зерно не умрет»), позволяющее избавиться от страха навсегда исчезнуть, то

недостает ему понимания другого, еще более важного измерения христианской веры: измерения воплощения, *личной* связи всякого человека с *личностью* Христа, *личной* и бесконечной любви Бога ко всякой твари. Поэтому даже если тайна смерти подчинена и побеждена, эсхатология Вильде приводит к растворению во Вселенной, где, наверное, возможно общение душ (вероятно, в Вечности), но где стирается личное предназначение каждого.

Между тем среди множества авторов, дающих Вильде пищу для размышлений, нельзя не отметить отсутствия двух очень значительных фигур: Жида и Мальро — двух властителей дум, блиставших в ту пору на интеллектуальном небосклоне (с той лишь оговоркой, что Жид с похвалой упоминается в диалоге двух «я»).

Что касается Андре Мальро, то нам известно, что Вильде был с ним лично знаком по совместной работе в довоенный период. Возможно, молчание, которое хранит дневник в отношении его, есть следствие разочарования отказом писателя примкнуть к Сопротивлению. Действительно, находясь в свободной зоне в период между январем и мартом 1941 года, Вильде посещал Мальро на Лазурном Берегу с целью убедить его вступить в подпольную группу вместе с друзьями Жаном Кассу, Клодом Авелином, Марселем Абраамом, Жаном Польханом, Пьером Берто и др. Но, как сообщает Кассу, которому Вильде по возвращении в Париж пересказал их разговор, Мальро ответил категорическим отказом. «Будем серьезны. У вас есть оружие?» — сказал он. В действительности — и в этом сходятся многие свидетельства, — чтобы вступить в борьбу, Мальро дожидался оружия... и американцев[17].

С Андре Жидом все совершенно иначе. Не только сам Вильде сохраняет восхищение и привязанность, но и дневник указывает на влияние, прямое или косвенное, его книг. Вильде посетил и его на юге Франции (поездка в Кабри, вероятно, 16 февраля 1941 года). Но там он был встречен тепло и с воодушевлением. Не раскрывая вполне собственной подпольной работы, Вильде говорил об очагах сопротивления, созданных в свободной зоне, о подпольно рас-

[17] *Cassou J.* Op. cit. P. 144–145. Это свидетельство подтверждается и Симоной Мартен-Шоффье, которая также встречалась с Мальро (но в оккупированной зоне, в Йоне, в сентябре 1940), пытаясь убедить его, однако столкнулась с теми же доводами (см.: A bientôt quand même. Paris, 1976. P. 55–60).

пространяемых листовках и т.п., так что Жид немедленно свел его с гостившим у него проездом Пьером Вьено[18].

«Я», любовь, смерть… Никакие книжные познания не могут удовлетворить ищущий правды ум узника. Вначале слишком многие вопросы остаются без ответа среди диалектического шума бытия земного и надмирного, времени и вечности, имманентности и трансцендентности. Но потом понемногу свет начинает просвещать заключенного в одиночке человека.

Прежде всего потому, что для него «разум не единственное средство познания»[19], Борис Вильде резко осуждает сухость и бедность чистого рационализма. Озарение идет от опыта, от интуиции и от любви, «чудеснейшего источника совершенного знания». Другими словами, антропологу Вильде необходимо ввести иррациональное в интеллектуальный акт, интегрировать его в философию, поскольку иррациональный опыт – религиозный или мистический – является одной из главных составляющих человека.

Действительно, не только все мистические опыты схожи, взять ли христианских святых или шаманов в экстазе физической любви, но и «душа неотделима от тела, материя духовна». Идет ли речь о возвышенном духовном или возвышенном плотском, в обоих случаях это освобождение: освобождение из плена «я». Отсюда полуфилософский-полурелигиозный синкретизм, объединяющий в единое целое Будду и Христа, Плотина и бл. Августина, Лютера и Ницше, христианский мистицизм и индийскую мудрость.

Но прежде достижения необходимого отрешения существует привязанность к земным благам, к жизни, «этому удивительному приключению». «Я люблю жизнь. Господи, как я люблю ее!» – восклицает Вильде. Впрочем, в его глазах будет ошибкой противопоставлять жизнь смерти. Между «двумя этими неисчислимыми величинами» «нет противоречия. Одна дополняет другую, продолжает, завершает». Поэтому «можно любить жизнь настолько, чтобы при-

[18] См.: *Gide A.* Ainsi soit-il [*Жид А.* Да будет так] // Journal 1939–1949. Souvenirs. Ed. de la Pléiade, Paris: Gallimard, 1954; Cahiers de la Petite Dame: Notes pour l'histoire authentique d'André Gide 1939–1945; Cahiers André Gide. Paris: Gallimard, 1975. № 6. P. 227. См. также: *Blumenson M.* Op. cit. P. 147.

[19] Дневник от 23 октября 1941 года. 26 сентября Вильде записывает: «Сам я никогда не был рационалистом».

нять смерть с улыбкой. Это улыбка Будды». Получается, что, хотя и не существует личного бессмертия души, всякое существо участвует в вечной жизни. К такому эсхатологическому выводу приходит Вильде в конце диалога двух «я»: «Я ничего не знаю о том, что за гробом. У меня одни сомненья. Все же вечная жизнь существует». Нерушимая часть бытия — это бессмертие души.

Этим определяется то центральное место важного внутреннего противостояния, которое занимает спор двух «я». В этом «сократическом диалоге», по словам Ива Лелонга[20], он противопоставляет, с одной стороны, «Я-1» — разумное и резонерствующее, вдумчивое и рефлексирующее сознание, духовную сущность, полную решимости победить судьбу возвышенностью и отрешением, подчинив себе тем же движением жизнь и смерть, с другой же — «Я-2», плотское, инстинктивное, жизненное, привязанное к временному, пронизанное любовью к жизни и удовольствиям, равно земным и интеллектуальным. Ему мы обязаны вкуснейшими и талантливейшими описаниями. В погоне за объективностью «Я-1» понемногу распространяется на «Я-2»: духовное восхождение, в конце которого заключенный научается принимать смерть: «Ты понял любовь и ты любишь». Ибо всякая любовь, «какой бы ничтожной она ни была, заключает в себе частицу божественности».

С этого момента страх смерти преодолен. «Всеобъемлющая любовь должна любить смерть», поскольку та освобождает божественную частицу, называемую «душой» или «духом». В то же время устанавливается и таинственное соответствие между любовью и смертью: «Любовь подобна смерти». Отсюда последняя фраза дневника: «Смерть... Я не чувствую ни страха, ни презрения [...]. Победить смерть — значит полюбить ее». Отсюда и последнее письмо Вильде жене: «Смерть для меня это осуществление Великой Любви, вхождение в подлинную реальность».

Как тут не вспомнить о современном дневнику Вильде произведении еще одного интеллектуала и борца — только по другую сторону Ла-Манша, — одного из самых одаренных писателей своего поколения (хотя и на десять лет младше Вильде), пилота R.A.F.* Ричарда

[20] *Lelong Y.* L'heure très sévère de Boris Vildé [*Лелонг И.* Тяжелые времена Бориса Вильде] // Visages de la Résistance. La Liberté de l'Esprit. 1987. XVI. P. 334.

* R.A.F. — Royal Air Forces, британские военно-воздушные силы.

Хиллари, автора «The Last Enemy», погибшего в январе 1943 года в небе над Великобританией! На последних страницах написанной им в 1941 году и вышедшей в Лондоне в 1942 году книги сходным образом говорится о смерти и вечности, о рациональном подходе и мистическом опыте, об оправдании страданий и таинственной связи между людьми, о любви, которая сильнее смерти, в свете опыта одного из друзей Хиллари, летчика Питера Пиза, павшего в бою в 1940 году, и его невесты Дениз. У Хиллари, как и у Вильде, мы находим тот же мучительный поиск обещаний вечности, ту же уверенность в присутствии дорогих ему существ и за порогом смерти...[21]

«Кто вспомнит Бориса Вильде и его товарищей?» — с горечью спрашивает себя его молодая свояченица после страшного события[22]. Заключенный ответил на этот вопрос заранее, за три месяца до смерти. Исполненный доверия к друзьям, он записал: «Я еще долго останусь жив в их памяти».

Сегодня, когда сохранилось не много видимых напоминаний о «деле Вильде» — улица имени Бориса Вильде в парижском предместье Фонтене-о-Роз (и ничего в Париже), очень скромная мемориальная доска в Музее человека — остается дневник, «дневник хирургической остроты ума, дело ученого, который на пороге смерти смотрит на себя без слабости»[23].

[21] Название «The Last Enemy» («Последний враг») взято из Первого послания к коринфянам: «Последний же враг истребится — смерть» (1 Кор. 15, 26). Было выполнено два французских перевода этой книги: «La dernière Victoire» (Londres: Hachette, 1944) и «Le dernier Ennemi» (Paris: Ed. France-Empire, 1953). На Ричарда Хиллари оказали сильное влияние встреча с Сент-Экзюпери и его рассуждения о душе и человеческой судьбе. См. близкие с Вильде места: конец гл. VI (фр. пер., 1944. С. 147–148) и выводы в конце IX главы (там же. С. 197–199).

[22] Цит. по: *Blumenson M.* Op. cit. P. 226.

[23] *Soustelle J.* De Londres à Alger. P. 198. В августе 1944 года, при освобождении Парижа, имя «секции Левицкий—Вильде» было присуждено группе FFI («Forces Françaises de l'Intérieur», французские внутренние силы (движения Сопротивления в 1940–1944 гг. — *Пер.*)), занимавшей дворец Шайо. Было также предложено переименовать площадь Трокадеро в «площадь Левицкий—Вильде». См.: *Leiris M.* Journal 1922–1989/ Ed. J. Jamin [*Леирис М.* Дневник 1922–1989]. Paris: Gallimard, 1922. 21–23 août 1944. P. 401–402, 406.

Как признание правого дела Бориса Вильде и настойчивое напоминание о том, что «если зерно не умрет...», произошли два символичных события. Прежде всего, когда подпольная сеть оказалась обезглавлена, на смену явился другой видный деятель: Пьер Броссолет* составил и издал пятый, и последний, выпуск газеты «Резистанс», вышедший 5 марта 1941 года. С другой стороны, за три дня до казни Бориса Вильде, 20 февраля 1942 года, была закончена печать «Молчания моря»** — на тех самых печатных станках, на которых впоследствии заработает издательство «Эдисьон де Минюи». Воистину, «напрасных жертв не бывает».

Франсуа Бедарида

* Пьер Броссолет (1902–1944) — известный журналист, один из лидеров Сопротивления. Покончил с собой, боясь заговорить во время пыток в парижском гестапо. Его именем названы улицы в Париже и предместьях.

** *Vercors.* Le Silence de la mer. Веркор (псевдоним, настоящее имя Жан Брюллер), французский писатель и художник. Совместно с П. де Лескюром основал в Париже подпольное «Полночное издательство», в котором под именем Веркор (название лесистого предгорья Альп) опубликовал повесть «Молчание моря» — литературный манифест духовно непокоренной Франции, а также антифашистскую повесть «Шествие со звездой». Рус. пер.: *Веркор.* «Молчание моря» и другие рассказы. М.: Издатинлит, 1959.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРВЫЙ НОМЕР ПОДПОЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «РЕЗИСТАНС» (15 декабря 1940)

Выпущенный силами маленькой группы парижских участников Сопротивления, в числе которых Борис Вильде, Жан Кассу, Клод Авелин, Марсель Абраам, Жан Польхан, Аньес Гюмбер и др., первый номер подпольной газеты «Резистанс» (название было подсказано надписью, нацарапанной узницей-протестанткой в Башне Констанции в Эгю-Морте: «Сопротивляться») вышел 15 декабря 1940 года.

Представленный здесь текст – передовица первого номера. По свидетельству Клода Авелина, составлена она Борисом Вильде (*Aveline C.* Boris Vildé // Europe. 1946. I-er mai. P. 1. См. также воспоминания об этом в кн.: *Martin-Chauffier S.* A bientôt quand même. Paris, 1976. P. 81: «Это были всего-навсего несчастные листочки, отпечатанные на ротаторе с обеих сторон, но они назывались "Сопротивление". Прекрасное слово, прекрасное безумие, прекрасная страсть... В подзаголовке значилось: "Официальный бюллетень Национального комитета общественного спасения № 1")». Предложив Симоне Мартен-Шоффье прочитать передовицу, Клод Авелин добавил: «Она прислана нам полностью готовой. И она *удачная*».

Сопротивляться! Этот крик рвется из ваших сердец, из глубины отчаяния, в которое погрузил вас разгром родины. Это крик всех непокорившихся, всех, стремящихся исполнить свой долг.

Но вы чувствуете себя разобщенными и безоружными, в хаосе идей, мнений и систем вы ищете, в чем ваш долг. Сопротивляться – это уже значит сберечь свое сердце и свои мозги. Но прежде всего это действовать, делать что-то, что выражается в позитивных делах, разумных и полезных поступках. Многие пытались, и часто отступались, видя свою беспомощность. Другие же объединились. Но подчас их группы оказываются в свою очередь разобщены и бессильны.

Терпеливо, с трудом мы отыскивали и собирали их. Их уже много (в одном только Париже больше целой армии), людей горячих и решительных, которые поняли, что их усилиям необходима организация и что им нужны методы, дисциплина, руководство.

Какие методы? Объединяйтесь в ячейки с теми, кого знаете. Сами выбирайте себе старших. Старшие свяжутся с надежными людьми, которые направят их и дадут нам подробный отчет. Наш комитет берет на себя руководство, чтобы координировать ваши действия с теми, кто находится в свободной зоне, и теми, кто сражается вместе с нашими союзниками. Ваша непосредственная задача – сорганизоваться, чтобы вы могли вступить в борьбу в тот день, когда получите приказ. Будьте разборчивы, привлекая решительных людей, и ставьте над ними лучших. Ободряйте и побуждайте тех, кто сомневается и кто больше не смеет надеяться. Разыскивайте тех, кто отрекся от Родины и предал ее, и следите за ними. Всякий день собирайтесь и передавайте информацию и важные наблюдения старшим. Держитесь строжайшей дисциплины, соблюдайте предельную осторожность и полную тайну. Остерегайтесь людей неразумных, болтунов, предателей. Никогда не хвастайтесь, никому не доверяйтесь. Постарайтесь взять на себя необходимые расходы. Позже мы обеспечим вас средствами, которые стараемся сейчас собрать.

Принимая на себя руководство, мы дали клятву посвятить все этой службе – решительно и беспощадно.

Еще вчера незнакомые друг с другом, никогда прежде не принимавшие участия в политической борьбе ни в сенате, ни в правительстве, независимые, простые французы, избранные для дела, которому обязуемся <служить>, у всех нас только одно стремление, одна страсть, одно желание: возродить Францию, чистую и свободную.

Национальный комитет общественного спасения

БИБЛИОГРАФИЯ

Воспоминания и свидетельства

Aveline C. L'affaire du musée de l'Homme // Les Lettres Françaises. 1945. № 44. Février.

Aveline C. Boris Vildé // Europe. 1946. XXIV. 5 mai. P. 1–15.

Aveline C. Le Temps mort. Paris: Mercure de France, 1944; nouvelle édition augmentée, 1962.

Cassou J. La mémoire courte. Paris: Ed. de Minuit, 1953.

Cassou J. Une vie pour la liberté. Paris: Robert Laffont, 1981.

Humbert A. Notre guerre. Paris: Emile-Paul, 1946.

Leiris M. Journal 1922–1989/ Ed. J. Jamin. Paris: Gallimard, 1992.

Martin-Chauffier S. A bientôt quand même. Paris: Calmann-Lévy, 1976.

Reile O. Treff Lutetia Paris. Munich: Verl. Welsemühl, 1973.

Roskothen E. Gross-Paris: Place de la Concorde, 1941–44. Bad Dürrheim: E. Roskothen, 1979.

Soustelle J. Envers et contre tout. De Londres à Alger. Paris: Robert Laffont, 1947.

Weil-Curiel A. Le Temps de la honte. Paris: Ed. du Myrte: 3 vol. 1945–1947. Vol. II: Eclipse en France; Vol. III: Un voyage en enfer.

Исследования

Blumenson M. The Vildé Affair: Beginnings of the French Resistance. Boston: Houghton Mifflin Company, 1977; trad. fr.: Le Réseau du musée de l'Homme: Les débuts de la Résistance en France/ Trad. de l'angl. par J.-P. Carasso. Paris: Le Seuil, 1979.

George F. Boris Vildé devant la mort // Critique. 1989. Vol. XLV. № 503. Mars.

Lelong Y. L'heure très sévère de Boris Vildé // Visages de la Résistance. La Liberté de l'Esprit. Lyon: La Manufacture, 1987. № 16. P. 329–341.

Noguères H. Histoire de la Résistance en France. Paris: Robert Laffont, 1967. T. I: (juin 1940–juin 1941); T. II: (juillet 1941–octobre 1942), 1969.

Tillion G. Première Résistance en zone occupée (Du côté du réseau musée de l'Homme – Hauet – Vildé) // Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre mondiale. 1958. № 30. Avril. P. 5–22.

Можно также прослушать свидетельства о подпольной деятельности в Музее человека, собранные Франсисом Кремьё для серии передач на радио RTF.

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Вильде

ДНЕВНИК И ПИСЬМА ИЗ ТЮРЬМЫ
1941–1942

Редактор *О.Б. Василевская*
Корректор *А.З. Лазуткина*
Компьютерная верстка *Л.А. Фирсовой*

Подписано в печать 07.02.05. Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 6,5.
Тираж 2000 экз. Заказ № 352

ЗАО «Издательство “Русский путь”». 109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru. Сайт в Интернете: www.rp-net.ru

Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”». 105005, Москва, ул. Ф.Энгельса, д.46

«Приходил прокурор, чтобы "познакомиться со мной". Пообещал, что мне не сносить головы. Никакого впечатления. Позднее, размышляя над этим, я был поражен собственным бесстрастием. Не то чтобы я сомневался в серьезности его слов, как раз напротив. Просто мне это не представляется таким уж важным. И все-таки я люблю жизнь. Господи, как я ее люблю! Но я не боюсь умереть. Быть расстрелянным — в каком-то смысле логичное завершение моей жизни. Кончить с блеском. Каждый кончает с жизнью по-своему».

Борис Вильде

ISBN 5-85887-185-2

